

НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКЯЗКИ

А.Н. АФАНАСЬЕВА

3

В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ

3

МОСКВА 2008
ТЕРРА **ТЕРРА**
КНИЖНЫЙ КЛУБ

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1
Н30

Составитель
А. БУСЛАЕВ

Художник
А. СИМАНЧУК

ШЕМЯКИН СУД

В некоторых палестинах два брата живяше: один богатый, а другой — убогий. Прииде убогий брат к богатому лошади просити, на чем бы ему в лес по дрова съездить. Богатый даде ему лошадь. Убогий же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовал на брата и не даде ему хомута. Убогий же брат умысли себе привязать дровни лошади за хвост, и поехал в лес по дрова, и насек воз велик, елико сила лошади может везти, и приехал ко двору своему, и отворил ворота, а подворотню забыл выставить. Лошадь же бросилась чрез подворотню и оторвала у себя хвост. Брат же убогий к богатому привеле лошадь без хвоста; богатый же виде лошадь без хвоста, не принял у него лошади и поиде на убогого бити челом к Шемяке-судье. Убогий, ведая, что пришла беда его — будет по него посылка, а у голого давно смечено, что хоженного дать будет нечего, поиде вслед брата своего.

И приидоша оба брата к богатому мужику на ночлег. Мужик нача с богатым братом пити и ясти и веселиться, а убогого пригласить не хотяху к себе. Убогий же вниде на полати, поглядывая на них, и внезапно упал с полатей и задавил ребенка в люльке до смерти. Мужик же поиде к Шемяке-судье на убогого бити челом.

Идущим им ко граду купно (богатый брат и оный мужик, убогий же за ними идяше), прилучися им идти

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 5 т. Т. 3. —
Н30 М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2008. — 304 с.

ISBN 978-5-275-01647-5 (т. 3)
ISBN 978-5-275-01644-4

Блестящий историк, правовед, этнограф, фольклорист и журналист Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) посвятил свою жизнь бережному изучению устного народного творчества. Он собрал и обработал множество сказок, легенд и былин, сохранив их для потомства.

Третий том завершает цикл «Народные русские сказки». «Шемякин суд», «Мудрая девица и семь разбойников», «Иван купеческий сын отчитывает царевну» — сколько народной мудрости, смекалки, доброты, юмора рассыпано в этих сказках.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-275-01647-5 (т. 3)
ISBN 978-5-275-01644-4

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2008

высоким мостом. Убогий разуме, что не быть ему живому от судьи Шемяки, и бросился с мосту: хотел ушибиться до смерти. Под мостом сын вез отца хворого в баню, и он попал к нему в сани и задавил его до смерти. Сын же поиде бить челом к судье Шемяке, что отца его ушиб.

Богатый брат прииде к Шемяке-судье бити челом на брата, како у лошади хвост выдернул. Убогий же подня камень, и завязал в плат, и кажет позади брата, и то помышляет: аще судья не по мне станет судить, то я его ушибу до смерти. Судья же, чая — сто рублей дает от дела, приказал богатому отдать лошадь убогому, пока у нее хвост вырастет.

Потом прииде мужик, подаде челобитну в убийстве младенца и нача бити челом. Убогий вынув тот же камень и показа судье позади мужика. Судья же, чая — другое сто рублей дает от другого дела, приказал мужику отдать убогую жену по тех мест, пока у ней ребенок родится: «И ты в те поры возьми к себе жену и с ребенком назад».

Прииде сын об отце бить челом, како задавил отца его до смерти, и подаде челобитну на убогого. Убогий же, вынув тот же камень, кажет судье. Судья, чая — сто рублей дает от дела, приказал сыну стать на мосту: «А ты, убогий, стань под мостом, и ты, сын, так же соскочи с мосту на убогого и задави его до смерти».

Судья Шемяка выслал слугу к убогому просать денег триста рублей. Убогий же показа камень и рече: «Аще бы судья не по мне судил, и я хотел его ушибить до смерти». Слуга же прииде к судье и сказа про убогого: «Аще бы ты не по нем судил, и он хотел тебя этим камнем ушибить до смерти». Судья нача креститься: «Слава богу, что я по нем судил!»

Прииде убогий брат к богатому по судейскому приказу лошади просать без хвоста, пока у ней хвост вырастет. Богатый же не восхоте лошади дати, даде ему денег пять рублей да три четверти хлеба, да козу дойную, и помирился с ним вечно.

Прииде убогий брат к мужику и нача по судейскому приказу жену просати по тех мест, пока ребенок родится.

Мужик же нача с убогим мириться и даде убогому пятьдесят рублей, да корову с теленком, да кобылу с жеребенком, да четыре четверти хлеба, и помирился с ним вечно.

Прииде убогий к сыну за отцово убийство и нача ему говорить, что «по судейскому приказу тебе стать на мосту, а мне под мостом, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти». Сын же нача помышляти себе: «Как скочу* с мосту, его не задавишь, а сам ушибуся до смерти!» и нача с убогим мириться, даде ему денег двести рублей, да лошадь, да пять четвертей хлеба — и помирился с ним вечно.

ЗАГАДКИ

Был-жил мужичок, у него был сын; вот как померла его хозяйка, мужичок вздумал да женился на другой бабе, и прижил с нею еще двух сыновей. И невзлюбила ж мачеха пасынка, ругала его и била, а после пристала к мужу: «Отдай-де его в солдаты!» Нечего с злой бабою спорить, отдал мужик старшего сына в солдаты. Прослужил молодец несколько лет и отпросился домой на побывку.

Явился к отцу; мачеха видит, что из него вышел бравый солдат и что все к нему с почтением, озлобилась еще пуще, сварила лютого зелья, налила в стакан и стала его потчевать. Только солдат каким-то манером про то проведал, взял стакан, выплеснул потихоньку зелье за окно и попал нечаянно на пару отцовских коней; в ту же минуту их словно порохом разорвало. Отец потужил-потужил и велел сыновьям свезти падаль в овраг; там налетело шесть ворон, нажрались падали и тут же все подохли. Солдат подобрал ворон, ощипал перья, изрубил мясо и просит мачеху испечь ему пирогов на дорогу. А та и рада: «Пусть дурак воронье жрет!»

Скоро пироги спсели; солдат забрал их в сумку, распрощался с родичами и поехал в дремучий лес, где проживали разбойники. Приехал в разбойничий притон, когда из

* Соскочу.

хозяев никого дома не случилось: только одна старуха оставалась; вошел в хоромы, разложил на столе пироги, а сам на полати влез. Вдруг заикали, захолопали, прикатили на двор разбойники — всех их двенадцать было. Говорит атаману старуха: «Приехал без вас какой-то человек, вот и пироги его, а сам на полатах спит!» — «Ну что ж! Подавай вина; вот мы выпьем да его пирогами закусим, а с ним еще успеем разделаться». Выпили водки, закусили пирогами — и с той закуски все двенадцать на тот свет отравились.

Солдат слез с полатей, забрал все разбойничье добро — серебро и золото, и воротился в полк. В то время прислал к православному царю басурманский король лист и требует, чтобы загнул ему белый царь загадку: «Если я не отгадаю — руби с меня голову и садись на мое царство, а коли отгадаю — то с тебя голову долой, и все твое царство пусть мне достанется». Прочитал царь этот лист и созвал на совет своих думных людей и генералов; сколько они ни думали, никто ничего не выдумал. Услыхал про то солдат и явился сам к царю: «Ваше величество, — говорит, — я пойду к басурманскому королю; моей загадки ему в жизнь не разгадать!»

Царь отпустил его. Приезжает солдат к королю, а он сидит за своими волшебными книгами, и булатный меч перед ним на столе лежит. Вздумал добрый молодец, как от единого стакана две лошади пали, от двух лошадей шесть ворон подошли, от шести ворон двенадцать разбойников померли, и стал задавать загадку: «Один двоих, двое шестерых, а шестеро двенадцать!» Король думал-думал, вертел-вертел свои книжки, так и не смог отгадать. Солдат взял булатный меч и отсек ему голову; все басурманское царство досталось белому царю, который пожаловал солдата полковничьим чином и наградил большим именем.

И был в те поры у нового полковника большой пир, на том пиру и я был, мед-вино пил, по усу текло, в рот не попало; кому подносили ковшом, а мне решетом.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик; у него был сын. Ездили они по селам, по городам да торговали помаленьку. Раз поехал сын в окольные деревни торг вести. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приехал к избушке и попросился ночь ночевать. «Милости просим, — отвечала старуха, — только с тем уговором, чтоб ты загадал мне загадку неразгаданную». — «Хорошо, бабушка!» Вошел в избушку; она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила, а сама села возле и велела задавать загадку. «Погоди, бабушка; дай подумаю!» Пока купец думал, старуха уснула; он тотчас собрался, и вон из избушки. Старуха услышала шум, пробудилась — а гостя нет, выбежала на двор и подносит ему стакан с пойлом. «Выпей-ка, — говорит, — посошок на дорожку!» Купец не стал на дорогу пить, вылил пойло в кувшин, и съехал со двора.

Ехал-ехал, и застигла его в поле темная ночь; остановился ночевать где бог привел — под открытым небом. Стал он думать да гадать, что такое поднесла ему старуха, взял кувшин, налил себе на ладонь, с той ладони помазал плеть, а той плетью ударил коня; только ударил — коня вмиг разорвало! Поутру налетело на пададь тридцать воронов; наклевались-наелись, да тут же и переколели все. Купец собирал мертвых воронов и развесил по деревьям. В то самое время ехал мимо караван с товарами; увидели приказчики птиц на деревьях, взяли их — снимали, изжарили и съели: только съели — так мертвые и попадали! Купец захватил караван и поехал домой.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — заехал опять к той же старухе ночь ночевать. Она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила и велит задавать загадку «Хорошо, бабушка, скажу тебе загадку; только уговор лучше денег: коли отгадаешь — возьми у меня весь караван с товарами, а коли не отгадаешь — заплати мне столько деньгами, сколько стоит караван с товарами». Старуха согласилась. «Ну, вот тебе загадка из стакана в кувшин, из кувшина на ладонь, с ладони на плетку,

с плетки на коня, из коня в тридцать воронов, из воронов в тридцать молодцев». Старуха маялась-маялась, так и не отгадала; делать нечего, пришлось платить денежки. А купец воротился домой и с деньгами и с товарами и стал себе жить-поживать, добра наживать.

* * *

Близ большой дороги заседал мужик полянку. На то время ехал царь, остановился против мужика и сказал: «Бог в помощь, мужичок!» — «Спасибо, добрый человек!» (он не знал, что это царь). — «Много ли получаешь с этой полянки пользы?» — спросил царь. «Да при хорошем урожае рублей с восемьдесят будет». — «Куда ж эти деньги деваешь?» — «Двадцать рублей в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — займы даю, да двадцать — за окно кидаю». — «Растолкуй же, братец, какой ты долг платишь, кому займы даешь и зачем за окно кидаешь?» — «Долг плачу — отца содержи, займы даю — сына кормлю, за окно кидаю — дочь питаю». — «Правда твоя!» — сказал государь; дал ему горсть серебра, объявил себя, что он царь, и заповедал: без его лица никому тех речей не сказывать: «Кто бы ни спрашивал, никому не говори!»

Приехал царь в свою столицу и созвал бояр да генералов: «Разгадайте, — говорит, — мне загадку. Видел я по дороге мужика — заседал полянку; спросил у него: сколько он пользы получает и куда деньги девает? Мужичок мне отвечал: при урожае восемьдесят рублей получаю; двадцать в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — займы даю, да двадцать — за окно кидаю. Кто из вас разгадает эту загадку, того больших наград, больших почестей удостою». Бояре и генералы думали-думали, не могли разгадать. Вот один боярин вздумал и отправился к тому мужику, с которым царь разговаривал, насыпал ему целую грудку серебряных рублевиков и просит: «Объясни-де, растолкуй царскую загадку!» Мужик позарился на деньги, взял да и объявил про все боярину; а боярин воротился к царю и сейчас растолковал его загадку.

Царь видит, что мужик не сдержал заповеди, приказал его перед себя достать. Мужик явился к царю и с самого перва сознался, что это он рассказал боярину. «Ну, брат, пеняй на себя, за такую провинность велю казнить тебя смертию!» — «Ваше величество! Я ничем не виновен, потому — боярину рассказал я при вашем царском лице». Тут вынул мужик из кармана серебряный рублевик с царской персоной и показал государю. «Правда твоя! — сказал государь. — Это моя персона». Наградил щедро мужика и отпустил домой.

ГОРШЕНЯ

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван Васильевич. «Мир по дороге!» Горшеня оглянулся. «Благодарим, просим со смиреньем». — «Знать, вздремал?» — «Вздремал, великий государь! Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет». — «Экой ты смелый, горшеня! Люблю этаких. Ямщик, поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?» — «Сызмолоду, да вот и середовой стал». — «Кормишь детей?» — «Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет». — «Хорошо, горшеня, но все-таки на свете не без худа». — «Да, ваше царское величество. На свете есть три худа». — «А какие три худа, горшенюшка?» — «Первое худо: худой шабер*, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разум». — «А скажи мне, которое худо всех хуже?» — «От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь — все с тобой». — «Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня — а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ощиплешь, а по-правильному покинешь!» — «Годится, так покину — как придет, а то и наголо». — «Ну, горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду».

Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Государь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны.

* Сосед.

«Ты наделаешь мне этаких?» — «Сколько угодно вашему царскому величеству?» — «Возов десяток надо». — «На много ли дашь время?» — «Месяц». — «Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня». — «Спасибо, горшенюшка!» — «А ты, государь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?» — «Буду в дому у купца в гостях». Государь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему: «Бог за товаром, горшеня!» — «Просим покорно». — «Продай мне весь товар». — «Нельзя, по заказу». — «А что тебе, ты бери деньги — не повинят из этого, коли не взял задатку под работу. Ну, что возьмешь?» — «А вот что: каждую посудину насыпать полную денег». — «Полно, горшенюшка, много!» — «Ну хорошо, одну насыпать, а две отдать — хочешь?» И сладили. «Ты для меня, а я для тебя». Насыпают да высыпают, сыпали, сыпали... денег не стало, а товару еще много. Боярин, видя худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыплют да сыплют — товару все много. «Как быть, горшенюшка?» — «Ну что, не жадал? Нечего делать, я тебя уважу — только знаешь что: свези меня на себе до этого двора, отдам и товар и все деньги».

Боярин мялся, мялся — жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сел мужик, повез боярин; в споре дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет. «До коих же мест везти тебя?» — «Вот до этого двора и до этого дому». Весело поет горшеня, против дому он высоко поднял. Государь услышал, выбег на крыльцо — признал горшеню. «Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом!» — «Благодарю, ваше царское величество». — «Да на чем ты едешь?» — «На худом-то разуме, государь». — «Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать! Боярин! Скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтан, и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай его

строевую одежду. Умел товар продать! Не много послужил, да много услужил — а ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?» — «Прилетали». — «Перышки ощипал, а по-правильному покинул?» — «Нет, наголо, великий государь, — всего ощипал».

МУДРЫЕ ОТВЕТЫ

Служил солдат в полку целые двадцать пять лет, а царя в лицо не видал. Пришел домой; стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и сказать-то. Вот и зачали его корить родичи да знакомцы; «Вишь, — говорят, — двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!» Обидно это ему показалось; собрался и пошел царя смотреть. Пришел во дворец. Царь спрашивает: «Зачем, солдат?» — «Так и так, ваше царское величество, служил я тебе да богу целые двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал; пришел посмотреть!» — «Ну, смотри». Солдат три раза обошел кругом царя, все оглядывал. Царь спрашивает: «Хорош ли я?» — «Хорош», — отвечает солдат. «Ну теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от земли?» — «Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно». — «А широка ли земля?» — «Вон там солнце всходит, а там заходит — столь широка!» — «А глубока ли земля?» — «Да был у меня дед, умер тому назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!»

Потом отослал царь солдата в темницу и сказал ему: «Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей; умеи по перу выдернуть». — «Ладно!»

Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал; они думали-думали, не смогли ответу дать, и велел их царь посадить за то в темницу. Спрашивает их солдат: «Купцы-молодцы, вас за что посадили?» — «Да вишь, государь нас допрашивал: далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока; а мы — люди темные, не смогли ответу дать». —

«Дайте мне каждый по тысяче рублей — я вам правду скажу». — «Изволь, брат; только научи». Взял с них солдат по тысяче и научил, как отгадать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата; задал купцам те же самые загадки, и как скоро они отгадали — отпустил их по своим местам. «Ну, служба, сумел по перу сдернуть?» — «Сумел, царь-государь, да еще по золотому!» — «А далеко ль тебе до дому?» — «Отсюда не видно — далеко, стало быть!» — «Вот тебе тысяча рублей; ступай с богом!» Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.

МУДРАЯ ДЕВА

Ехали два брата: один бедный, другой именитый; у обоих по лошади: у бедного кобыла, у именитого мерин. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенок подкатился под телегу богатого. Будит он наутро бедного: «Вставай, брат, у меня телега ночью жеребенка родила». Брат встает и говорит: «Как можно, чтобы телега жеребенка родила! Это моя кобыла принесла». Богатый говорит: «Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок бы подле был!» Пospорили они и пошли до начальства; именитый дарит судей деньгами, а бедный словами оправдывается.

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки: «Что всего в свете сильней и быстрее, что всего в свете жирнее, что всего мягче и что всего милее?» и положил им сроку три дня: «На четвертый приходите, ответ дайте!»

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить. Она посадила его за стол, стала угощать; а сама спрашивает: «Что так печален, куманек?» — «Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил». — «Что такое? Скажи мне». — «А вот что, кума: первая загадка — что всего в свете

сильней и быстрее?» — «Экая загадка! У моего мужа карья* кобыла есть; нет ее быстрее! Коли кнутом приударить — зайца догонит». — «Вторая загадка: что всего в свете жирнее?» — «У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что и на ноги не подымается!» — «Третья загадка: что всего в свете мягче?» — «Известное дело пуховик, уж мягче не выдумает!» — «Четвертая загадка: что всего в свете милее?» — «Милее всего внучек Иванушка!» — «Спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, по век не забуду».

А бедный брат залился горькими слезами и пошел домой; встречает его дочь-семилетка (только и семьи было, что дочь одна): «О чем ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?» — «Как же мне не вздыхать, как слез не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которых мне и в жизнь не разгадать». — «Скажи мне, какие загадки?» — «А вот какие, дочка: что всего в свете сильней и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?» — «Ступай, батюшка, и скажи царю: сильней и быстрее всего ветер; жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет — земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все руку под голову кладет; а милее сна нет ничего на свете!»

Пришли к царю оба брата: и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного: «Сам ли ты дошел или кто тебя научил?» Отвечает бедный: «Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила». — «Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелковая; пусть к утру соткет мне полотенце узорчатое». Мужик взял шелковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный. «Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце». — «Не кручинься, батюшка!» — отвечала семилетка, отломила прутик от венника, подает отцу и наказывает: «Пойди к царю, скажи, чтоб нашел такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросны: было бы на чем полотенце ткать!» Мужик доложил про то царю. Царь дает ему полтора ста яиц: «От-

* Темногнедая, почти вороная с подпалинами.

дай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтраму выведет мне полтораста цыплят».

Воротился мужик домой еще кручиннее, еще печальнее: «Ах, дочка! От одной беды увернешься, другая навяжется!» — «Не кручинься, батюшка!» — отвечала семилетка, попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю: «Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодневное пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено; другого пшена наши цыплята и клевать не станут!» Царь выслушал и говорит: «Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка». — «Ну, — думает мужик, — такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать!» — «Не кручинься, батюшка! — сказала ему дочь-семилетка. — Ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепелку». Отец пошел и купил ей зайца и перепелку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепелку, села верхом на зайца и поехала во дворец. Царь ее у ворот встречает. Поклонилась она царю: «Вот тебе, государь, подарочек!» — и подает ему перепелку. Царь протянул было руку: перепелка порх — и улетела! «Хорошо, — говорит царь, — как приказал, так и сделала. Скажи мне теперь: ведь отец твой беден, так чем вы кормитесь?» — «Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, лоушки в воду не становит; а я приполом* рыбу ношу да уху варю». — «Что ты, глупая! Когда рыба на сухом берегу живет? Рыба в воде плавает!» — «А ты умен? Когда видано, чтоб телега жеребенка принесла? Не телега, кобыла родит!» Царь присудил отдать жеребенка бедному мужику, а дочь его взял к себе; когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

* Подолом.

ПОПОВ РАБОТНИК

В некотором селе поп нанял себе батрака и послал его на сучонке пахать, и дал ему целую ковригу хлеба, и гуторя ему: «На, батрак, будь сам сыт, и сучонка чтобы была сыта, да чтобы и коврига была цела».

Во батрак, взявши, поехал в поле, а приехавши, зачал пахать. Во пахал, пахал, уж время бы, кажись, и червячка заморить: животики ему так и подвело; да что станешь делать с поповым-то приказом? Но голод не тетка, уму-разуму научит. Во и вздумал думу батрак, кажись бы гожа!

Ну, быть делу так. Взял верхнюю корку с хлебушка тихохонько снял, мякиш всеё повытаскивал, сам досыта наелся и сучонку накормил, а корки опять сложил по-прежнему, как было, да и попахивает себе до вечера как будто ни в чем не был, горя мало ему! Во уж начало смеркаться. Он и поехал домой. Приезжает, а поп его уж у ворот встречает и спрашивает его: «Что, мол, батрак, сыт?» Он кажа: «Сыт». Поп опять спрашивает: «А сучонка сыта?» Батрак кажа: «Сыта». Поп опять гуторя: «А коврига цела?» Батрак кажа: «Цела! На вот, батюшка, целехонька». Во как разглядел поп-от, да и рассмеялся, и гуторя: «Хитрец ты окаянный! Как на тя* погляжу, из тебя прок будет. Люблю за обычай и за твою догадливость! Ухитрился, молодец! Оставайся у меня, живи; мне такой и надобен». И оставил его у себя, прибавил еще сверх договорной цены за то, что парень-то попался ему ухарский и разухабистый да больно догадливый. Тут-то батраку пошло житье, что твоя маслена, и умирать не надо.

ЦАРЕВИЧ-НАЙДЕНЬШ

Жил царь с царицею; у них родился сын. Понадобилось царю отлучиться из дому; без него беда пришла — царевич пропал! Искали-искали царевича — как в воду канул.

* Тебя.

ни слуху, ни духу об нем! Долго плакали царь с царицею. Прошло целые пятнадцать лет, и донеслись до царя вести, что в одной деревне такой-то мужик нашел ребенка — всем на диво: и красотой и умом взял! Царь приказал доставить наскоро к себе мужика. Привезли его, начали расспрашивать, где и когда нашел мальчика? Мужик объявил, что нашел его пятнадцать лет тому назад в овине, что на нем одежда была такая-то, богатая. По всем приметам, кажись, и царский сын!

Говорит царь мужику: «Скажи твоему найденшшу, чтоб он ко мне побывал ни наг, ни одет, ни пешком, ни на лошади, ни днем, ни ночью, ни на дворе, ни на улице». Мужик приехал домой, плачет и рассказывает мальчику: как теперь быть? Мальчик говорит: «Не больно хитро! Эту загадку разгадать можно». Взял разделся с ног до головы да накинул на себя сетку, сел верхом на козла, приехал к царю в сумерки и въехал на козле в ворота: передние ноги на дворе, а задние на улице. Царь увидал и говорит: «Вот мой сын!»

СОСВАТАННЫЕ ДЕТИ

Жили-были два богатых купца: один в Москве, другой в Киеве; часто они съезжались по торговым делам, вместе дружбу водили и хлеб-соль делили. В некое время приехал киевский купец в Москву, свиделся с своим приятелем и говорит ему: «А мне бог радость дал — жена сына родила!» — «А у меня дочь родилась!» — отвечает московский купец. «Ну-ка, давай по рукам ударим! У меня — сын, у тебя — дочь, чего лучше — жених и невеста! Как вырастут, обвенчаем их и породнимся». «Ладно, только это дело нельзя просто делать. Пожалуй, еще твой сын отступится от невесты; давай мне двадцать тысяч залого!» — «А если твоя дочь да помрет?» — «Ну, тогда и деньги назад». Киевский купец вынул двадцать тысяч и отдал московскому; тот взял, приезжает домой и говорит жене: «Знаешь ли, что скажу? Ведь я свою дочь просватал!»

Купчиха изумилась: «Что ты! Али с ума сошел? Она еще в люльке лежит!» — «Ну что ж, что в люльке? Я все-таки ее просватал: вот двадцать тысяч залого взял».

Вот хорошо. Живут купцы всякий в своем городе, а друг друга не навещают — далеко, да и дела так пошли, что надо дома оставаться. А дети их растут да растут: сын хорош, а дочь еще лучше.

Прошло восемнадцать лет; московский купец видит, что от старого его знакомца нет ни вести, ни слуху, и просватал дочь свою за полковника. В то самое время призывает киевский купец своего сына и говорит ему: «Поезжай-ка ты в Москву; там есть озеро, на том озере я поставил пленку*; если в эту пленку попала утка — то утку вези, а ежели нет утки — то пленку назад». Купеческий сын собрался и поехал в Москву; ехал-ехал, вот уж близко, всего один перегон остался. Надо ему через реку переправляться, а на реке мост: половина замощена, а другая нет.

Тою же самою дорогою случилось ехать и полковнику; подъехал к мосту и не знает, как ему перебраться на ту сторону? Увидал он купеческого сына и спрашивает: «Ты куда едешь?» — «В Москву». — «Зачем?» — «Там есть озеро, в том озере — лет восемнадцать прошло, как поставил мой отец пленку, а теперь послал меня с таким приказом: если попала в пленку утка — то утку возьми, а если утки нет — то пленку назад!» — «Вот задача! — думает полковник. — Разве может простоять пленка восемнадцать лет? Ну, пожалуй, пленка еще простоит; а как же утка-то проживет столько времени?» Думал-думал, гадал-гадал, ничего не разгадал. «Как же, — говорит, — нам через реку переехать?» — «Я поеду задом наперед!» — сказал купеческий сын; погнал лошадей, доехал до половины моста и давай задние доски наперед перемашивать; намостил и перебрался на другую сторону, а вместе с ним и полковник переехал.

Вот приехали они в город. «Ты где остановишься?» — спрашивает купеческого сына полковник. «А в том доме,

* Плетеная из конского волоса сеть.

где весна с зимой на воротах». Распрощались и повернули всякий в свою сторону.

Купеческий сын пристал у одной бедной старухи; а полковник погнался к невесте. Там его стали поить, угощать, о дороге спрашивать. Он и рассказывает: «Повстречался я с каким-то купеческим сыном; спросил его: зачем в Москву едет? А он в ответ: есть-де в Москве озеро, на том озере — лет восемнадцать прошло, как мой отец пленку поставил, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка — то утку возьми, а ежели утки нет — то пленку назад! Тут пришлось нам через реку переправляться; на той реке мост, половина замощена, а другая нет. Раздумался я, как на другую сторону переехать? А купеческий сын сейчас смекнул, задом наперед переехал и меня перевез». — «Где же он на квартире стал?» — спрашивает невеста. «А в том доме, где весна с зимой на воротах».

Вот купеческая дочь побежала в свою комнату, позвала служанку и приказывает: «Возьми кринку молока, ковригу хлеба да лукошко яиц; из кринки отпей, ковригу почни, из лукошка яйцо скушай. Потом ступай в тот дом, где на воротах трава с сеном привязаны; разыщи там купеческого сына, отдай ему хлеб, молоко и яйца да спроси: в своих ли берегах море или упало? Полон ли месяц или в ущербе? Все ли звезды в небе или скатились?» Пришла служанка к купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашивает: «Что море — в своих ли берегах или упало?» — «Упало». — «Что месяц — полон или в ущербе?» — «В ущербе». — «Что звезды — все ли на небе?» — «Нет, одна скатилась». Вот служанка воротилась домой и рассказала эти ответы купеческой дочери. «Ну, батюшка, — говорит отцу купеческая дочь, — ваш жених мне не годится; у меня есть свой давнишний — с его отцом по рукам ударено, договором скреплено».

Сейчас послали за настоящим женихом, стали свадьбу справлять да пир пировать, а полковнику отказали. На той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало.

ДОЧЬ ПАСТУХА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; наскучило ему ходить холостому и задумал жениться; долго приглядывался, долго присматривался, и никак не мог найти себе невесты по сердцу. В одно время поехал он на охоту и увидел на поле: пасет скотину крестьянская дочь — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, а другой такой во всем свете не сыскать. Подъехал царь к ней и говорит ласково: «Здравствуй, красная девица!» — «Здравствуй, государь!» — «Которого отца ты дочь?» — «Мой отец — пастух, недалеко живет». Царь расспросил про все подробно: как зовут ее отца и как слышет их деревня, распрощался и поехал прочь. Немного погодя, день или два, приезжает царь к пастуху в дом: «Здравствуй, добрый человек! Я хочу на твоей дочери жениться». — «Твоя воля, государь!» — «А ты, красная девица, пойдешь за меня?» — «Пойду!» — говорит. «Только я беру тебя с тем уговором, чтоб ни одним словом мне не поперечила; а коли скажешь супротив хоть единое словечко — то мой меч, твоя голова с плеч!» Она согласилась.

Царь приказал ей готовиться к свадьбе, а сам разослал по всем окрестным государствам послов, чтоб съезжались к нему короли и королевичи на пир на веселье. Собрались гости; царь вывел к ним свою невесту в простом деревенском платье: «Что, любезные гости, нравится ли вам моя невеста?» — «Ваше величество, — сказали гости, — коли тебе нравится, а нам и подавно». Тогда велел ей нарядиться в царские уборы, и поехали к венцу. Известное дело: у царя не пиво варить, не вино курить — всего вдоволь! Перевенчались и подняли пир на весь мир: пили-ели, гуляли и потешались. Отпировали, и зачал царь жить с своей молодой царицею в любви и согласии. Через год времени родила царица сына, и говорит ей царь грозное слово: «Твоего сына убить надо, а то соседние короли смеяться будут, что всем моим царством завладеет после меня мужицкий сын!» — «Твоя воля! Не могу тебе поперечить», — отве-

чает бедная царица. Царь взял ребенка, унес от матери и тайно велел отвезти его к своей сестре: пусть у ней растет до поры до времени. Прошел еще год — царица родила ему дочь; царь опять говорит ей грозное слово: «Надобно изгубить твою дочь, а то соседние короли смеяться будут, что она не царица, а мужицкая дочь!» — «Твоя воля! Делай что знаешь, не могу тебе поперечить». Царь взял девочку, унес от бедной матери и отослал к своей сестре.

Много лет прошло, много воды утекло; царевич с царевною выросли: он хорош, она еще лучше — другой такой красавицы нигде не найти! Царь собрал своих думных людей, призвал жену и стал говорить: «Не хочу с тобой больше жить; ты — мужичка, а я — царь! Снимай царские уборы, надевай крестьянское платье и ступай к своему отцу». Ни слова не сказала царица, сняла с себя богатые уборы, надела старое крестьянское платье, воротилась к отцу и по-прежнему начала в поле скотину гонять. А царь задумал на иной жениться; отдал приказ, чтобы все было к свадьбе готово, и, призвав свою прежнюю жену, говорит ей: «Хорошенько прибери у меня в комнатах; я сегодня невесту привезу». Она убрала комнаты, стоит — дожидается.

Вот привез царь невесту, за ним следом наехало гостей видимо-невидимо; сели за стол, стали есть-пить, веселиться. «Что, хороша ли моя невеста?» — спрашивает царь у прежней жены. Отвечает она: «Если тебе хороша, так мне и подавно!» — «Ну, — сказал ей царь, — надевай опять царские уборы и садись со мной рядом; была ты и будешь моей женою. А эта невеста — дочь твоя, а это — сын твой!» С этих пор начал царь жить с своею царицею без всякой хитрости, перестал ее испытывать и до конца своей жизни верил ей во всяком слове.

ОКЛЕВАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ

Был-жил купец, имел у себя двух детей: дочь да сына. Стал купец помирать (а купчиху-то прежде его на погост

свезли) и приказывает: «Дети мои! Живите хорошо — в любви и совете, так, как мы с покойницею жили». Вот и помер; схоронили его и помянули, как следует.

Немного погодя задумал купеческий сын за морем торговать; снарядил три корабля, нагрузил их разными товарами и стал сестре наказывать: «Ну, милая сестрица, еду я в дальнюю дорогу, оставляю тебя одну-одинешеньку дома; смотри же, веди себя скромно, в худые дела не вдавайся, по чужим людям не таскайся». После того поменялись они своими портретами: сестра взяла братнин портрет, а брат — сестрин; поплакали на расставанье и простились.

Купеческий сын снялся с якорей, отвалил от берега, поднял паруса и вышел в открытое море; плывет год, плывет другой, а на третий год приезжает к некоему богатому, стольному городу и останавливает свои корабли в гавани. Как скоро приехал, сейчас набрал блюдечко драгоценных камней да сверток лучшего бархату, камки* и атласу и понес к тамошнему царю на поклон. Приходит во дворец, подает царю гостинец и просит позволения торговать в его стольном городе. Полюбился царю дорогой гостинец, говорит он купеческому сыну: «Хорош твой дар! Сколько лет я на свете живу, никто так меня не учествовал; даю тебе за то первое место по торгу. Продавай-покупай, никого не бойся, а коли обида будет — прямо ко мне приходи; завтра я сам к тебе на корабль побываю».

На другой день приехал царь к купеческому сыну, стал по кораблю похаживать, товары осматривать и увидел в хозяйской каюте — портрет висит; спрашивает купеческого сына: «Чей это портрет?» — «Моей сестрицы, ваше величество!» — «Ну, господин купец, такой красоты я еще отродясь не видывал; а скажи по правде: какова она нравом и обычаем?» — «И тиха и чиста, как голубка!» — «Ну, коли так, быть ей царицею; возьму за себя замуж». А в те поры был при царе генерал, да такой злощущий, завистливый: чужое счастье ему поперек в горле становилось. Услыхал

* Камка — шелковая китайская ткань с разводами.

он царские речи и страшно озлобился: этак, пожалуй, придется нашим женам купчихе кланяться! Не выдержал и говорит царю: «Ваше величество! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить». — «Сказывай!» — «Эта купеческая дочь вам вовсе не пара; я сам ее давно знаю, не раз с нею на постели леживал, в любовные игры поигрывал; совсем девка распутная!» — «Как же ты, иноземный купец, говоришь, что она тиха и чиста, как голубка, худыми делами не занимается?» — «Ваше величество! Коли генерал не врет, пусть достанет от моей сестры именной перстень да узнает, какова у ней тайная примета есть». — «Хорошо, — говорит царь и дает тому генералу отпуск, — коли в срок не достанешь перстня да приметы не скажешь — то мой меч, твоя голова с плеч!»

Собрался генерал и поехал в тот город, где жила купеческая дочь; приехал и не знает, как ему быть? Ходит по улицам взад и вперед, такой кручинный, задумчивый. Попадает ему навстречу старушонка, просит милостыни; он ей подал. Спрашивает старуха: «О чем, господин, призадумался?» — «Что тебе сказывать? Ведь ты моему горю не пособишь». — «Кто знает — может, и пособию!» — «Знаешь ты, где живет такая-то купеческая дочь?» — «Как не знать!» — «Ну так достань у нее именной перстень да разузнай, какова у ней тайная примета есть; сделаешь это дело, награжу тебя золотом». Старушонка потащила к купеческой дочери, постучалась в ворота, вошла в горницу, помолилась и стала рассказывать, что идет ко святым местам: не будет ли какого подаяния? Повела такие хитрые речи, что красная девица совсем заслушалась и не заметила, как проговорилась о своей тайной примете; пока то да се, старушонка стибрила со столика именной перстень и в рукав запрягала. После того попрощалась с хозяйкою и бегом к генералу, отдает ему перстень и говорит: «А тайная примета у купеческой дочери — золотой волосок под левою мышкою».

Генерал наградил ее щедрой рукою и отправился в обратный путь; приезжает в свое государство и является во

дворец; и купеческий сын тут же. «Ну что, — спрашивает царь, — достал именной перстень?» — «Вот он, ваше величество!» — «А какова у купеческой дочери тайная примета?» — «Золотой волосок под левою мышкою». — «Так ли?» — спрашивает царь купеческого сына. «Точно так, государь!» — «Как же смел ты передо мною лгать? За твою вину велю казнить тебя». — «Царь-государь! Не откажи в последней милости, позволь написать к сестре письмо; пусть приедет, со мной попрощается». — «Хорошо, — отвечал царь, — пиши; только я долго ждать не стану!» Отложил казнь на срок, а до того времени приказал заковать его в железа и посадить в темницу.

Вот купеческая дочь, как получила от брата письмо да прочитала, тотчас пустилась в дорогу; едет да золотую перчатку вяжет, а сама горько плачет: слезы падают бриллиантами; она те бриллианты подбирает да на перчатку сажает. Приехала в столичный город наскоро, наняла у бедной вдовы квартиру и спрашивает: «Что у вас в городе нового?» — «У нас новостей нет никаких, кроме того, что один иноземный купец через свою сестру страдает, завтрашний день его вешать будут».

Поутру встала купеческая дочь, наняла карету, нарядилась в богатое платье и поехала на площадь; там уж виселица готова, войска расставлены, и народу набралось много множество; вон уж и брата ее ведут. Она вышла из кареты и прямо к царю, подает ему ту перчатку, что дорогой связала, и говорит: «Ваше величество! Оцените, что такая перчатка стоит?» Царь посмотрел. «Ей, — говорит, — и цены нету!» — «Ну так ваш генерал был у меня в дому и точно такую перчатку украл — дружку этой самой; прикажите розыск сделать».

Царь позвал генерала: «Вот на тебя жалоба, будто ты дорогую перчатку украл». Генерал начал божиться: ничего знать не знаю и ведать не ведаю. «Как же ты не знаешь?» — говорит ему купеческая дочь. — «Сколько раз бывал в моем доме, со мной на постели леживал, в любовные игры поигрывал...» — «Да я тебя впервой вижу! Никогда

у тебя не бывал, и теперь — хоть умереть — не знаю: кто ты и откуда приехала». — «Так за что же, ваше величество, мой брат страдает?» — «Который брат?» — спрашивает царь. «А вон которого на виселицу привели!» Тут все дело начистоту открылось; царь приказал купеческого сына освободить, а генерала повесить; а сам сел с красной девицей, купеческой дочерью, в карету и поехал в церковь. Там они обвенчались, сделали большой пир и стали жить-поживать, добра наживать, и теперь живут.

ЦАРИЦА-ГУСЛЯР

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь с царицею; пожил он с нею немалое время и задумал ехать в ту чужедальную землю, где жиды Христа распяли. Отдал приказы министрам, попрощался с женою и отправился в дорогу. Долго ли, коротко ли — приехал в чужедальную землю, где жиды Христа распяли; а в той земле правил тогда проклятый король. Увидал этот король царя, велел схватить его и посадить в темницу. Много у него в темнице всяких невольников; по ночам в цепях сидят, а по утрам надевает на них проклятый король хомуты и пашет пашню до вечера. Вот в такой-то муке прожил царь целые три года и не знает, как ему оттуда вырваться, как дать о себе царице весточку? И выискал-таки случай, написал к ней письмоцо. «Продавай, — пишет, — все наше имение да приезжай выкупать меня из неволи».

Получила царица письмо, прочитала и восплакала: «Как мне выкупить царя? Если сама поеду — увидит меня проклятый король и возьмет к себе заместо жены; если министров пошлю — на них надежи нет!» И что ж она вздумала? Остригла свои косы русые, нарядилась музыкантом, взяла гусли и, никому не сказавшись, отправилась в путь-дорогу дальнюю. Приходит к проклятому королю на двор и заиграла в гусли, да так хорошо, что век бы слушал — не наслушался. Король как услышал такую

славную музыку, тотчас велел позвать гусляра во дворец. «Здравствуй, гусляр! Из которой земли ты, из которого царства?» — спрашивает король. Отвечает ему гусляр: «Сызмала хожу, ваше величество, по белому свету, людей веселю, да тем свою голову кормлю». — «Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третий; я тебя щедро награжу». Гусляр остался; день-деньской перед королем играет, а тот все досыта не наслушается. Экая славная музыка! Всякую скуку, всякую тоску как рукой снимает.

Прожил гусляр у короля три дня и приходит прощаться. «Что ж тебе за труды пожаловать?» — спрашивает король. «А пожалуй, государь, мне единого невольника, у тебя много в темнице насажено; а мне нужен товарищ в дороге. Хожу я по чужедальным государствам; иной раз не с кем слова вымолвить». — «Изволь, выбирай себе любого!» — сказал король и повел гусляра в темницу. Гусляр оглянул заключенных, выбрал себе царя-невольника, и пошли они вместе странствовать. Подходят к своему государству, царь и говорит: «Отпусти меня, добрый человек! Я ведь — не простой невольник, я сам царь; сколько хочешь, бери выкуп: ни денег, ни крестьян не пожалею». — «Ступай с богом, — говорит гусляр, — мне твоего ничего не надо». — «Ну, хоть в гости ко мне зайди». — «Будет время — побываю». Тут они распрощались и пошли каждый своею дорогою.

Царица побежала окольною дорогою, прежде мужа домой поспела, сняла с себя гуслярское платье и нарядилась, как быть следует. Через час времени закричали, забегали по двору придворные: царь пришел! Царица к нему навстречу бросилась, а он со всеми здороваются, а на нее и смотреть не хочет. Поздоровался с министрами и говорит: «Вот, господа, какова жена у меня! Теперь на шею бросается, а как сидел я в неволе да писал к ней, чтоб все добро продавала да меня выкупала — небось ничего не сделала. О чем же она думала, коли мужа позабыла?» Министры доложили царю: «Ваше величество! Как только царица получила ваше письмо, в тот же самый день неизвестно куда скрыла-

ся и все это время пропадала; во дворец только сегодня явилась».

Царь сильно разгневался и приказывает: «Господа министры! Судите мою неверную жену по правде по истинной. Где она по белу свету таскалась? Зачем не хотела меня выкупить? Не видать бы вам своего царя веки вечные, если б не молодой гусяр; за него стану бога молить, ему половину царства не пожалею отдать». Тем временем царица успела нарядиться гусяром, вышла на двор и заиграла в гусли. Царь услышал, побежал навстречу, схватил музыканта за руку, приводит во дворец и говорит своим придворным: «Вот этот гусяр, что меня из неволи выручил!» Гусяр сбросил с себя верхнюю одежду — и все тотчас узнали царицу. Тут царь возрадовался; начал на радостях пир пировать, да так целую неделю и прохлаждался.

ОТЕЦ И ДОЧЬ

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был богатый купец, у него жена была красавица, а дочь такова, что даже родную мать красотой превзошла. Пришло время, купчиха заболела и померла. Жаль было купцу, да делать нечего; похоронил ее, поплакал-погоревал и стал на свою дочь засматриваться. Обуяла его нечистая любовь, приходит он к родной дочери и говорит: «Твори со мной грех!» Она залилась слезами, долго его уговаривала-умоляла; нет, ничего не слушает. «Коли не согласишься, — говорит, — сейчас порешу твою жизнь!» И сотворил с нею грех насильно, и с того самого времени понесла она чадо. А у того купца было двенадцать приказчиков. Как только заметил он, что дочь тяжела, тотчас начал ее выспрашивать: «Послушай, дочь моя милая! Когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мне сказывать? Прямо на тебя». — «Нет, дочка, ты на меня не сказывай, а лучше скажи на приказчика». — «Ах, отец, как я скажу понапрасну на человека невинного?» Сколько купец ее ни уговаривал, она все свое твердит. А время идет да идет.

Вдруг приезжает за ним гонец от государя: «Царь-де спрашивает». Приехал к царю: «Что, ваше величество, прикажете?» — «Собери корабли да поезжай в тридцатое государство за товарами». Ну, царя нельзя не послушаться; хоть не хочешь — поедешь. Велел купец изготовить все к походу, а сам к дочери: «В последний раз тебя, дочка, спрашиваю: когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мне сказывать? Прямо на тебя». Купец схватил острый меч со стены и отсек ей голову: кровь так и брызгнула! После взял убитую, отнес в сад и спрятал в погреб; сам сел на корабль и уехал в тридцатое государство.

Всем домом купеческим стал заправлять главный приказчик. Вот в первую же ночь снится ему, будто кто говорит: «Что ты спишь! Ничего не ведаешь, что у тебя приключилось?» Приказчик проснулся, взял ключи и пошел по кладовым; кажись, все кладовые обошел, а один ключ все лишний, и не придумает приказчик, что бы такое тем ключом было заперто. «Дай пойду в сад, поразгуляюсь!» Только он в сад, а соловей сидит на кустике да громко поет, словно человеческим голосом выговаривает: «Добрый молодец! Вспомни про меня, я здесь лежу!» Приказчик стал присматриваться и набрел на погреб; еле-еле доискался входа — так заросло все травой да деревьями. Попробовал — лишний ключ как раз сюда пришелся; отворил дверь, а в том погребе стоит гроб, в гробу девица, крутом свечи горят воску ярого, по стенам образа в золотых ризах так и светятся. Говорит ему девица, дочь купеческая: «Сослужи мне службу, добрый молодец! Облегчи меня: возьми меч и вынь из меня младенца». Приказчик побежал за мечом; входит в ту самую горницу, где отец дочь загубил, смотрит — а на полу, где кровь текла, там цветы цветут! Взял меч, воротился в сад, разрезал у купеческой дочери чрево, вынул младенца и отдал его воспитывать своей матери.

Ни много, ни мало прошло времени, приехал купец из тридцатого государства; стал государю про свои дела докладывать, а мальчик прибежал во дворец, да все возле них увивается. «Чей такой славный ребенок?» — спрашивает

царь. «Это сын моего приказчика». Царь пожелал видеть этого приказчика; позвали его во дворец, а он тотчас и рассказал все, как было. Царь приказал купца расстрелять, а мальчика взял к себе: и теперь при государе живет!

СОЛДАТ И ЦАРЬ В ЛЕСУ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик; у него было два сына. Пришла солдатчина, и взяли старшего сына в рекруты. Служил он государю верою и правдою, да таково счастливо, что в несколько лет дослужился до генеральского чина. В это самое время объявили новый набор, и пал жеребей на его меньшего брата; забрали ему лоб, и случилось так, что он попал в тот самый полк, в котором брат его был генералом. Солдат признал было генерала, да куды! тот от него начисто отказывается: «Я тебя не знаю, и ты меня не ведай!»

Раз как-то стоял солдат на часах у полкового ящика, возле генеральской квартиры; а у того генерала был большой званый обед, и наехало к нему много офицеров и бар. Видит солдат, что кому веселье, а ему — нет ничего, и залился горькими слезами. Стали его спрашивать гости: «Послушай, служивый, что ты плачешь?» — «Как мне не плакать? Мой родной брат гуляет да веселится, про меня не вспомянет». Гости рассказали про то генералу, а генерал рассердился: «Что вы ему верите? Сдуру врет!» Приказал сменить его с часов и дать ему триста палок, чтоб не смел в родню причитаться. Обидно показалось это солдату; нарядился в свою походную амуницию и бежал из полку.

Долго ли, коротко ли — забрался он в такой дикий, дремучий лес, что мало кто туда и захаживал, и стал там время коротать, ягодами да кореньями питаться. Вскоре после того собрался царь и выехал на охоту с большою свитою; поскакали они в чистое поле, распустили гончих собак, затрубили в трубы и начали тешиться. Вдруг откуда ни взялся — выскочил красивый олень, стрелой мимо царя и бух в реку; переплыл на другую сторону и прямо

в лес. Царь за ним плыл-плыл, скакал-скакал... смотрит — олень из глаз скрылся, охотники далеко назади остались, а кругом густой, темный лес; куда ехать — неведомо, ни одной тропинки не видно. До самого вечера блуждал он и крепко умаялся. Попадаетея ему навстречу беглый солдат. «Здравствуй, добрый человек! Как сюда попал?» — «Так и так, поехал поохотиться, да в лесу заблудился; выведи, брат, на дорогу». — «Да ты кто таков?» — «Царский слуга». — «Ну, теперь темно; пойдем, лучше где-нибудь в овраге ночуем, а завтра я тебя на дорогу выведу».

Пошли искать — где бы им ночь переспать; шли-шли и увидали избушку. «Эва! Бог ночлег послал; зайдём сюда», — говорит солдат. Входят они в избушку; там сидит старуха. «Здорово, бабушка!» — «Здорово, служивый!» — «Давай нам пить да есть!» — «Сама бы съела, да нечего». — «Врешь ты, старая чертовка!» — сказал солдат и стал в печи да по полкам шарить; глядь — у старухи всего вдоволь: и вино припасено, и кушанье всякое изготовлено. Сели за стол, поужинали всласть и полезли на чердак спать. Говорит солдат царю: «Береженого и бог бережет! Пусть один из нас отдыхает, а другой на часах стоит». Кинули жеребей, доставалось первому царю сторожить. Солдат дал ему свой острый тесак, поставил у дверей, заказал не дремать, а коли что случится — тотчас его разбудить; сам лег спать и думает: «Как-то будет мой товарищ на часах стоять? Пожалуй, с непривычки не сможет. Дай на него посмотрю».

Вот царь стоял-стоял, и начало его в сон клонить. «Что качаешься?» — окликает его солдат. — «Аль дремлешь?» — «Нет», — отвечает царь. «То-то, смотри!» Царь постоял с четверть часа и опять задремал. «Эй, приятель, никак ты спишь?» — «Нет, и не думаю». — «Коли заснешь, не пеняй на меня!» Царь постоял еще с четверть часа; ноги у него подкосились, свалился он на пол и заснул. Солдат вскочил, взял тесак и давай его угощать да приговаривать: «Разве так караул держат? Я десять лет прослужил, мне начальство ни одной ошибки не простило; а тебя, знать, не учили!

Раз-другой простил, а уж третья вина завсегда виновата... Ну, теперь ложись спать; я сам на часы стану».

Царь лег спать, а солдат на часах стоит, глаз не смыкает. Вдруг засвистали-захлопали, приехали в ту избушку разбойники; старуха встречает их и говорит: «К нам-де гости ночевать пришли». — «Ладно, бабушка! Вот мы целую ночь понапрасну проехали, а наше счастье само в избу привалилось. Давай-ка наперед ужинать!» — «Да ведь гости наши всё приели, всё выпили!» — «Ишь, смельчаки какие! Да где они?» — «На чердак спать забрались». — «Ну, я пойду с ними сделаюсь!» — сказал один разбойник, взял большой нож и полез на чердак; только просунул было в дверь голову, солдат как шаркнет тесаком — так голова и покатила; солдат тотчас втащил на чердак туловище, стоит-ждидается: что дальше будет? Разбойники ждали-ждали, и говорят: «Что он долго возится?» Послали другого; солдат и того убил. Вот так-то в короткое время перебил он всех разбойников.

На рассвете проснулся царь, увидел трупы и спрашивает: «Ах, служивый, куда мы попались?» Солдат рассказал ему все, как было. Потом сошли они с чердака. Увидел солдат старуху и закричал на нее: «Постой, старая чертовка! Я с тобою разделаюсь. Ишь, что выдумала — разбой держать! Подавай сейчас все деньги!» Старуха открыла сундук, полон золота; солдат насыпал золотом ранец, набил все карманы и говорит своему товарищу: «Бери и ты!» Отвечает царь: «Нет, брат, не надобно; у нашего царя и без того денег много, а коли у него есть — и у нас будут». — «Ну, как знаешь!» — сказал солдат и повел его из лесу; вывел на большую дорогу. «Ступай, — говорит, — по этой дороге; через час в городе будешь». — «Прощай, — говорит царь, — спасибо тебе за услугу. Побывай ко мне, я тебя счастливым человеком сделаю». — «Полно врать! Ведь я в бегах, если в город покажусь — сейчас схватят». — «Не сомневайся, служивый! Меня государь очень любит; коли я за тебя попрошу да про твою храбрость расскажу, он не то что простит, еще тебя пожалует». — «Да

где тебя найдить?» — «Прямо во дворец приходи». — «Ну, ладно; завтра побываю».

Распрощался царь с солдатом и пошел по большой дороге; приходит в свой столичный город и, не мешкая, отдает приказ по всем заставам, абвахтам* и караулам, чтоб не зевали: как скоро покажется такой-то солдат, сейчас отдавали бы ему генеральскую честь. На другой день только показался солдат у заставы, сейчас весь караул выбежал и отдал ему генеральскую честь. Дивуется солдат: что б это значило? и спрашивает: «Кому вы честь отдаете?» — «Тебе, служивый!» Он вынул из ранца горсть золота и дал караульным на водку. Идет по городу: куда ни покажется, везде часовые ему честь отдают — только успевай на водку отсчитывать. «Экой, — думает, — болтун этот царский слуга! Всем успел разблаговестить, что у меня денег много». Подходит ко дворцу, а там уже войско собрано, и встречает его государь в том самом платье, в котором на охоте был. Тут только узнал солдат, с кем он в лесу ночь ночевал, и крепко испугался: «Это-де царь, а я с ним, словно с своим братом, тесаком управился!» Царь взял его за руку, перед всем войском благодарил за свое спасение и наградил генеральским чином, а старшего брата его в солдаты разжаловал: не отказывайся вперед от роду от племени!

СОЛДАТ И РАЗБОЙНИК

Жил-был мужик да баба; мужик-то разбоем промышлял, а жена ему помогала. Вот раз поехал он на разживу; дома оставалась одна баба. На ту пору случилось проходить той деревней солдату; постучался к ней в окно и просится: «Пусти переночевать, хозяйюшка!» — «Ступай!» Солдат вошел в избу, снял с себя ранец и лег спать. Немного погодя приезжает хозяин, увидел гостя и говорит: «Ну слава богу, хоть на дороге не выездил, да в избе нашел!» Сел ужинать и велит жене: «Разбуди-ка солдата! Пусть и

* Абвахта — гауптвахта.

он со мной поужинает». Вот и солдат уселся за стол; хозяин наливает ему стакан вина — он выпил; наливает другой — и другой выпил; наливает третий — а он больше не пьет, отнекивается. «Не чванься! Хоть пей, хоть не пей — все равно помирать!» — сказал хозяин; вылез из-за стола, взял в руки топор и говорит: «Ну, служивый, молись богу; немного тебе жить осталось!» Солдат начал просить, умолять, чуть не в землю кланяется — нет, ничего не берет. Стал он на колени перед святою иконою и так усердно, от всего сердца молится да в грехах кается. «Скорей молись! Пора!» А солдат все стоит да молится.

Вдруг кто-то стукнул в окно, и неведомый голос проведился: «Служба, а служба! Что ты копаешься; иди, я тебя давно дожидаясь». Мужик испугался и топор вырвал, а солдат надел ранец и вышел на крыльцо — стоит тройка добрых коней; он сел в повозку — лошади понеслись, и не успел солдат очнуться — глядь: перед ним отцовский двор. Тройка пропала, словно ее и не было. Возблагодарил солдат бога за свое спасение и пошел в избу; отец с матерью обрадовались ему, не знают — как принять, чем угостить. Живет у них солдат день и другой; на третий приезжает к ним в гости тот самый мужик, что хотел было порешить солдата; вишь, разбойник-то был женат на его родной сестре, только солдат про то не ведал, да и сестра его не признала. Сейчас за стол, стали есть да пить; разбойник смекнул, что его дело неладно, сидит — не пьет, а солдат его потчует: «Хоть пей, — говорит, — хоть не пей — все одно помирать!» — «Бог с тобой, сынок! Что ты говоришь нехорошее?» — напустились на него отец с матерью. Солдат рассказал все, как было; тут разбойника схватили, заковали и в острог отправили.

РАЗБОЙНИКИ

Жил-был поп с попадьей; у них была дочка Аленушка. Вот этого попа позвали на свадьбу; он собрался ехать с женою, а дочь оставляет домоседкою. «Матушка! Я боюсь

оставаться одна», — говорит Аленушка матери. «А ты собери подружек на посиделки, и будешь не одна». Поп и попадья уехали, а Аленушка собрала подружек; много сошлось их с работою: кто вяжет, кто плетет, а кто и прядет. Одна девица уронила невзначай веретено; оно покатилося и упало в трещину, прямо в погреб. Вот она полезла за веретеном в погреб, сошла туда, смотрит, а там за кадушкою сидит разбойник и грозит ей пальцем. «Смотри, — говорит он, — не рассказывай никому, что я здесь, а то не быть тебе живой!» Вот вылезла она из погреба бледная-бледная, рассказала все шепотом одной подружке, та другой, а эта третьей, и все, перепуганные, стали собираться домой. «Куда вы? — уговаривает их Аленушка. — Пойдите, еще рано». Кто говорит, что ей надо по воду идти; кто говорит, что ей надо отнести к соседу холст, — и все ушли. Осталась одна Аленушка.

Разбойник услышал, что все приутихло, вышел из погреба и говорит ей: «Здравствуй, красная девица, пирожная мастерица!» — «Здравствуй!» — отвечает Аленушка. Разбойник осмотрел все в избе и вышел посмотреть еще на дворе, а Аленушка тем временем поскорей двери заперла и огонь потушила. Разбойник стучится в избу: «Пусти меня, а то я тебя зарежу!» — «Не пущу; коли хочешь, полезай в окно!» — а сама приготовила топор. Только разбойник просунул в окно голову, она тотчас ударила топором и отрубила ему голову, а сама думает: скоро приедут другие разбойники, его товарищи; что мне делать? Взяла отрубленную голову и завязала в мешок; после притащила убитого разбойника, разрубил его на куски и поклала их в разные мешки и горшки. Прошло ни много ни мало, приехали разбойники и спрашивают: «Справился ли?» Они думали, что товарищ их жив. «Справился, — говорит Аленушка голосом разбойника, — вот два мешка денег, вот крынка масла, вот ветчина!» — и подает приготовленные мешки и горшки в окно. Разбойники забрали все это, да на воз. «Ну, поедем!» — говорят они. «Поезжайте, — говорит Аленушка, — а я посмотрю, нет ли еще чего». Те и уехали.

Рассвело. Поп с попадъей воротились со свадьбы. Она и рассказала им все, как было: «Так и так, сама разбойников победила». А разбойники приехали домой, да как поглядели в мешки и в горшки, так и ахнули: «Ах она такая-сякая! Хорошо же, мы ее сгубим!» Вот нарядились они хорошо-хорошо и приехали к попу свататься за Аленушку, а в женихи ей выбрали дурачка, нарядили и его. Аленушка сметила их по голосу и говорит отцу: «Батюшка! Это не сваты, это те же разбойники, что прежде приезжали». — «Что ты врешь?» — говорит поп. — «Они такие нарядные!» А сам-то рад, что такие хорошие люди приехали свататься за его дочь и приданого не берут. Аленушка плакать — ничего не помогает. «Мы тебя из дому прогоним, коли не пойдешь теперь замуж!» — говорит поп с попадъею. И просватали ее за разбойника и сыграли свадьбу. Свадьба была самая богатая.

Повезли разбойники Аленушку к себе, и только въехали в лес и говорят: «Что ж, здесь станем ее казнить?» А дурачок и говорит: «Хочь бы она денечек прожила, я бы на нее поглядел». — «Ну, что тебе, дураку, смотреть!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились, поехали и привезли Аленушку к себе, пили-пили, гуляли-гуляли; потом и говорят: «Что ж, теперь пора ее казнить!» А дурачок: «Хочь бы мне одну ноченьку с нею переночевать». — «Ну, дурак, она, пожалуй, еще уйдет!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились на его просьбу и оставили их в особой клетки.

Вот Аленушка и говорит мужу: «Пусти меня на двор — я простужусь*». — «А ну как наши-то услышат?» — «Я потихонечку; пусти хочь в окошко». — «Я бы пустил, а ну как ты уйдешь?» — «Да ты привяжи меня; у меня есть славный холст, от матушки достался; обвяжи меня холстом и выпусти, а когда потянешь — я опять влезу в окно». Дурачок обвязал ее холстом. Вот она это спустилась, поскорей отвязалась, а вместо себя привязала за рога козу и немного погодя говорит: «Тащи меня!» — а сама убежала.

* Простудиться — прохладиться, подышать свежим воздухом.

Дурачок потащил, а коза — мекеке-мекеке! Что ни потянет, коза все — мекеке да мекеке! «Что ты мекекаешь?» — говорит молодой. — Наши услышат, сейчас же тебя изгубят». Притащил — хватъ — а за холст привязана коза. Дурачок испугался и не знает, что делать: «Ах она проклятая! Ведь обманула». Поутру входят к нему разбойники. «Где твоя молодая?» — спрашивают его. «Ушла». — «Ах ты, дурак, дурак. Ведь мы ж тебе говорили, так нет!» Сели верхами и поскакали нагонять Аленушку; едут с собаками, хлопают да свищут — такая страсть! Аленушка услышала погоню и влезла в дупло сухого дуба и сидит там ни жива ни мертва, а вокруг этого дуба собаки так и выются. «Нет ли там ее?» — говорит один разбойник другому. — Ткника, брат, туда ножом». Тот ткнул ножом в дупло и попал Аленушке в коленку. Только Аленушка была догадлива, схватила платок и обтерла нож. Посмотрел разбойник на свой нож и говорит: «Нет, ничего не видать!» И опять они поскакали в разные стороны, засвистали и захлопали.

Когда все стихло, Аленушка вылезла из дупла и побежала; бежала-бежала, и слышит опять погоню. А по дороге, видит она, едет мужик с корытами и лотками. «Дяденька, спрячь меня под корыгто!» — просит она. «Эка ты какая нарядная! Ты вся вымарашься». — «Пожалуйста, спрячь! За мной разбойники гонятся». Мужик раскидал корыгта, положил ее под самое нижнее и опять сложил. Только что успел кончить, как наехали разбойники. «Что, мужик, не видал ли такой-то женщины?» — «Не видал, родимые!» — «Врешь! Сваливай корыгта». Вот он стал сбрасывать корыгта и посбросал уж все, кроме последнего. «Нечего, братцы, здесь искать; поедемте дальше!» — сказали разбойники и поскакали с гамом, свистом и хлопаньем.

Когда все стихло, Аленушка и просит: «Дяденька, пусти меня!» Мужик выпустил ее, и она опять побежала; бежала-бежала, и слышит опять погоню. А по дороге, видит она, едет мужик — везет кожи. «Дяденька, — молит она, — спрячь меня под кожи! За мной разбойники гонятся!» — «Эка, вишь ты какая нарядная! Под кожами ты вся выма-

раешься». — «Ничего, только спрячь!» Мужик раскидал кожи, положил ее под самую нижнюю и опять сложил все по-прежнему. Только что успел кончить, как наехали разбойники. «Что, мужик, не видал ли такой-то женщины?» — «Не видал, родимые!» — «Врешь! Сваливай кожи». — «Да зачем, родимые, стану я разбрасывать свое добро?» Разбойники бросились сами сбрасывать кожи и посбросали, почитай, все кожи; только две-три оставалось. «Нечего, братцы, здесь искать; поедemте дальше!» — сказали они и поскакали с гамом, свистом и хлопаньем.

Когда не стало слышно ни стуку этого, ни грому, она и просит: «Дяденька,пусти меня!» Мужик выпустил ее, и она опять побежала; бежала-бежала, и пришла домой в полночь, да и легла в стог сена, закопалась туда вся и заснула. Рассвело. Поп пошел давать коровам сена, и только воткнул вилами в стог — Аленушка и схватилась руками за вилы. Поп оробел, крестится и говорит: «С нами крестная сила! Господи помилуй!» Потом уж спросил: «Кто там?» Аленушка узнала отца и вылезла из сена. «Как ты сюда попала?» — «Так и так, вы отдали меня разбойникам; они хотели меня убить, да я убежала», — и рассказывает все страсти. Немножко погодя приезжают к попу разбойники, а он Аленушку спрятал. Поп спрашивает: «Жива ли, здорова дочка моя?» — «Слава богу! Она осталась дома хозяйничать», — говорят разбойники, и сели они как бы в гостях; а поп тем временем собрал солдат, потом вывел дочь и говорит: «А это кто?» Тут разбойников похватили, связали — да в тюрьму.

МУДРАЯ ДЕВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ

Жил-был крестьянин, у него было два сына: меньшой был в дороге, старшой при доме. Стал отец помирать и оставил сыну при доме все наследство, а другому ничего не дал; думал, что брат брата не изобидит. Как отец-то помер, старшой сын его похоронил и все наследство у себя удер-

жал. Вот приезжает другой сын и горько плачет, что не застал отца в живых. Старшой ему и говорит: «Отец мне все одному оставил!» И детей-то у него не было, а у меньшого был сын родной да дочь-приемыш.

Вот старшой получил все наследство, разбогател и стал торговать дорогими товарами; а меньшой был беден, рубил в лесу дрова да возил на рынок. Соседи, жалея его бедность, собрались и дают ему денег, чтобы он хоть мелочью торговал. Бедняк боится, говорит им: «Нет, добрые люди, не возьму я ваши деньги; неравно проторгуюсь — чем я вам долг заплачу?» И уговорились двое соседей как-нибудь ухитриться да дать ему денег. Вот как поехал бедный за дровами, один из них настиг его окольной дорогой и говорит: «Поехал я, братец, в дальний путь; на дороге отдал мне должник триста рублей — не знаю, куда их девать! Домой ворочаться не хочется; возьми, пожалуй, мои деньги, похрани у себя, а лучше-ка торгуй на них; я приеду не скоро; после выплатишь мне понемножку».

Бедный взял деньги, привез домой и боится, как бы их не потерять, как бы жена не нашла да не издержала заместо своих. Думал-думал, и спрятал в маленку* с золой, а сам ушел со двора. Приехали без него меновщики — вот что скупают золу да меняют ее на товар. Баба взяла и отдала им эту маленку с золой. Вернулся домой муж, видит, что маленки нет, спрашивает: «Где зола?» Жена отвечает: «Я ее продала меновщикам». Вот он испугался, тоскует и горюет, а только все молчит. Видит жена, что он печален; приступила к нему: «Что за напасть с тобой случилась? Отчего так печален?» Он и признался, что в золе были спрятаны у него чужие деньги; рассердилась баба — и рвет, и мечет, и слезами заливается: «Зачем ты мне не поверил? Я б получше твоего припрятала!»

Опять поехал мужик по дрова, чтобы потом на рынке продать да хлеба купить. Настигает его другой сосед, говорит ему те же самые речи и дает под сохрану пятьсот рублей. Бедняк не берет, отказывается, а тот ему насильно всунул

* Маленка — деревянная кадочка, мерка, пудовка

деньги в руку и поскакал по дороге. Деньги-то были бумажками; думал-думал: куда их положить? Взял да промеж подкладки и спрятал в шапку. Приехал в лес, шапку повесил на елку и начал рубить дрова. На его беду прилетел ворон и унес шапку с деньгами. Мужик потужил, погоревал, да, видно, так тому и быть! Живет себе по-прежнему, торгует дровишками да мелочью, кое-как перебивается. Видят соседи, что времени прошло довольно, а у бедного торг не прибывает; спрашивают его: «Что ж ты, братец, худо торгуешь? Али наши деньги затратить боишься? Коли так, лучше отдай наше добро назад». Бедный заплакал и рассказал, как пропали у него ихние деньги. Соседи не поверили и пошли просить на него в суд. «Как рассудить это дело?» — думает судья. — Мужик — человек смиренный, неимущий, взять с него нечего; коли в тюрьму посадить — с голоду помрет!»

Сидит судья, пригорюнясь, под окошком, и взяло его большое раздумье. На то время как нарочно играли на улице мальчишки. И говорит один — такой бойкий: «Я бурмистр буду: стану вас, ребята, судить, а вы приходите ко мне с просьбами». Сел на камень; а к нему подходит другой мальчишка, кланяется и просит: «Я-де вот этому мужичку дал денег взаймы, а он мне не платит; пришел к твоей милости суда на него просить». — «Ты брал взаймы?» — спрашивает бурмистр у виноватого. «Брал». — «Почему ж не платишь?» — «Нечем, батюшка!» — «Слушай, челобитчик! Ведь он не отпирается, что брал у тебя деньги, а заплатить ему не вмоготу, так ты отсрочи ему долг лет на пять — на шесть, авось он поправится и отдаст тебе с лихвою. Согласны?» Мальчишки оба поклонились бурмистру: «Спасибо, батюшка! Согласны». Судья все это слышал, обрадовался и говорит: «Этот мальчик ума мне дал! Скажу и я своим челобитчикам, чтоб отсрочили они бедному». По его словам согласились богатые соседи обождать года два-три; авось тем временем мужик поправится!

Вот бедный опять поехал в лес за дровами, полвоза нарубил — и сделалось темно. Остался он на ночь в лесу

«Утром-де с полным возом ворочусь домой». И думает: где ему ночевать? Место было глухое, зверей много; подле лошади лечь — пожалуй, звери съедят.

Пошел он дальше в чащу и влез на большую ель. Ночью приехали на это самое место разбойники — семь человек, и говорят: «Дверцы, дверцы, отворитесь!» Тотчас отворились дверцы в подземелье; разбойники давай носить туда свою добычу, снесли всю и приказывают: «Дверцы, дверцы, затворитесь!» Дверцы затворились, а разбойники поехали снова на добычу. Мужик все это видел, и когда кругом его стихло — спустился с дерева: «А ну-тка я попробую — не отворятся ль и мне эти дверцы?» И только сказал: «Дверцы, дверцы, отворитесь!» — они в ту ж минуту и отворились. Вошел он в подземелье, смотрит — лежат кучи золота, серебра и всякой всячины. Возрадовался бедный и на рассвете принялся таскать мешки с деньгами; дрова долой сбросил, нагрузил воз серебром да золотом и поскорей домой.

Встречает его жена: «Ох ты, муж-муженек! А я уж с горя пропадала; все думала: где ты? Либо деревом задавило, либо зверь съел!» А мужик веселехонек: «Не кручинься, жена! Бог дал счастья, я клад нашел; пособляй-ка мешки носить».

Кончили работу, и пошел он к богатому брату; рассказал все, как было, и зовет с собой ехать по счастью. Тот согласился. Приехали вместе в лес, отыскивали ель, крикнули: «Дверцы, дверцы, отворитесь!» Дверцы отворились. Начали они таскать мешки с деньгами; бедный брат наложил воз — и доволен стал, а богатому все мало. «Ну ты, братец, поезжай, — говорит богатый, — а я за тобой скоро буду». — «Ладно! Не забудь же сказать: «Дверцы, дверцы, затворитесь!» — «Нет, не забуду». Бедный уехал, а богатый никак не может расстаться: всего вдруг не увезешь, а покинуть жаль! Тут его и ночь застигла. Приехали разбойники, нашли его в подземелье и отрубили ему голову; снимали свои мешки с возу, заместо того положили убитого, настегали лошадь и пустили на волю. Лошадь бросилась из лесу

и привезла его домой. Вот атаман разбойничий и бранит того разбойника, что убил богатого брата: «Зачем ты убил его рано? Надо было наперед расспросить, где он живет? Ведь у нас много добра убыло: видно, он же повытаскал! Где теперь найдем?» Есаул говорит: «Ну, пускай тот и доискивается, кто его убил!»

Недолго спустя стал тот убийца разведывать: не отыщется ли где их золото? Приходит как есть к бедному брату в лавочку; то-другое поторговал, заметил, что хозяин скучен, задумывается, и спрашивает: «Что так приуныл?» А тот и говорит: «Был у меня старшой брат, да беда стряслась: кто-то убил его, третьего дни лошадь на двор привезла с отрубленной головою, а сегодня похоронили». Разбойник видит, что на след попал, и давай расспрашивать; притворился, будто очень жалеет. Узнал, что после убитого вдова осталась, и спрашивает: «Хоть есть ли у сироты свой-то уголок?» — «Есть — дом важный!» — «А где? Укажи мне». Мужик пошел, указал ему братнин дом: разбойник взял кусок красной краски и положил на воротах заметку. «Это для чего?» — спрашивает его мужик. А тот отвечает: «Я-де хочу помочь сироте, а чтоб легче дом найти — нарочно заметку сделал». — «Э, брат! Моя невестка ни в чем не нуждается: слава богу, у нее всего довольно». — «Ну, а ты где живешь?» — «А вот и моя избушка». Разбойник и у него на воротах положил такую ж заметку. «А это для чего?» — «Ты, — говорит, — мне очень понравился; стану к тебе на ночлег заезжать; поверь, брат, для твоей же пользы!» Вернулся разбойник к своей шайке, рассказал все по порядку, и уговорились они ехать ночью — ограбить и убить всех в обоих домах да воротить свое золото.

А бедный пришел ко двору и рассказывает: «Сейчас спознал со мной молодец, запятнал мои ворота — стану, говорит, к тебе завсегда на постой заезжать. Такой добрый! А как о брате сожалел, как хотел невестке помочь!» Жена и сын слушают, а дочь-приемыш говорит ему: «Батюшка, не ошибся ли ты? Ладно ли этак будет? Не разбой-

ники ль это убили дядюшку, а теперь хватились своего добра да нас разыскивают? Пожалуй, наедут, разграбят, и от смерти не уйдешь!» Мужик испугался: «А что дивить? Ведь я его допрежде того никогда не видывал. Вот беда! Что же делать-то станем?» А дочь говорит: «Поди же ты, батюшка, возьми краски да по всему околотку и запятнай ворота такими же метками». Мужик пошел и запятнал ворота во всем околотке. Приехали разбойники и не могли ничего разыскать; воротились назад и приколотили разведчика: зачем неладно пятнал? Наконец рассудили: «Видно, мы на хитрого напали!» и погода немного приготовили семь бочек; в шесть бочек посадили по разбойнику, а в седьмую масла налили.

Поехал прежний разведчик с этими бочками прямо к бедному брату, приехал под вечер и попросился ночевать. Тот и пустил его, как знакомого. Дочь вышла на двор, стала осматривать бочку, одну открыла — в ней масло, другую попробовала открыть — нет, не сможет; припала ухом и слушает, а в бочке кто-то шевелится и дышит. «Э, — думает, — да тут недобрая хитрость!» Пришла в избу и говорит: «Батюшка! Чем будем гостя потчевать! Сем-ка* я пойду затоплю печку в задней избе да изготовлю чего-нибудь поужинать». — «Ну что ж, ступай!» Дочь ушла, затопила печь, да между стряпней все воду греет, кипяток носит да в бочки льет; всех разбойников заварила. Отец с гостем поужинали; а дочь сидит в задней избе да караулит: что-то будет? Вот когда хозяева уснули, гость вышел на двор, свистнул — никто не откликается; подходит к бочкам, кличет товарищей — нет ответа; открывает бочки — оттуда пар валит. Догадался разбойник, запряг лошадей и убрался со двора с бочками.

Дочь заперла ворота, пошла будить своих домашних и рассказала все, что сделалось. Отец и говорит: «Ну, дочка, ты нам жизнь спасла, будь же законной женой моему сыну» Веселым пирком и свадьбу сыграли. Молодая одно отцу твердит, чтобы продал свой старый дом да другой купил:

* Дай-ка

крепко боялась разбойников! Не ровен час — опять пожалуют. Так и случилось. Через некоторое время тот самый разбойник, что приезжал с бочками, снарядился офицером, приехал к мужику и просится ночевать; его пустили. Никому невдомек, только молодая признала и говорит: «Батюшка! Ведь это прежний разбойник!» — «Нет, дочка, не тот!» Она замолчала; да как стала спать ложиться — принесла вострый топор и положила подле себя; всю ночь глаз не смыкала, все караулила. Ночью офицер встал, берет свою саблю и хочет ее мужу голову отсечь: она не сробела, махнула топором — и отрубила ему правую руку, махнула еще раз — и голову снесла. Тут отец уверился, что дочка его подлинно премудрая; послушался, продал дом и купил себе гостиницу. Перешел на новоселье, начал жить, богатеть, расторговываться.

Заезжают к нему соседи — те самые, что давали ему денег да после на него в суде просили. «Ба! Ты как здесь?» — «Это мой дом, недавно купил». — «Важный дом! Видно, у тебя деньга водится. Что ж ты долгу не платишь?» Хозяин кланяется и говорит: «Слава богу! Мне господь дал, я клад нашел и готов заплатить вам хоть втрое». — «Хорошо, брат! Давай же теперь новоселье праздновать». — «Милости просим!» Вот погуляли, попраздновали; а при доме сад куда хорош! «Можно сад посмотреть?» — «Извольте, честные господа! Я и сам с вами пойду».

Ходили, ходили по саду, и нашли в дальнем углу маленку золы. Хозяин как увидел, так и ахнул: «Честные господа! Ведь это та самая маленка, которую моя жена продала». — «А ну-тка, нет ли в золе денег?» Вытряхнули, а они тут и есть. Тогда соседи поверили, что мужик им правду сказывал. «Станем, — говорят, — деревья осматривать; ведь шапку-то ворон унес — верно, в ней гнездо свил».

Ходили-ходили, увидели гнездо, стащили баграми — как есть та самая шапка! Выбросили гнездо и нашли деньги. Заплатил им хозяин долг свой и стал жить богато и счастливо.

УБОГИЙ

Жил-был Нестерка, было у него детей шестерка; детей-то много, да имения никакого, нечем ему с семьей кормиться, а воровать боится. Вот он запряг повозку, забрал детишек и поехал по миру. Едет дорогою, оглянулся назад — лежит в грязи старичок безногий. И просит этот старичок: «Возьми меня, пожалуйста, с собою!» — «Куда мне тебя, батюшка, — отвечает Нестерка, — у меня шестеро детей, а лошадь худая». Опять просит безногий: «Возьми меня, пожалуйста!» Нестерка взял этого убогого, посадил на повозку и поехал. Говорит ему убогий: «Давай мы с тобой бросим жеребей, кому быть из нас большим братом». Бросили они жеребей, доставалось быть большим братом убогому.

Приехали в деревню. Убогий приказывает: «Пооди, просись ночевать вот в этот дом». Нестерка стал проситься ночевать; вышла старуха, отвечает ему: «У нас негде, и без вас тесно!» Вернулся Нестерка к убогому. «Сюда не пускают», — говорит; а убогий опять его посылает: непременно просись! Пошел Нестерка и таки выпросился ночевать; въехал на двор, стал носить своих детей в избу, и убогого перенес. Велит ему хозяйка: «Клади ты своих детей под лавку, а безногого на полати посади!» Посадил он безногого на полати, а детей под лавку положил. «Где твой муж?» — спрашивает хозяйку убогий. «На разбой поехал и двух сыновей взял».

Вот приезжает домой хозяин, впустил двенадцать возов на двор — все серебром насыпаны, отложил лошадей и пришел в избу. Увидел нищих и закричал на хозяйку: «Что ты за людей напустила?» — «Это нищие, ночевать выпросились». — «Нужно было! И на улице б ночевали!» Сел хозяин с хозяйкою и с двумя сыновьями ужинать, а нищих не зовут. Убогий вынул половину просвирки, сам покушал и Нестерке и детишкам его дал; все сыты наелись. Хозяин только удивляется: «Отчего так: мы четверо целый хлеб съели — и то впроголодь, а их восьмеро половиной просвирки сыты?» Как заснули хозяева, убогий

и посылает Нестерку на двор посмотреть, что там делается. Нестерка вышел — все лошади овес едят. В другой раз посылает его убогий: «Поди, опять посмотри!» Вышел он, посмотрел — на всех лошадях хомуты надеты. В третий раз посылает Нестерку убогий; опять вышел он — все лошади запряжены. Воротился в избу и говорит: «Все лошади в упряжи стоят». — «Ну, — сказал убогий, — теперь выноси своих детей и меня да поедем».

Сели они на свою повозку и поехали со двора, а двенадцать хозяйских лошадей вслед за ними с возами пошли. Ехали-ехали, и приказывает убогий, чтобы сходил Нестерка в тот дом, где они ночевали, да рукавицы взял: «Я-де на полатах забыл». Пришел Нестерка — а того дома как не бывало, сквозь землю провалился! Одни рукавицы на печном столбу уцелели. Взял он рукавицы, приходит к убогому и говорит, что весь дом провалился сквозь землю. «Это господь за разбой покарал! Возьми себе эти двенадцать возов со всем, что есть», — сказал убогий и из глаз пропал. Нестерка приехал домой, посмотрел — все возы серебром засыпаны, и стал он богато жить.

Посылает его жена: «Что, — говорит, — лошади так гуляют? Поезжай-ка в извоз». Он собрался и поехал в город. Повстречала его на дороге неведомо чья девица: «Это, — говорит, — не твои лошади!» — «Не мои, — отвечает Нестерка, — коли ты признала их — возьми, бог с тобой!» Девица взяла двенадцать лошадей, а мужик домой воротился. На другой день пришла к нему под окно эта девица и говорит: «На, возьми своих лошадей; я с тобой пошутила, а ты их и отдал!» Нестерка взял лошадей, смотрит, а в возах больше прежнего серебра да золота насыпано!

БЕССТРАШНЫЙ

Жил на свете бесстрашный барин; захотелось ему странствовать, взял своего слугу и поехал в дорогу. Ехали-ехали, добрались к ночи в одну деревеньку и остановились ночевать

в крайней избушке. Входят в избушку — никого нет, только лежит на столе мертвец, а перед ним стоит закуска да штоф с водкою. Бесстрашный сел с своим слугою за стол, поужинали, водочки испили и углеглись на лавках. В самую полночь смотрят — мертвец пошевелился и закачал головою; а то был колдун: давно уж завладел он этой избушкою, всех жильцов разогнал. Каждое утро приходили сюда его сродственники, наготовят ему кушанье, поставят штоф водки и уйдут; ровно в полночь колдун встанет, поест и выпьет все дочиста, а как придет время петухам петь — ляжет на свое место и лежит неживой целые сутки.

«Что, брат, головой качаешь?» — спрашивает колдуна бесстрашный барин. — «Али выпался?» Колдун молчит, не отвечает; приподнялся и давай шарить водку да закуски. «Эх, земляк, — говорит бесстрашный, — ты, я вижу, есть хочешь? Ну, брат, извини, мы всё приели и выпили; не ведали, что ты проснешься, а то б и тебе оставили». Колдун бросился на барина, и принялись драться; бились-бились, барин был сильный, прижал его к самой двери, дверь отворилась — и колдун упал в сени, так через порог и брякнулся. Бесстрашный заперся на крюк и лег спать, а колдун разозлился и ну грызть дверь зубами. Долго возился, совсем было прогрыз — как вдруг петухи запели, и упал он наземь, окостенел, не движется; как есть мертвец! «Возьмем его с собою, — говорит барин своему слуге, — нам троим веселей в дороге будет!»

Подняли они мертвеца, положили в повозку, сели и поехали. Едут дорогою, глядь — в стороне дерево, на дереве покойник висит, за ноги привязан. «Стой! — закричал барин. — Видишь ли ты, братец, вон на дереве человек висит?» — «Вижу», — отвечает слуга. «Надо его снять! Может, он без вины, напрасно повешен». Положили и другого мертвеца в повозку, ударили по лошади и поехали дальше. Перед вечером остановились в поле, покормили лошадь, отдохнули, а как стемнело — опять в путь собрались. Едут себе как ни в чем не бывало: в полночь подни-

мается колдун, берется за барина, а другой мертвец схватил его самого за шиворот: «Ах ты, разбойник, — говорит, — за что его терзаешь? Я три года висел на дереве, никто не хотел меня снять, а он, спасибо ему, пожалел меня!» Сцепились мертвецы друг с дружкой, давай барахтаться и свалились с повозки; идут по дороге следом за тою повозкою да все дерутся... Пришло время петухам кричать — оба посеред дороги так и повалились. «Останови-ка лошадь, — сказал барин своему слуге, — надо их поднять». — «Ну их к богу! Как бы беды не нажить!» — «Ничего, они еще пригодятся нам». Взяли мертвецов, уложили и поехали.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — приезжают в большой столичный город; в том городе король жил, у того короля был славный дворец выстроен, весь золотом изукрашен, а жить в нем нельзя было; уж много-много лет пустой стоял. Поселилась во дворце нечистая сила, и сколько ни вызывалось богатырей, храбрецов — никто не смог ее выжить оттуда; с вечера пойдет богатырь во дворец и здоровый и сильный, а к утру одни косточки останутся. Вот приходит бесстрашный к королю: «Прикажи-де квартиру отвести; я — человек чужестранный». — «Есть у меня, — рассказывает король, — отличный дворец, только нечистая сила им завладела; коли хочешь, остановись там; отдаю тебе тот дворец в вечное владение. А выгонишь нечистых, еще награждение пожалую». Бесстрашный согласился. Приехал в пустой дворец, видит — покои большие, убранство знатное. «Что, братец, — говорит своему слуге, — хороша квартира?» — «Чего лучше!» — «Ну, теперь таскай дрова как можно больше, накладывай полны печи и зажигай: пусть жарко горят!» Слуга натаскал целые вороха дров и затопил печи: докрасна накалил. Вечером пошел бесстрашный к повозке, забрал обоих мертвецов и тащит в горницы. «Эх, барин, — говорит слуга, — что ты с ними таскаешься? Ведь от них покоя всю ночь не видать!» — «Молчи, дурак! Я сам знаю, что делаю!» — отвечает барин; положил мертвецов рядышком на постель, а сам лег вместе с слугою под кровать.

В двенадцать часов начался шум да гам, прибежали три черта, глядь — на постели незваные гости лежат. «Это что за люди? Как вы смели сюда зайти?» А бесстрашный, лежа под кроватью, отзывается: «Не все вам, проклятые, здесь жить! Теперь наш черед пришел — надо нам, добрым молодцам, повеселиться! Аль не видите, как печки натоплены?» — «Как не видать!» — «Ну, это для вас, проклятые! Всех сождем, пепел по ветру пустим, будете нас помнить!» Черты испугались и языки прикусили. Вдруг вскакивают два мертвеца и давай меж собой драться, а черты стоят да смотрят: «За что ж, — спрашивают, — вы сами-то деретесь?» Покойники услышали и бросились на нечистых, ну их рвать и зубами терзать. Черты благим матом завопили: «Ох, отпустите живых нас! Как хотите, так и бейте, только в печь не бросайте!» — «А, вы печи боитесь!» Схватили двух чертей и бросили в раскаленную печку, а третий пустился бежать. Навстречу ему валит толпа нечистых. «Куда вы, братцы?» — «Во дворец». — «Что вы! Коли хотите быть целыми, лучше и не показывайтесь; не то прямо в жар угодите! Я насилу ушел; сами видите, как изуродован!» Только успели переговорить, как закричали петухи — черты пропали, а мертвецы на каком месте стояли, на том и повалились, словно колоды.

Бесстрашный барин и слуга его вылезли из-под кровати, убрали мертвецов, а сами легли на постель и проспали до света. Утром посылает король узнать: жив ли бесстрашный барин, али черты его замучили? Докладывают королю, что он жив, ни в чем невредим. «Хорошо, — молвил король, — посмотрю, что дальше будет». На другую ночь случилось то же самое, на третью опять то же; видят черты, что дело плохо, всякий раз своих не досчитываются, и говорят меж собой: «Как ни вертись, братцы, а приходится нам оставлять этот дворец; куда ж теперь сунемся?» И придумали они перебраться на тот на зеленый луг, что перед самым королевским дворцом расстился. Дал король бесстрашному барину большое награждение, и зажил он в богатстве и довольстве, а мертвецов своих уложил в кибитку и поста-

вил ее в сарай — в самый темный угол; день покойники смиренно лежат, а придет глухая полночь — встанут, подерутся друг с дружкой и опять на свое место лягут.

Немного прошло времени, запленили черти зеленый луг и сделали из него трясины да болото; прежде королевская семья тут гуляла, а теперь нельзя стало ни пройти, ни проехать; сильно топко! Курица — и та на другую сторону не переправится. Дивится король: «Что бы это значило?», а чем пособить — не знает. Бесстрашный барин сейчас догадался, в чем дело; раз как-то поздним вечером взял он своих мертвецов, потащил к болоту, положил на видное место, а сам тут же за куст спрятался. Выскочили два черта, увидели старых знакомых и говорят: «Что вы, честные господа! Зачем сюда пришли? Неужли вам во дворце места мало, что хотите нас из болота выживать?» На те речи отвечает бесстрашный из-за куста: «Нет, за дворец вам спасибо! Только луг-то зачем вы запакостили? По нем ни пройти теперь, ни проехать. Коли хотите быть с нами в миру, сделайте так, чтобы нам двоим можно было по этому болоту каждый день верхом кататься, и дайте в том расписку». Только что успели бесы написать расписку, как пришло время мертвецам драться: как вскочат, как бросятся! Нечистые с испугу в болото покидались, в самые глубокие омуты провалились; а мертвецы-то сцепились друг с дружкой, до крови перецарапались... Закричали петухи — и повалились они на землю бездыханные, неподвижные.

Бесстрашный барин схватил расписку и убрал своих покойников, а наутро вырыл на дворе большую яму, положил их туда лицом книзу, заколотил каждому по осиновому колу в спину и закидал землею: с тех пор полно вставать по ночам да царапаться! В скором времени пустил король клич по всему своему государству: не сможет ли кто учинить, чтобы того болота не было, а был бы по-прежнему зеленый луг? — и обещал в награду за то великой казной пожаловать. Нет, никто не вызвался. Вспомнил король про бесстрашного барина, посылает за ним, и начал накла-

дывать на него ту службу нелегкую. «Ваше величество, — отвечает бесстрашный, — я того болота не смогу сделать по-старому зеленым лугом, а смогу по нем проехать верхом на лошади». — «Что ты! Аль потонуть хочешь?» — «Небось, — говорит, — не потону!» Тотчас король собрал свою свиту и сказывает: «Вот-де бесстрашный барин так и так похвально!» Все главные министры и сенаторы удивились: «Возьми с нас, — говорят бесстрашному, — по пяти тысяч, коли это сделаешь!» Закрепили уговор, оседлали доброго коня, и пошли все на то диво смотреть.

Бесстрашный барин сел на коня, напустил на себя смелость и поскакал прямо в трясины; разъезжает себе по болоту, словно по гладкому месту, а народ глядит — только ахает! Вот забрал он с министров да с сенаторов многое множество денег и стал с той поры, с того времени каждый день по болоту разгуливать. Мало того, что сам катается: и слугу с собой берет! Просто нет чертям покою: днем барина возят, а по ночам по белу свету рыскают да людей смущают! Побежали они к старой-старой ведьме и давай ей кланяться, давай ее упрашивать: «Бабушка-голубушка! Научи нас, пожалуйста, как бы нам бесстрашного барина со свету сжить? Сокрушил нас проклятый! Каждый день разъезжает по болоту, а мы повинны его поддерживать вместе с лошадыю; нет нам покою ни на минуточку! Сколько хошь — золота притащим, только выручи из беды!» — «Эх вы, дурные! Сами не догадаетесь! Смотрите ж: завтра, как приедет он гулять по болоту, вы допустите его до середины, да потом и бросьте; пусть провалится — будет вам барин!» На другой день сел бесстрашный на своего доброго коня и поехал на болото гулять; доскакал до середины — тут черти отступились, отскочили от него в разные стороны, и зашумел он совсем с лошадыю в тартарары на самое дно.

РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ

Отпустили одного солдата в побывку на родину; вот он шел, шел, долго ли, коротко ли, и стал к своему селу при-

ближаться. Недалеко от села жил мельник на мельнице; в былое время солдат водил с ним большое знакомство; отчего не зайти к приятелю? Зашел; мельник встретил его ласково, сейчас винца принес, стали распивать да про свое житье-бытье толковать. Дело было к вечеру, а как погостил солдат у мельника — так и вовсе смерклося. Собирается солдат идти на село; а хозяин говорит: «Служивый, ночуй у меня; теперь уж поздно, да, пожалуй, и беды не уйдешь!» — «Что так?» — «Бог наказал! Помер у нас страшный колдун; по ночам встает из могилы, бродит по селу и то творит, что на самых смелых страх нагнал! Как бы он и тебя не потревожил!» — «Ничего! Солдат — казенный человек, а казенное ни в воде не тонет, ни в огне не горит; пойду, больно хочется с родными поскорей увидаться».

Отправился; дорога шла мимо кладбища. Видит — на одной могиле огонек светит. «Что такое? Дай посмотрю». Подходит, а возле огня колдун сидит да сапоги тачает. «Здорово, брат!» — крикнул ему служивый. Колдун взглянул и спрашивает: «Ты сюда зачем?» — «Да захотелось посмотреть, что ты делаешь». Колдун бросил свою работу и зовет солдата на свадьбу: «Пойдем, брат, погуляем — в селе нонче свадьба!» — «Пойдем!» Пришли на свадьбу, начали их поить, угощать всячески. Колдун пил-пил, гулял-гулял и осердился; прогнал из избы всех гостей и семейных, усыпил повенчанных, вынул два пузырька и шильце, ранил шильцем руки жениха и невесты и набрал их крови. Сделал это и говорит солдату: «Теперь пойдем отсюда». Вот и пошли. На дороге солдат спрашивает: «Скажи, для чего набрал ты в пузырьки крови?» — «Для того, чтоб жених с невестою померли; завтра никто их не добудится! Только один я знаю, как их оживить». — «А как?» — «Надо разрезать у жениха и невесты пяты и в те раны влить опять кровь — каждому свою: в правом кармане спрятана у меня кровь жениха, а в левом невестина».

Солдат выслушал, слова не проронил; а колдун все хвалится: «Я, — говорит, — что захочу, то и сделаю!» — «Будто с тобой и сладить нельзя?» — «Как нельзя? Вот

если б кто набрал костер осиновых дров во сто возов да сжег меня на этом костре, так, может, и сладил бы со мною! Только жечь меня надо умеючи; в то время полезут из моей утробы змеи, черви и разные гады, полетят галки, сороки и вороны; их надо ловить да в костер бросать: если хоть один червяк уйдет, тогда ничто не поможет! В том червяке я ускользну!» Солдат выслушал и запомнил. Говорили, говорили, и дошли, наконец, до могилы. «Ну, брат, — сказал колдун, — теперь я тебя разорву; а то ты все расскажешь». — «Что ты, образумься! Как меня рвать? Я богу и государю служу». Колдун заскрипел зубами, завыл и бросился на солдата, а тот выхватил саблю и стал наотмашь бить. Дрались-дрались, солдат почти из сил выбился; эх, думает, ни за грош пропал! Вдруг запели петухи — колдун упал бездыханен. Солдат вынул из его карманов пузырьки с кровью и пошел к своим родичам.

Приходит, поздоровался; родные спрашивают: «Не видал ли ты, служивый, какой тревоги?» — «Нет, не видал». — «То-то! А у нас на селе горе: колдун ходить повадился». Поговорили и легли спать; наутро проснулся солдат и начал спрашивать: «Говорят, у вас свадьба где-то справляется?» Родные в ответ: «Была свадьба у одного богатого мужика, только и жених и невеста нынешней ночью померли, а отчего — неизвестно». — «А где живет этот мужик?» Указали ему дом; он, не говоря ни слова, пошел туда; приходит и застает все семейство в слезах. «О чем горюете?» — «Так и так, служивый!» — «Я могу оживить ваших молодых; что дадите?» — «Да хоть половину имени бери!» Солдат сделал так, как научил его колдун, и оживил молодых; вместо плача начались радость, веселье; солдата и угостили и наградили. Он налево кругом и марш к старосте; наказал ему собрать крестьян и приготовить сто возов осиновых дров.

Вот привезли дрова на кладбище, свалили в кучу, вытащили колдуна из могилы, положили на костер и зажгли; а кругом народ обступил — все с метлами, лопатами, кочергами. Костер облился пламенем, начал и колдун гореть; утроба

его лопнула, и полезли оттуда змеи, черви и разные гады, и полетели оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьют их да в огонь бросают, ни одному червяку не дали ускользнуть. Так колдун и сгорел! Солдат тотчас собрал его пепел и развеял по ветру. С того времени стала на селе тишина; крестьяне отблагодарили солдата всем миром; он побыл на родине, нагулялся досыта и воротился на царскую службу с денежками. Отслужил свой срок, вышел в отставку и стал жить-поживать, добра наживать, худа избывать.

* * *

В одном селе была девка — лежака, лентяйка, не любила работать, абы как поговорить да побалакать! И вздумала она собрать к себе девок на попрядухи. А в деревнях вестимо уж лежаки собирают на попрядухи, а лакомогозки* ходят. Вот она собрала на ночь попрядух; они ей прядут, а она их кормит, потчует. То, сё, и разговорились: кто из них смелее? Лежака говорит: «Я ничего не боюсь!» — «Ну, ежели не боишься, — говорят попрядухи, — дак поди мимо погосту к церкви, сними с дверей образ да принеси». — «Хорошо, принесу; только каждая наряди мне по початку». А это чувство-то в ней есть, чтоб ей ничего самой не делать, а чтоб другие за нее делали. Вот она пошла, сняла образ и принесла. Ну, те видят — точно образ от церкви. Надо теперь несть образ назад, а время уж к полночи. Кому несть? Лежака говорит: «Вы, девки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!»

Пошла, поставила образ на место. Только идет назад мимо погосту и видит: мертвец в белом саване сидит на могиле. Ночь-то месячная, все видно. Она подходит к мертвецу, стащила с него саван; мертвец ничего не говорит, молчит — знать, время не пришло еще ему говорить-то. Вот она взяла саван, приходит домой. «Ну, — говорит, — образ отнесла, поставила на место, да вот еще с мертвеца саван стащила!» Девки — которые спужались, которые не верят, смеются. Только поужинали, легли спать, вдруг мер-

* Лакомогозки — сластены, любители лакомств.

твец стучится в окна и говорит: «Отдай мой саван! Отдай мой саван!» Девки перепугались — ни живы ни мертвы; а лежака берет саван, идет к окну, отворила: «На, — говорит, — возьми!» — «Нет, — отвечает мертвец, — неси туда, где взяла!» Только вдруг петухи запели — и мертвец исчез.

На другую ночь уж попрядухи все по домам разошлись; в тот же самый час опять мертвец приходит, стучится в окно: «Отдай мой саван!» Вот отец и мать лежаки отворяют окно, отдают ему саван. — «Нет, — говорит, — пуцай она отнесет туда, где взяла!» Ну, как идти с мертвецом на погост? Страшно! Только петухи пропели — исчез мертвец. На другой день отец и мать послали за священником; рассказали ему так и так и просят пособить их горю: «Нельзя ли, — говорят, — обедню отслужить?» Священник подумал: «Ну, пожалуй! Велите ей завтра к обедне выходить». Назавтра пошла лежака к обедне; началась служба, народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да оземь. Девки не стало, только одна коса от нее осталась.

* * *

Ехал ночью мужик с горшками; ехал-ехал, лошадь у него устала и остановилась как раз против кладбища. Мужик выпряг лошадь, пустил на траву, а сам прилег на одной могиле; только что-то не спится ему. Лежал-лежал, вдруг начала под ним могила растворяться; он почуял это и вскочил на ноги. Вот могила растворилась, и оттуда вышел мертвец с гробовой крышкою, в белом саване; вышел и побежал к церкви. Положил в дверях крышку, а сам в село. Мужик был человек смелый; взял гробовую крышку и стал возле своей телеги, дожидается — что будет?

Немного погодя пришел мертвец, хватъ — а крышки-то нету; стал по следу добираться, добрался до мужика и говорит: «Отдай мою крышку, не то в клочья разорву!» — «А топор-то на что?» — отвечает мужик. — Я сам тебя искрошу на мелкие части!» — «Отдай, добрый человек!» —

просит его мертвец. «Тогда отдам, когда скажешь: где был и что делал?» — «А был я в селе; уморил там двух молодых парней». — «Ну, скажи теперь: как их оживить можно?» Мертвец поневоле сказывает: «Отрежь от моего савана левую полу и возьми с собой: как придешь в тот дом, где парни уморены, насыпь в горшочек горячих угольев и положи туда клочок от савана, да дверь затвори; от того дыму они сейчас оживут». Мужик отрезал левую полу от савана и отдал гробовую крышку. Мертвец подошел к могиле — могила растворилась; стал в нее опускаться — вдруг петухи закричали, и он не успел закрыться как надо: один конец крышки снаружи остался.

Мужик все это видел, все приметил. Стало рассветать; он запряг лошадь и поехал в село. Слышит в одном доме плач, крики; входит туда — лежат два парня мертвые. «Не плачьте! Я смогу их оживить». — «Оживи, родимый; половину нашего добра тебе отдадим», — говорят родичи. Мужик сделал все так, как научил его мертвец, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчас схватили, скрутили веревками: «Нет, дока! Мы тебя начальству представим; коли оживить сумел, стало быть ты и уморил-то!» — «Что вы, православные! Бога побойтесь!» — завопил мужик и рассказал все, что с ним ночью было. Вот дали знать по селу, собрался народ и повалил на кладбище, отыскивали могилу, из которой мертвец выходил, разрыли и вбили ему прямо в сердце осиноый кол, чтоб больше не вставал да людей не морил; а мужика знатно наградили и с честью домой отпустили.

* * *

Случилось одному ремесленнику поздним вечером воротиться домой из чужой деревни, с веселой приятельской пирушки. Навстречу ему старинный приятель — лет с десятка тому, как помер. «Здоров!» — «Здравствуй!» — говорит гуляка, и позабыл, что знакомый его давным-давно приказал долго жить. «Зайдем ко мне; хватим еще по чарке, по другой». — «Пойдем; на радостях, что свиделись, можно

выпить!» Пришли в избу, пьют-гуляют. «Ну прощай! Пора домой идти!» — «Постой, куда теперь идти! Переночуй со мной». — «Нет, брат, и не проси — нельзя; завтра дело есть, так надо пораньше быть дома». — «Ну, прощай! Да что тебе пешком идти? Лучше садись на мою лошадь, живо доведет». — «Спасибо, давай!» Сел верхом и понесся — что твой вихрь летит! Вдруг петух запел!.. Страшно: кругом могилы, а под ездоком надгробный камень!

* * *

Жил-был солдат; вышел в отставку и пошел домой. Приходит в свою деревню — вся пуста, не видать нигде народу. Что такое значит? Зашел в свою прежнюю избу, снял ранец, разделся; стал на лавку садиться, глянул, а на столе стоит штоф вина, и всяких закусок вволю наготовлено. «Ну, — думает, — хоть голоден не буду: есть что закусить и выпить». Вдруг лезет в избу его старый дед, который лет с десять как помер; был он сильный колдун, весь народ из деревни повыгнал, а такого хитреца, чтобы с ним сладил, еще не бывало! Увидел он гостя и закричал: «Ба! Здравствуй, внучек!» — «Здорово, дедушка!» — «Давно я тебя не видал!» — «И то давно!» Сел колдун и давай закуски уписывать да вином запивать; все один приел. «Где ж мои братья?» — спрашивает солдат. «В иной деревне живут; я отсюда всех выгнал. Только и ходят сюда что днем; придут, поставят мне ужин да штоф вина, и назад!»

Позакусил колдун, выпил, и говорит: «Поедем-ка в соседнее село; там нынче свадьба у богатого мужика. Как приедем, я в избу пойду, а ты стой на улице и что стану тебе в окно подавать — все примамай да в повозку клади». — «Ладно, дедушка!» Вышли на двор, у крыльца стоит тройка вороных — так и рвут, копытами землю роют! Сели в повозку и мигом в село прискакали. Колдун вошел в избу, а солдат остался на улице, смотрит: что будет? Дед взял со стола скатерть и все, что на столе было наложено-наставлено, завернул в узел и подает в окно; солдат принял и положил в повозку. Потом подошел колдун к жениху, засучил свой

рукав и засунул ему руку в рот по самое плечо — жених тотчас помер; сделал то же и с невестою — и та померла. Тут все заголосили, заплакали; отчего беда приключилась? Никто не ведает: колдун и вошел и ушел никому невидим.

Сел он с солдатом в повозку и поскакал назад. Кони быстро несут! «Что, дедушка, — спрашивает солдат, — долго ты будешь по белу свету ходить?» — «Долго, внучек, пока сам захочу». — «Неужто на тебя и силы нет?» — «Сила-то есть, да никто про нее не ведает». — «Скажи мне, дедушка!» — «Нет, внучек! Много знать хочешь». — «Пожалуйста, скажи!» — «Ну, так и быть: вот в этаким-то месте стоит сухая груша; коли соберутся семеро да выдернут ее с корнем — под ней провал окажется; после надо вырыть мой гроб да бросить в тот провал и посадить опять грушу; ну, внучек, тогда полно мне ходить!» — «А нельзя ли вылечить нынешних молодых, чтоб они ожили?» — «Эх, внучек! Много будешь знать, скоро состареешься». — «Однако скажи!» — «Ну, так и быть! У богатого мужика отелилась сегодня корова и принесла красного бычка; коли того бычка зарезать, да вынуть сердце, да из того сердца взять крови, да тою кровью помазать молодых — они в ту же минуту оживут и будут здоровы и неведимы».

Кони подлетели к крыльцу и стали как вкопанные; колдун взял узел и понес в избу. Развязал и начал жрать все, что попало: сперва ел кушанья, а там принялся глотать ложки, ножи, бутылки и самую скатерть. Живо все обработал и кричит во всю глотку: «Есть хочу! Голоден!.. Ну, внучек, теперь за тебя примусь!» — «Что ты, дедушка, какая солдат еда! Только одни кости». — «Ничего, годишься!» — «Дай хоть в последний раз на белый свет взглянуть!» — «Ну, взгляни, только поскорее!» Вышел солдат на двор, нашел осиновое полено, взял и стоит; а дед кричит: «Что ж ты копаешься? Иди, мне некогда ждать». — «Нет, дедушка, я в избу не пойду; если хочешь, ешь меня на дворе — нечего избы марать!»

Колдун рассердился, бежит к нему на двор; только хотел было схватить, а солдат не дал маху — как урежет его наотмашь осиновым поленом! Колдун и с ног долой! «Ну,

внучек, ударь еще раз». — «Будет с тебя и этого!» Тут запел петух — старик окостенел и замолчал; а солдат схватил ранец и пошел в соседнюю деревню, где его братья жили. На другой день он созвал весь мир, выбрал шесть человек, сам седьмой пошел; взяли колдуна и бросили в провал — там, где сухая груша стояла. После того солдат вылечил молодых, взял за то большую награду и зажил себе богато и счастливо.

* * *

Отпросился солдат в отпуск — родину навестить, родителей повидать, и пошел в дорогу. День шел, другой шел, на третий забрел в дремучий лес. Где тут ночевать? Увидал — на опушке две избы стоят, зашел в крайнюю и застал дома одну старуху. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, служивенькой!» — «Пусти меня ночь переспать». — «Ступай, только тебе здесь беспокойно будет». — «Что? Али тесно у вас? Это, бабушка, ничего; солдату немного места надо: где-нибудь в уголок прилягу, только бы не на дворе!» — «Не то, служивенькой! На грех пришел ты...» — «На какой грех?» — «А вот на какой: в соседней избе помер недавно старик — большой колдун; и таперича каждую ночь рыщет он по чужим домам да людей ест». — «Э, бабушка, бог не выдаст, свинья не съест».

Солдат разделся, поужинал и полез на полати; лег отдыхать, а возле себя тесак положил. Ровно в двенадцать часов попадали все запоры и растворились все двери; входит в избу покойник в белом саване и бросился на старуху. «Ты, проклятый, зачем сюда?» — закричал на него солдат. Колдун оставил старуху, вскочил на полати и давай с солдатом возиться. Тот его тесаком, рубил-рубил, все пальцы на руках поотбивал, а все не может поправиться. Крепко они сцепились, и оба с полатей на пол грохнулись: колдун под низ, а солдат наверх попал; схватил солдат его за бороду и до тех пор угощал тесаком, пока петухи не запели. В ту самую минуту колдун омертвел: лежит, не тронется, словно деревянная колода.

Солдат вытащил его на двор и бросил в колодезь — головой вниз, ногами вверх. Глядь: на ногах у колдуна славные новые сапоги, гвоздями убиты, дегтем смазаны! «Эх, жаль, так задаром пропадут, — думает солдат, — дай-ка я сниму их!» Снял с мертвого сапоги и воротился в избу. «Ах, батюшка служивенькой, — говорит старуха, — зачем ты с него сапоги-то снял?» — «Дак неужли ж на нем оставить? Ты смотри: какие сапоги-то! Кому не надо — рубль серебра даст; а я ведь человек походный, мне они очень пригодятся!»

На другой день простился солдат с хозяйкою и пошел дальше; только с того самого дня — куда он ни пойдет на ночлег, ровно в двенадцать часов ночи является под окно колдун и требует своих сапог. «Я, — грозит, — от тебя нигде не отстану: всю дорогу с тобой пройду, на родине не дам отдыху, на службе замучу!» Не выдержал солдат: «Да что тебе, проклятый, надобно?» — «Поддай мои сапоги!» Солдат бросил в окно сапоги: «На, отвяжись от меня, нечистая сила!» Колдун подхватил свои сапоги, свистнул и с глаз пропал.

* * *

Пошел мужик на охоту и любимую собаку с собой взял. Ходил-ходил по лесам, по болотам, ничего не выходил; пристигла его темная ночь, в неуказные часы идет мимо кладбища и видит: стоит на распутии мертвец в белом саване. Оробел мужик: куда идти — вперед, или назад повернуть? «Эх, что ни будет, пойду вперед!» Идет, а собака за ним следом бежит. Заприметил его мертвец и понесся навстречу — до земли ногами на пол-аршина не хватает, только саван раздувается. Поравнялся с охотником, бросился на него, а собака ухватила того мертвеца за голые икры и начала с ним бороться. Видит мужик, что собака с мертвецом схватилась; обрадовался, что его дело право, и побежал во всю прыть домой! Собака до тех пор дралась, пока петухи запели и мертвец недвижим упал; после того пустилась за хозяином, нагнала у самого дома и бросилась рвать-кусать его; так обозлилась, так пристала, что еле домашние отбили. «Что такое с собакой подеялось?» — спрашивает мать-стару-

ха. — Отчего так возненавидела хозяина?» Мужик рассказал все, что было. «Нехорошо, сынок, — говорит старуха, — собака за то осерчала, что ты не дал ей помочи; она с покойником дралась, а ты ее одной покинул да себя спасал! Теперь она долго будет на тебя зло мыслить». Наутро вся семья по двору ходит — собака ничего, а только хозяин покажется — так и зарычит. Приковали ее на цепь; целый год на цепи продержали, а все она не забыла хозяйской обиды; сорвалась как-то и прямо на охотника, давай душить его... Тут ее и убили.

* * *

В стародавние годы жили-были в одной деревне два молодых парня; жили они дружно, вместе по беседам ходили, друг друга за родного брата почитали. Сделали они между собой такой уговор: кто из них станет вперед жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; жив ли он будет, помрет ли — все равно. Через год после того заболел один молодец и помер; а спустя несколько месяцев задумал его товарищ жениться. Собрался со всем сродством своим и поехал за невестою. Случилось им ехать мимо кладбища; вспомнил жених своего приятеля, вспомнил старый уговор и велел остановить лошадей. «Я, — говорит, — пойду к своему товарищу на могилу, попрошу его к себе на свадьбу погулять; он был мне верный друг!»

Пошел на могилу и стал звать: «Любезный товарищ! Прошу тебя на свадьбу ко мне». Вдруг могила растворилась, покойник встал и вымолвил: «Спасибо тебе, брат, что исполнил свое обещание! На радостях взойди ко мне; выпьем с тобой по стакану сладкого вина». — «Зашел бы, да поезд стоит, народ дожидается». Покойник отвечает: «Эх, брат, стакан ведь недолго выпить». Жених спустился в могилу; покойник налил ему чашу вина, он выпил — и прошло целое сто лет. «Пей, милый, еще чашу!» Выпил другую — прошло двести лет. «Ну, дружище, выпей и третью да ступай с богом, играй свою свадьбу!» Выпил третью чашу — прошло триста лет.

Покойник простился с своим товарищем; гроб закрылся, могила заровнялась. Жених смотрит: где было кладбище, там стала пустошь; нет ни дороги, ни сродников, ни лошадей, везде поросла крапива да высокая трава. Побежал в деревню — и деревня уж не та; дома иные, люди все незнакомые. Пошел к священнику — и священник не тот; рассказал ему, как и что было. Священник начал по книгам справляться и нашел, что триста лет тому назад был такой случай: в день свадьбы отправился жених на кладбище и пропал, а невеста его вышла потом замуж за другого.

* * *

Жил-был мужик да баба, у них было два сына. Пришла солдатчина, забрили старшему сыну лоб и угнали далеко-далеко; а другой брат охотой нанялся и пошел в солдаты. «Кто нас кормить станет?» — говорит старуха, озлобилась на меньшего сына и прокляла его навеки. И случилось так, что оба брата попали в один полк; жили они согласно, хорошо. Вот меньшей прослужил год, другой, заболел и помер. Схоронили его, как следует. Ночью приходит мертвый брат к живому и говорит: «Братец, проснись!» Тот испугался. «Не бойся! Я не даром. Помнишь, как нанялся я в охотники, в те поры меня мать прокляла, и теперь меня земля не примает. Так вот что, братец! Отпросись в отпуск да умоли матушку, чтоб простила меня; коли умолишь ее, добром тебе заплачу: станешь жениться — вспомнешь меня!» Старший брат отпросился в отпуск и пошел домой. Приходит в свою деревню; отец и мать радехоньки, стали спрашивать: «Не встречал ли где меньшого брата, не слышал ли чего об нем?» — «Ах, ведь он помер! Матушка, прости его». Старуха заплакала и простила.

На другой день идет солдат рынком; вдруг кличет его купец: «Что, служба, не хочешь ли жениться?» — «Невесты нету!» — «Пойдем ко мне: у меня дочь есть». — «Пойдем». У того купца дочь два раза замуж выходила, да все беда случалась: положат с вечера молодых спать, а наутро муж померет; вишь, к ней змей летал. А солдат про то ничего не

ведает; сосватался, обвенчали их и положили спать. Ночью пришел умерший брат и стал у изголовья с мечом в руке. Ударило двенадцать часов, прилетает страшный змей. Мертвец бросился на него и срубил ему все девять голов; наутро пришли купец с купчихою, а зять жив; поставили за него в полк рекрута, и стал он жить с своею женою, брата поминать да добра наживать.

* * *

Отпросился солдат в отпуск на родину — святым иконам помолиться, родителям поклониться. Идет дорогою, а уж солнышко давно село, в поле темно. Надо идти мимо кладбища; вот слышит он — кто-то за ним гонится: «Стой! — кричит. — Не уйдешь!» Оглянулся, а то упокойник бежит, зубами скрипит; солдат пустился от него в сторону во всю свою прыть, увидал часовенку — и прямо в нее. В той часовенке нет никого, только лежит на столе другой упокойник, а перед ним свечи горят. Солдат забился в угол, сидит ни жив ни мертв: что-то будет!

Вдруг прибегает и лезет в часовню тот, первый упокойник, что за солдатом гнал; а тот, что на столе лежал, встает и говорит ему: «Ты зачем прибег?» — «Я солдата съуды пригнал, так хочу его съесть». — «Ну, брат, он ко мне прибег; я его и съем!» — «Нет, я!» — «Нет, я!» И давай драться, только пыль летит; долго бы они дрались, да петухи закричали: тут оба упокойника упали на пол замертво, и солдат спокойно ушел домой. «Слава тебе господи, спасся от колдунов!»

* * *

В одном селе жили-были муж да жена; жили они весело, согласно, любовно: все соседи им завидовали, а добрые люди, гляючи на них, радовались. Вот хозяйка отяжелела, родила сына, да с тех родов и померла. Бедный мужик горевал да плакал, пуще всего о ребенке убивался: как теперь выкормить, возрастить его без родной матери? Нанял какую-то старушку за ним ходить; все лучше. Только

что за притча? Днем ребенок не ест, завсегда кричит, ничем его не утетишь; а наступит ночь — словно и нет его, тихо и мирно спит. «Отчего так? — думает старуха. — Дай-ка я ночь не посплю, авось разведу». Вот в самую полночь слышит она: кто-то отворил потихоньку двери и подошел к люльке; ребенок затих, как будто грудь сосет. На другую ночь и на третью опять то же.

Стала она говорить про то мужику; он собрал своих сродственников и стал совет держать. Вот и придумали: не поспать одну ночь да подсмотреть: кто это ходит да ребенка кормит? С вечера улеглись все на полу, в головах у себя поставили зажженную свечу и покрыли ее глиняным горшком. В полночь отворилась в избу дверь, кто-то подошел к люльке — и ребенок затих. В это время один из сродственников вдруг открыл свечу — смотрят: покойная мать в том самом платье, в каком ее схоронили, стоит на коленях, наклонясь к люльке, и кормит ребенка мертвой грудью. Только осветилась изба — она тотчас поднялась, печально взглянула на своего малютку и тихо ушла, не говоря никому не единого слова. Все, кто ее видел, превратились в камень; а малютку нашли мертвым.

* * *

Раз ночью шел мимо церкви школьный учитель и попался навстречу двенадцати разбойникам. «Знаешь ли ты, — спросили разбойники, — где лежит та богатая пани, что с неделю назад померла в вашем местечке?» — «Знаю; ее похоронили в церковном склепе». Разбойники пригрозили ему острым ножом и принудили идти с собою; пришли к церковному склепу, выломали из окна железную решетку и спустили туда на кушаках школьного учителя. «Открой, — говорят ему, — гробницу, сними у пани семь золотых перстней с драгоценными камнями и подай сюда».

Учитель открыл гробовую крышку и стал снимать с рук покойницы золотые перстни; шесть легко снял, а седьмого не может: пани сжала палец и не дает кольца. Сказал он про то разбойникам; они кинули ему нож и приказывают:

«Отруби-ка ей палец!» Учитель поднял нож и как только отрубил палец — в ту ж минуту покойница словно от сна пробудилась, закричала громким голосом: «Сестрицы и братцы! Вставайте на помощь скорей; не знала я покоя при жизни, не дают мне его и по смерти!» На ее голос растворились гробницы, и начали выходить мертвецы.

Разбойники услышали шум и разбежались в разные стороны, а учитель с испугу бросился из подвала на лестницу, вбежал в церковь, спрятался на хоры и дверь за собой запер. Мертвецы — за ним, увидали, куда он спрятался, и принялись таскать свои гроба и становить один на другой, чтобы по ним взобраться на хоры. Учитель тем временем нашел длинный шест и давай гроба сваливать: в такой работе провозился он до полуночи; а как ударило двенадцать часов — мертвецы разобрали свои гроба и ушли в склеп. Учитель еле жив остался! На другое утро нашли его в церкви разбитого, больного; пришел священник, исповедал и приобщил его, и вслед за тем учитель помер.

УПЫРЬ

В некотором царстве, в некотором государстве был старик со старухой; у них была дочь Маруся. В их деревне был обычай справлять праздник Андрея Первозванного: соберутся девки в одну избу, напекут пампушек и гуляют целую неделю, а то и больше. Вот дождались этого праздника, собрались девки, напекли-наварили, что надо; вечером пришли парубки с сопелкою, принесли вина, и началась пляска, гульба — дым коромыслом! Все девки хорошо пляшут, а Маруся лучше всех. Немного погода входит в избу такой молодец — что на поди! Кровь с молоком! Одет богато, чисто. «Здравствуйте, — говорит, — красные девицы!» — «Здравствуй, добрый молодец!» — «Гулянье вам!» — «Милости просим гулять к нам!» Сейчас вынул он кошель полон золота, послал за вином, за орехами, пряниками — разом все готово; начал угощать и

девок и ребят, всех оделил. А пошел плясать — любо-дорого посмотреть! Больше всех полюбилась ему Маруся; так к ней и пристаёт.

Наступило время по домам расходиться. Говорит этот молодец: «Маруся! Поди, проводи меня». Она вышла провожать его; он и говорит: «Маруся, сердце! Хочешь ли, я тебя замуж возьму?» — «Коли бы взял, я бы с радостью пошла. Да ты отколя?» — «А вот из такого-то места, живу у купца за приказчика». Тут они попрощались и пошли всякий своей дорогою. Воротилась Маруся домой, мать ее спрашивает: «Хорошо ли погуляла, дочка?» — «Хорошо, матушка! Да еще скажу тебе радость: был там со стороны добрый молодец, собой красавец, и денег много; обещал взять меня замуж». — «Слушай, Маруся: как пойдешь завтра к девкам, возьми с собой клубок ниток; станешь провожать его, в те поры накинь ему петельку на пуговицу и распускай потихоньку клубок, а после по этой нитке и сведаешь, где он живет».

На другой день пошла Маруся на вечерницу и захватила с собой клубок ниток. Опять пришел добрый молодец: «Здравствуй, Маруся!» — «Здравствуй!» Начались игры, пляски; он пуще прежнего льнет к Марусе, ни на шаг не отходит. Уж время и домой идти. «Маруся, — говорит гость, — проводи меня». Она вышла на улицу, стала с ним прощаться и тихонько накинула петельку на пуговицу; пошел он своею дорогою, а она стоит да клубок распускает; весь распустила и побежала узнавать, где живет ее названный жених? Сначала нитка по дороге шла, после потянулась через заборы, через канавы и вывела Марусю прямо к церкви, к главным дверям. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругом церкви, отыскала лестницу, подставила к окну и полезла посмотреть, что там делается? Влезла, глянула — а названный жених стоит у гроба да упокойника ест; в церкви тогда ночевало мертвое тело. Хотела было потихоньку соскочить с лестницы, да с испугу не остереглась и стукнула; бежит домой — себя не помнит, все ей погоня чудится; еле жива прибежала!

Поутру мать спрашивает: «Что, Маруся, видела того молодца?» — «Видела, матушка!» — а что видела, того не рассказывает. Вечером сидит Маруся в раздумье: идти или нет на вечерницу? «Ступай, — говорит мать, — поиграй, пока молода!» Приходит она на вечерницу, а нечистый уже там. Опять начались игры, смехи, пляска; девки ничего не ведают! Стали по домам расходиться; говорит нечистый: «Маруся! Поди, проводи меня». Она нейдет, боится. Тут все девки на нее накинулись: «Что с тобой? Или застыдилась? Ступай, проводи добра молодца!» Нечего делать, пошла — что бог даст! Только вышли на улицу, он ее и спрашивает: «Ты вчера к церкви ходила?» — «Нет!» — «А видела, что я там делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра твой отец помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой грустна и невесела; поутру проснулась — отец мертвый лежит. Поплакали над ним и в гроб положили; вечером мать к попу поехала, а Маруся осталась: страшно ей одной дома. «Дай, — думает, — пойду к подругам». Приходит, а нечистый там. «Здравствуй, Маруся! Что не весела?» — спрашивают ее девки. «Какое веселье? Отец помер». — «Ах, бедная!» Все тужат об ней; тужит и он, проклятый, будто не его дело. Стали прощаться, по домам расходиться. «Маруся, — говорит он, — проводи меня». Она не хочет. «Что ты — маленькая, что ли? Чего боишься? Проводи его!» — пристают девки. Пошла провожать; вышли на улицу. «Скажи, Маруся, была ты у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра мать твоя помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой еще печальнее; переночевала ночь, поутру проснулась — мать лежит мертвая. Целый день она проплакала, вот солнце село, кругом темнеть стало — боится Маруся одна оставаться; пошла к подругам. «Здравствуй! Что с тобой? На тебе лица не видать!» — говорят девки. «Уж какое мое веселье! Вчера отец помер, а сегодня мать». — «Бедная, несчастная!» — сожалеют ее все. Вот пришло время прощаться. «Маруся! Проводи меня», — говорит нечистый. Вышла провожать его. «Скажи, была ты у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я делал?» — «Нет!» —

«Ну, завтра ввечеру сама помрешь!» Маруся переночевала с подругами, поутру встала и думает: что ей делать? Вспомнила, что у ней есть бабка — старая-старая, уж ослепла от долгих лет. «Пойду-ка я к ней, посоветуюсь».

Отправилась к бабке. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, внучка! Как бог милует? Что отец с матерью?» — «Померли, бабушка!» — и рассказала ей все, что с нею случилось. Старуха выслушала и говорит: «Ох, горемычная ты моя! Ступай скорей к попу, попроси его: коли ты помрешь, чтоб вырыли под порогом яму, да несли бы тебя из избы не в двери, а протащили б сквозь то отверстие; да еще попроси, чтоб похоронили тебя на перекрестке — там, где две дороги пересекаются». Пришла Маруся к попу, слезно заплакала и упросила его сделать все так, как бабушка научила; воротилась домой, купила гроб, легла в него — и тотчас же померла. Вот дали знать священнику; похоронил он сначала отца и мать Маруси, а потом и ее. Вынесли Марусю под порогом, схоронили на раздорожье.

В скором времени случилось одному боярскому сыну проезжать мимо Марусиной могилы; смотрит — а на той могиле растет чудный цветок, какого он никогда не видывал. Говорит барич своему слуге: «Поди, вырой мне тот цветок с корнем; привезем домой и посадим в горшок: пусть у нас цветет!» Вот вырыли цветок, привезли домой, посадили в муравлений горшок и поставили на окно. Начал цветок расти, красоваться. Раз как-то не поспалось слуге ночью; смотрит он на окно и видит — чудо совершилось: вдруг цветок зашатался, упал с ветки наземь — и обратился красной девицей; цветок был хорош, а девица лучше! Пошла она по комнатам, достала себе разных напитков и кушаньев, напилась-наелась, ударилась об пол — сделалась по-прежнему цветком, поднялась на окно и села на веточку.

На другой день рассказал слуга баричу, какое чудо ему в ночи привиделось. «Ах, братец, что ж ты меня не разбудил? Нынешнюю ночь станем вдвоем караулить». Пришла ночь — они не спят, ждут. Ровно в двенадцать часов цветок начал шевелиться, с места на место перелезть, после упал наземь — и явилась красная девица;

достала себе напитков и кушаньев и села ужинать. Барич выбежал, схватил ее за белые руки и повел в свою горницу; не может вдоволь на нее насмотреться, на красоту ее наглядеться. Наутро говорит отцу, матери: «Позвольте мне жениться; я нашел себе невесту». Родители позволили. Маруся говорит: «Я пойду за тебя только с тем уговором, чтобы четыре года в церковь не ходить». — «Хорошо!»

Вот обвенчались, живут себе год и два, и прижили сына. Один раз наехали к ним гости; подгуляли, выпили, и стали хвалиться своими женами: у того хороша, у другого еще лучше. «Ну, как хотите, — говорит хозяин, — а лучше моей жены во всем свете нету!» — «Хороша, да некрещена!» — отвечают гости. «Как так?» — «Да в церковь не ходит». Те речи показались мужу обидны; дождался воскресенья и велел жене наряжаться к обедне. «Знать ничего не хочу! Будь сейчас готова!» Собрались они и поехали в церковь; муж входит — ничего не видит, а она глянула — сидит на окне нечистый. «А, так ты вот она! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я там делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра у тебя и муж и сын помрут!»

Маруся прямо из церкви бросилась к своей старой бабушке. Та ей дала в одном пузырьке святой воды, а в другом живущей и сказала, как и что делать. На другой день померли у Маруси и муж и сын; а нечистый прилетел и спрашивает: «Скажи, была у церкви?» — «Была». — «А видела, что я делал?» — «Мертвого жрал!» Сказала да как плеснет на него святой водою — он так прахом и рассыпался. После взбрызнула живущей водой мужа и сына — они тотчас ожили и с той поры не знали ни горя, ни разлуки, а жили все вместе долго и счастливо.

ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ОТЧИТЫВАЕТ ЦАРЕВНУ

В некотором государстве жил-был купец, у него был сын Иван. Выучился Иван грамоте и нанялся к одному

богачу в работники; пожил у него три года, получил за все это время жалованье и собрался домой. Идет он дорогою, а навстречу ему нищий плетется — и хром, и слеп, и просит святой милостыньки Христа ради. Купеческий сын отдал убогому все заработанные деньги и пришел домой ни с чем; а тут несчастье — отец помер, надо хоронить да долги платить. Кое-как сбился, управился с делами и принялся за торг. Вскоре прослышал он, что два его дяди нагружают корабли товарами и хотят за море ехать. «Дай, — думает, — и я поеду! Авось дяди возьмут меня с собою». Пошел к ним проситься. Дяди обещали. «Приходи, — говорят, — завтра!», а назавтра чуть свет распустили паруса и уехали одни, без племянника.

Иван запечалился; говорит ему мать: «Не кручинься, сынок! Ступай на рынок, найми себе приказчика — только постарей выбирай; старые люди — бывалые, на все догадливые. Как наймешь приказчика, изготовь корабль, и поезжайте вдвоем за море. Бог не без милости!» Иван купеческий сын послушался, побежал на рынок, а навстречу ему седой старичок: «Куда спешишь, добрый молодец?» — «Иду, дедушка, на рынок, хочу нанять приказчика». — «Найми меня!» — «А что возьмешь?» — «Половину барыша». Купеческий сын согласился и принял старика в приказчики. Изготовили они корабль, нагрузили товарами и отвалили от берега; ветер был попутный, корабль ходкий, и прибыл Иван в чужестранное государство в то самое время, как дядины корабли в пристань входили.

В том государстве обмерла у царя дочь; вынесли ее в церковь и каждую ночь посылали к ней по одному человеку на съедение. Много народу погибло; этак, думает царь, пожалуй, и царство мое не устоит, и выдумал: вместо своих людей посылать к дочери приезжих из иных земель; какой бы купец ни явился у пристани — должен наперед перебыть ночь в церкви, а потом, коли уцелеет, — может и покупать, и продавать, и назад ехать. Вот новоприезжие купцы сошлись на пристани и стали судить да рядить, кому прежде в церковь идти. Кинули жребий, и доставалось: на первую ночь идти

старшему дяде, на вторую ночь — младшему дяде, а на третью ночь — Ивану купеческому сыну. Дядя испугался и давай просить своего племянника: «Голубчик Ванюшка! Переночуй за нас в церкви; что хочешь — то и возьми за послугу, спорить не будем». — «Постойте, я спрошусь у дедушки». Пошел к старику: «Так и так, — говорит, — дяди пристают, просят за них потрудиться; как ты, дедушка, присоветуешь?» — «Ну что ж — потрудись; только пусть они за то по три корабля тебе дадут». Иван купеческий сын передал эти слова своим дядюшкам, они согласились: «Ладно, Ваня! Шесть кораблей — твои».

Когда наступил вечер, старичок взял Ивана за руки, привел в церковь, поставил возле гроба и начертил круг: «Стой крепко, из-за черты не выходи, читай псалтырь и ничего не бойся!» Сказал и ушел; Иван купеческий сын остался один в церкви, развернул книгу и начал псалмы читать. Как только пробил двенадцать часов — подымается крышка с гроба, встает царевна и подходит прямо к черте: «Я тебя съем!» — грозит, рвется вперед, кричит на разные голоса, и по-собачьи и по-кошачьи, а переступить черты не может. Иван читает, на нее не смотрит; вдруг петухи запели, и царевна бросилась в гроб как попало; ее платье через край повисло. Поутру посылает царь своих прислужников: «Ступайте в церковь, приберите кости». Прислужники отперли двери, заглянули в церковь — а купеческий сын стоит живой перед гробом да все псалтырь читает.

На другую ночь было то же самое; а на третий день вечером взял его старик за руку, привел в церковь и говорит: «Как только ударит двенадцать часов, ты не мешкая полезай на хоры; там стоит большой образ Петра-апостола, стань позади его — ничего не бойся!» Купеческий сын принялся за псалтырь; читал-читал; ровно в двенадцать часов видит — крышка с гроба подымается; он поскорей на хоры и стал позади большого образа Петра-апостола. Царевна выскочила да за ним; прибежала на хоры, искала-искала, все углы обошла — не могла найти.

Подходит к образу, глянула на лик святого апостола и задрожала; вдруг от иконы глас раздался: «Изыди, окаянный!» В ту же минуту злой дух оставил царевну, пала она перед иконою на колени и начала со слезами молиться. Иван купеческий сын вышел из-за образа, стал с нею рядом, крестится да поклоны кладет.

Поутру приходят в церковь царские прислужники, смотрят — Иван купеческий сын и царевна стоят на коленях и богу молятся; тотчас побежали и доложили царю. Царь обрадовался, поехал сам в церковь, привез царевну во дворец и говорит купеческому сыну: «Ты мою дочь и все царство избавил; возьми ее за себя замуж, а в приданое жалую тебе шесть кораблей с дорогими товарами». На другой день их перевенчали; весь народ пировал на свадьбе — и бояре, и купцы, и простые крестьяне. Через неделю после того собрался Иван купеческий сын домой ехать: распротился с царем, взял молодую жену, сел на корабль и велел выходить в море. Бежит его корабль по морю, а вслед за ним двенадцать других плывут; шесть кораблей, что царь подарил, да шесть кораблей, что у дядей выслужил.

На половине пути говорит старичок Ивану купеческому сыну: «Когда ж станем барыши делить?» — «Хоть сейчас, дедушка! Выбирай себе шесть кораблей, какие полюбят-ся». — «Это не все; надо и царевну поделить». — «Что ты, дедушка, как ее делить?» — «Да вот разрублю надвое: тебе половина да мне половина». — «Бог с тобой! Этак она никому не достанется; лучше бросим жребий». — «Не хочу», — отвечает старик, — сказано — барыши пополам, так тому и быть!» Выхватил меч и рассек царевну надвое — поползли из нее разные гады и змеи. Старик перебил всех гад и змей, сложил царевнино тело, взбрызнул раз святою водою — тело срослось, взбрызнул в другой — царевна ожила и сделалась краше прежнего. Говорит тогда старик Ивану купеческому сыну: «Бери себе и царевну и все двенадцать кораблей, а мне ничего не надо; живи праведно, никого не обижай, нищую братию наделяй да молись святому апостолу Петру». Сказал и исчез. Купеческий сын

воротился домой и жил с своею царевною долго и счастливо, никого не обижал и бедным завсегда помогал.

РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ

Жил-был солдат, служил богу и великому государю пятнадцать годов, ни разу не видался с своими родителями. На ту пору вышел от царя приказ отпускать рядовых для свидания с своими сродственниками по двадцати пяти человек с роты; заодно с другими отпросился и наш солдат и отправился домой на побывку в Киевскую губернию. Долго ли, коротко ли — пришел он в Киев, побывал в лавре, богу помолился, святым мощам поклонился и пошел на родину в ближний уездный город. Шел-шел, вдруг попадается ему навстречу красная девица, из того же уездного города дочь купеческая, собой знатная красавица. Известное дело: коли завидит солдат пригожую девку, ни за что не пройдет просто, а чем-нибудь да зацепит. Так и этот солдат: поравнялся с купеческой дочерью и говорит ей в шутку: «Эх, хороша девушка, да не объезжена!» Отвечает красная девица: «Бог знает, служивый, кто кого объездит: либо ты меня, либо я тебя!» Засмеялась и пошла своей дорогой.

Вот приходит солдат домой, поздоровался с родными и крепко обрадовался, что всех их застал в добром здоровье. Был у него старый дедушка, белый как лунь, лет сто с хвостиком прожил. Стал ему солдат рассказывать: «Ишел я, дедушка, домой, и попалась мне навстречу знатная девица; я — грешный человек — так и так посмеялся над ней, а она мне сказала: бог знает, служивый: либо ты меня объездишь, либо я тебя!» — «Ах, батюшки! Что ж ты наделал; ведь это дочь нашего купца — страшная ведьма! Не одного молодца свела она с белого свету». — «Ну, я и сам не робкого десятку! Меня не скоро напугаешь; еще поглядим: что бог даст?» — «Нет, внучек, — говорит дед, — если не станешь меня слушать, тебе завтра живому не

быть». — «Вот еще беда!» — «Да такая беда, что ты этакой страсти и на службе не видывал. .» — «Что ж мне делать, дедушка?» — «А вот что: приготовь узду да возьми толстое осиновое полено и сиди в избе — никуда не ходи; ночью она прибежит сюда, и если успеет прежде тебя сказать: стой, мой конь! — в ту ж минуту оборотишься ты жеребцом; она сядет на тебя верхом и до тех пор будет гонять, пока не заедит тебя до смерти. А если ты успеешь наперед сказать: «Тпруу! стой, моя кляча!», то она сама сделается кобылою, тогда зануздай ее и садись верхом. Она понесет тебя по горам, по долам, а ты знай свое — бей ее осиновым поленом в голову, и до тех пор бей, пока не убьешь до смерти!»

Не чаял солдат такой службы, а нечего делать — послушался деда: приготовил узду и осиновое полено, сел в углу и дожидается, что-то будет. В глухую полночь скрипнула дверь в сенях, и послышались шаги — идет ведьма; только отворила дверь в избу, он тотчас и вымолвил: «Тпруу! стой, моя кляча!» Ведьма оборотилась кобылою; солдат зануздал ее, вывел на двор и вскочил верхом. Понесла его кобыла по горам, по долам, по оврагам и все норовит, как бы сбить седока долой; да нет! Солдат твердо сидит да то и дело по голове ее осиновым поленом осаживает; до тех пор угощал ее поленом, покудова с ног сбил, а после накинулся на лежачую, хватил еще разов пять и убил ее до смерти. Стало светать, он домой пришел. «Ну, друг, как твое дело?» — спрашивает старик. «Слава богу, дедушка, убил ее до смерти». — «Ладно! Теперь ложись спать». Солдат лег и заснул крепким сном.

Вечером будит его старик: «Вставай, внучек!» Он встал. «Ну, как же теперь-то? Ведь купеческая дочь померла, так отец ее за тобой приедет — станет звать тебя к себе псалтырь читать над покойницей». — «Что ж, дедушка, иди али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди..» — «А коли что случится, куда я денусь?» — «Слушай, внучек! Когда пойдешь к купцу, будет он тебя вином потчевать — ты не пей много,

выпей сколько надобно. После того поведет тебя купец в ту комнату, где дочь его во гробу лежит, и запрет тебя на замок; будешь ты псалтырь читать с вечера до полуночи, а в самую полночь вдруг дунет сильный ветер, гробница заколыхается, крышка долой упадет... Вот как эта страсть начнется, ты скорей полезай на печь, забейся в угол и твори потихоньку молитвы; там она тебя не найдет!»

Через полчаса приезжает купец и просит солдата: «Ах, служивый! Ведь у меня дочка померла, почитай над нею псалтырь». Солдат взял псалтырь и поехал в купеческий дом. Купец тому радехонек, сейчас его за стол посадил и давай вином поить. Солдат выпил, сколько ему надобно, а больше не пьет, отказывается. Купец взял его за руку, повел в ту комнату, где мертвая лежала. «Ну, — говорит, — читай псалтырь!» Сам вышел вон, а двери на замок запер. Нечего делать, принялся солдат за псалтырь, читал-читал, вдруг в самую полночь дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой слетела; солдат поскорей на печь, забился в угол, оградил себя крестом и давай шептать молитвы. Ведьма выскочила из гроба и начала во все стороны кидаться — то туда, то сюда! Набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Солдата: вот сейчас читал, да пропал!» Черти бросились в розыски; искали, искали, все закоулки обшарили, стали на печь заглядывать... тут на солдатское счастье петухи закричали: в один миг все черти пропали, а ведьма зря на полу растянулась. Солдат слез с печи, положил ее в гроб, накрыл, как следует, крышкою, и опять за псалтырь.

На рассвете приходит хозяин, отворил двери: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу!» — «Вот тебе пятьдесят рублей; приходи, друг, еще ночку почитай!» — «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой, лег на лавку и спал до вечера; проснулся и говорит: «Дедушка! Купец велел придти другую ночь псалтырь почитать; иди али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — то же самое! Однако лучше иди: вина много не пей — выпей

сколько надобно; а как ветер дунет, гробница заколыхается — тотчас в печь полезай! Там тебя никто не найдет!» Солдат собрался и пошел к купцу: тот его посадил за стол и давай вином поить; после повел к покойнице и запер дверь на замок. Солдат читал-читал, читал-читал; наступила полночь — дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала; он поскорей в печь... Ведьма вскочила и начала метаться; набежало к ней нечистых — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Да вот сейчас читал, да с глаз пропал! Найдтишь не могу...» Черти бросились на печь. «Вот, — говорят, — то место, где он вчера сидел!» — «Место тут, да его нету!» Туда-сюда... вдруг петухи запели — нечистые сгнули, ведьма на пол повалилась.

Солдат отдохнул немного, вылез из печи, положил купеческую дочь в гроб и стал псалтырь читать. Смотрит — уж светает, хозяин идет: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь прошла?» — «Слава богу!» — «Ну, пойдём!» Вывел его из той комнаты, дал сто рублей денег и говорит: «Приходи, пожалуйста, почитай и третью ночь; я тебя не обижу». — «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой. «Ну, внучек, что бог дал?» — «Ничего, дедушка! Купец велел еще приходить. Идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди». — «А коли что случится, куда мне спрятаться?» — «Вот что, внучек: купи-ка себе сковороду и схорони так, чтобы купец не видал; а как придешь к купцу, станет он тебя вином дюже неволить; ты смотри много не пей, выпей, сколько снести можешь. В полночь, как только зашумит ветер да гробница заколыхается, ты в ту ж минуту полезай на печной столб и накройся сковородою; там тебя никто не същёт!»

Солдат выпался, купил себе сковороду, спрятал ее под шинель и к вечеру пошел на купеческий двор. Купец посадил его за стол и давай вином поить; всячески его просит, улещает. «Нет, — говорит солдат, — будет; я свое выпил, больше не стану». — «Ну, когда не хочешь пить, так ступай псалтырь читать». Привел его купец к мертвой

дочери, оставил одного и запер двери. Солдат читал-читал, читал-читал — наступила полночь, дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала. Солдат влез на столб, накрылся сковородой, оградился крестом и ждет — что-то будет? Ведьма вскочила, начала всюду метаться; набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! Бросились искать солдата, заглянули в печь. «Вот, — говорят, — место, где он вчера сидел!» — «Место цело, да его нет!» Туда-сюда — нигде не видать! Вот лезет через порог самый старый черт: «Что вы ищете?» — «Солдата; сейчас читал, да с глаз пропал!» — «Эх вы, слепые! А это кто на столбе сидит?» У солдата так сердце и ёкнуло, чуть-чуть наземь не упал! «И то он, — закричали черти, — только как с ним быть? Ведь его достать нельзя!» — «Вот нельзя! Бегите-ка раздобудьте огарок, который не благословясь зажжен был». Вмиг притащили черти огарок, разложили костер у самого столба и запалили; высоко ударило пламя, жарко солдату стало — то ту, то другую ногу под себя поджимает. «Ну, — думает, — смерть моя пришла!» Вдруг на его счастье петухи запели — черти сгнули, ведьма на пол повалилась, солдат соскочил с печного столба и давай огонь тушить. Погасил, убрал все как следует, купеческую дочь в гроб положил, крышкою накрыл и принялся псалтырь читать.

На рассвете приходит купец, прислушивается — жив ли солдат али нет? Услыхал его голос, отворил дверь и говорит: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу, ничего худого не видал!» Купец дал ему полтора рубля и говорит: «Много ты потрудился, служивый! Потрудишься еще: приходи сегодня ночью да свези мою дочку на кладбище». — «Хорошо, приду!» — сказал солдат и бегом домой. «Ну, друг, что бог дал?» — «Слава богу, дедушка, уцелел! Купец просил побывать к нему ночью, отвезти его дочь на кладбище. Идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако надо идти; лучше будет». — «Что же мне делать? Научи». —

«А вот что! Как придешь к купцу, у него все будет приготовлено. В десять часов станут с покойницей сродственники прощаться, а после набьют на гроб три железных обруча, поставят его на дроги, в одиннадцать часов велят тебе на кладбище везти. Ты гроб вези, а сам в оба гляди: лопнет один обруч — не бойся, смело сиди; лопнет другой — ты все сиди; а как третий лопнет — сейчас скачи через лошадь да сквозь дугу и беги задом. Сделаешь так, ничего тебе не будет!»

Солдат лег спать, проспал до вечера и отправился к купцу. В десять часов стали с покойницей сродственники прощаться; потом начали железные обручи нагонять; нагнали обручи, поставили гроб на дроги: «Теперь поезжай, служивый, с богом!»

Солдат сел на дроги и поехал; сначала вез тихо, а как с глаз уехал, припустил что есть духу. Скачет, а сам все на гроб поглядывает. Лопнул один обруч, за ним другой — ведьма зубами скрипит. «Постой, — кричит, — не уйдешь! Сейчас тебя съем!» — «Нет, голубушка! Солдат — человек казенный; их есть не дозволено». Вот лопнул и последний обруч — солдат через лошадь да сквозь дугу и побежал задом. Ведьма выскочила из гроба и кинулась догонять; напала на солдатский след и по тому следу повернула к лошади, обежала ее кругом, видит, что нет солдата, и опять в погоню. Бежала-бежала, на след напала и опять повернула к лошади... Совсем с толку сбилась, разов десять назад ворочалась; вдруг петухи запели, ведьма так и растянулась на дороге!

Солдат поднял ее, положил в гроб, заколотил крышку и повез на кладбище; привез, свалил гроб в могилу, закидал землею и воротился к купцу. «Все, — говорит, — сделал; бери свою лошадь». Купец увидал солдата и глаза выпучил: «Ну, служивый, я много знаю; об дочери моей и говорить нечего — больно хитра была; а ты, верно, и больше нашего знаешь!» — «Что ж, господин купец, заплати за работу». Купец вынул ему двести рублей; солдат взял, поблагодарил его и пошел угощать свою родню. На

том угощенье и я был; дали мне вина корец, моей сказке конец.

* * *

Поздним вечером приехал один казак в село, остановился у крайней избы и стал проситься: «Эй, хозяин, пусти переночевать!» — «Ступай, коли смерти не боишься». — «Что за речь такая!» — думает казак, поставил коня в сарай, дал ему корму и идет в избу. Смотрит — и мужики, и бабы, и малые ребятишки — все навзрыд плачут да богу молятся; помолились и стали надевать чистые рубашки. «Чего вы плачете?» — спрашивает казак. «Да вишь, — отвечает хозяин, — в нашем селе по ночам смерть ходит, в какую избу ни заглянет — так наутро кладу всех жильцов в гроба да вези на погост. Нынешнюю ночь за нами очередь». — «Э, хозяин, не бойся; бог не выдаст, свинья не съест». Хозяева полегли спать; а казак себе на уме — и глаз не смыкает.

В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма — вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хотела кропить — как вдруг казак размахнул своей саблею и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь. А казак поднял отрубленную руку, спрятал в свою шинель, кровь замыл и лег спать. Поутру проснулись хозяева, смотрят — все до единого живы-здоровы, и несказанно обрадовались. «Хотите, — говорит казак, — я вам смерть покажу? Соберите скорей всех сотников и десятников да пойдемте ее по селу искать». Тотчас собрались все сотники и десятники и пошли по домам; там нету, здесь нету, наконец добрались до пономарской избы. «Вся ли семья твоя здесь налицо?» — спрашивает казак. «Нет, родимый! Одна дочка больна, на печи лежит». Казак глянул на печь, а у девки рука отсечена; тут он объявил все, как было, вынул и показал отрубленную руку. Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить.

В некотором королевстве жил-был король; у этого короля была дочь волшебница. При королевском дворе проживал поп, а у попа был сынок десяти лет и каждый день ходил к одной старушке — грамоте учиться. Раз случилось ему поздно вечером идти с ученья; проходя мимо дворца, глянул он на одно окошечко. У того окошечка сидит королевна, убирается: сняла с себя голову, мылом намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнем расчесала, заплела косу и надела потом голову на старое место. Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! Прямая колдунья!» Воротился домой и стал всем рассказывать, как он королевну без головы видел. Вдруг расхворалась-разболелась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать: «Если я помру, то заставьте поповского сына три ночи сряду надо мною псалтырь читать». Померла королевна, положили ее в гроб и вынесли в церковь. Король призывает попа: «Есть у тебя сын?» — «Есть, ваше величество». — «Пусть, — говорит, — читает над моей дочерью псалтырь три ночи сряду». Поп воротился домой и велел сыну изготавиться.

Утром пошел попovich учиться и сидит над книгою такой скучный. «О чем запечалился?» — спрашивает его старушка. «Как мне не печалиться, коли я совсем пропал?» — «Да что с тобой? Говори толком». — «Так и так, бабушка! Надо читать над королевною, а она ведь колдунья!» — «Я прежде тебя это ведала! Только не бойся, вот тебе ножик; когда придешь в церковь, очерти около себя круг, читай псалтырь да назад не оглядывайся. Что бы там ни было, какие бы страсти ни представлялись — знай свое, читай да читай! А если назад оглянешься — совсем пропадешь!» Вечером пришел мальчик в церковь, очертил ножом около себя круг и принялся за псалтырь. Пробыло двенадцать часов, с гроба поднялась крышка, королевна встала, выбежала и закричала: «А, теперь ты узнаешь, как под моими окнами подсматривать да людям рассказывать!» Стала на попovichа бросаться, да никак через круг перейти не может; тут начала она напускать разные страсти; только

что ни делала — он все читает да читает, никуда не оглядывается. А как стало светать, бросилась королевна в гроб и со всего размаху повалилась в него — как попало!

На другую ночь то же приключилось; попovich ничего не убоялся, до самого света безостановочно читал, а поутру пошел к старухе. Она спрашивает: «Ну что, видел страсть?» — «Видел, бабушка!» — «Нынче еще страшнее будет! Вот тебе молоток и четыре гвоздя — забей их по четырем углам гроба, а как станешь псалтырь читать — молоток против себя поставь». Вечером пришел попovich в церковь и сделал все так, как научила старушка. Пробыло двенадцать часов, гробовая крышка на пол упала, королевна встала и начала летать по всем сторонам да грозить попovichу; то напускала большие страсти, а теперь еще больше: чудится попovichу сыну, что в церкви пожар сделался, пламя так все стены и охватило; а он стоит себе да читает, назад не оглядывается. Перед рассветом королевна в гроб бросилась, и тотчас пожара как не бывало — все наваждение сгнуло! Поутру приходит в церковь король, смотрит — гроб открыт, в гробу королевна кверху спиной лежит. «Что такое?» — спрашивает мальчика; тот ему рассказал, как и что было. Король приказал забить своей дочери осиновый кол в грудь и зарыть ее в землю, а попovichа наградил казною и разными угодами.

* * *

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у этого царя был сын. Когда царевич стал на возрасте, отец его женил; но жена его не любила: начинал ли он к своей жене ласкаться, она сейчас его отталкивала. Царевич часто жаловался на нее своему отцу и, наконец, стал с горя проситься по чужим землям странствовать. Отец позволил. Вот он оседлал своего доброго коня и отправился в путь-дорогу; долго ли, коротко ли — приезжает в одно отдаленное государство. Тамощний царь увидал Ивана-царевича, обласкал его и стал говорить: «Послушай, Иван-царевич, будь мне брат, сослужи мне службу:

вызывает меня соседний король на войну, так помоги своей силою!» Иван-царевич не отказался, и, как утро настало, оба они отправились на войну. Иван-царевич побил все неприятельское войско и самого короля в плен взял. После бою, воротившись домой, царь его угостил-употчевал и положил спать на свою постель.

Только царевич улегся и стал засыпать, вдруг прилетела колпица, сняла перья — сделалась девица; будит его, сама приговаривает: «Возлюбленный мой царь! Аль не хочешь для меня проснуться да поговорить со мной? Мой муж Ванька в чистое поле уехал, уж его давно собаки разорвали!» Не успела она речь скончать, как Иван-царевич узнал в ней свою жену, вскочил с постели, махнул мечом и отрубил ей правую руку. Вскрикнула она, обратилась колпицею и улетела домой. Долго ли, коротко ли — воротился Иван-царевич в свое государство и спрашивает: «Где моя жена?» Отец говорит: «Дома». — «А коли дома, пусть ко мне выйдет». Вышла она об одной руке. Иван-царевич рассказал отцу, отчего у ней рука отрублена; тотчас же велел ее на воротах расстрелять, а сам после на другой женился.

* * *

Жила-была старуха — страшная колдунья; у нее были дочь да внучка. Пришло время помирать старухе; призывает к себе свою дочь и так наказывает: «Смотри, дочка, как я помру — ты не обмывай мое тело теплою водицею, а возьми котел, вскипяти самого крутого кипятку да тем кипятком и ошпарь всеё меня». После этого полежала колдунья хворою дня два-три и померла. Дочь побежала по соседям с просьбою, чтобы пришли пособить ей обмыть старуху; а в избе осталась одна малая внучка; и видится ей: вылезли вдруг из-под печки два черта — большой да крохотный, подбежали к мертвой колдунье; старый черт схватил ее за ноги, как дернул — сразу всю шкуру сорвал, и говорит чертенку: «Возьми себе мясо, тащи под печку!» Чертенки подхватили мясо в охапку и унес под печь. Оста-

валась одна старухина шкура; старый черт залез в эту шкуру и лег на том самом месте, где лежала колдунья.

Вот воротилась дочь, привела с собой с десятков баб, и принялись они убирать покойницу. «Мама, — говорит девочка, — а без тебя с бабушки шкуру стащили». — «Что ты врешь?» — «Право, мама! Вылез из-под печки такой чернень-чернень, содрал шкуру, да сам в нее и залез». — «Молчи, негодная! Ишь что выдумала!» — закричала старухина дочь, принесла большой котел, налила холодной воды, поставила в печь и нагрела крутого кипятку; потом подняли бабы старуху, положили в корыто, взялись за котел и разом весь кипяток на нее вылили. Черт не вытерпел, выскочил из корыта, бросился в дверь — и пропал совсем со шкурою. Бабы смотрят: что за чудо? Была покойница, да и нет ее! Ни убирать, ни хоронить некого; в глазах черти унесли!

СМЕРТЬ СКУПОГО

Жил-был скупой скряга, старик; имел двух сыновей и множество денег; послышал смерть, заперся один в избе и сел на сундук, начал глотать золотые деньги и есть ассигнации и так покончил свою жизнь. Пришли сыновья, положили мертвого под святые иконы и позвали дьячка читать псалтырь. Вдруг в самую полночь является в образе человека нечистый, поднял мертвого старика на плечо и сказал: «Держи, дьячок, полу!» И начал трусить старика: «Деньги твои, а мешок мой!» Понес его и невидим стал.

СКРИПАЧ В АДУ

Был-жил мужик, у него было три сына. Жил он богато, собрал два котла денег — один закопал в овине, другой в воротах. Вот помер этот мужик, а про деньги никому не сказал. Однажды был на деревне праздник; шел скрипач

на гулянку и вдруг провалился сквозь землю; провалился и попал в ад, прямо в то место, где богатый мужик мучился. «Здравствуй, знакомый!» — говорит скрипач. Отвечает ему мужик: «Ты неладно попал сюда! Здесь ад, и я в аду сижу». — «За что же ты, дядя, сюда угодил?» — «За деньги! Было у меня денег много, нищим не давал, два котла в землю закопал. Вот сейчас станут меня мучить, палками бить, когтями терзать». — «Как же мне-то быть? Пожалуй, и меня замучают!» — «А ты поди, сядь за трубой на печке да три года не ешь — так уцелеешь!» Скрипач спрятался за трубой, пришли ненаши*, стали богатого мужика бить да приговаривать: «Вот тебе, богач! Тьму денег накопил, а спрятать не сумел; туда закопал их, что нам сторожить неважно! В воротах бесперечь ездят, лошади нам головы подковами поразбивали, а в овине цепами нас молотят».

Только ушли ненаши, мужик и говорит скрипачу: «Если выйдешь отсюда, скажи моим детям, чтобы они взяли деньги: один котел у ворот закопан, а другой — в овине, и чтобы раздали их на нищую братию». Потом еще набежала целая изба ненаших и спрашивают у богатого мужика: «Что у тебя русским духом пахнет?» Мужик говорит: «Это вы по Руси ходили, русского духу набрались!» — «Как бы не так!» Стали искать, нашли скрипача и закричали: «Ха-ха-ха, скрипач здесь!» Стащили его с печки и заставили играть на скрипке. Он три года играл, а ему за три дня показалось; уморился и говорит: «Что за диво! Бывало, играл я — в один вечер все струны изорву, а теперь третий день играю — и всё целы. Господи благослови!» Только вымолвил — все струны и лопнули. «Ну, братцы, — говорит скрипач, — сами видите: струны лопнули, не на чем играть!» — «Постой, — сказал один нечистый, — у меня есть два бунта струн, я тебе принесу». Сбегал и принес; скрипач взял струны, потянул и опять только вымолвил: «Господи благослови!» — оба бунта лопнули. «Нет, братцы, ваши струны мне не годятся; у меня свои дома есть,

* Черти.

дайте — схожу!» Ненаши его не пускают: «Ты уйдешь!» — говорят. «Если вы не верите, то пошлите со мной кого-нибудь в провожатых». Ненаши выбрали одного и послали с скрипачом.

Скрипач пришел в деревню; слышит: в крайней избе свадьбу справляют. «Пойдем на свадьбу!» — «Пойдем!» Вошли в избу; тут все скрипача узнали, спрашивают: «Где это ты, братец, три года пропадал?» — «На том свете был!» Посидели, погуляли; ненаш зовет скрипача: «Пора идти!» А тот: «Погоди еще немножко; дай мне на скрипке поиграть, молодых повеселить». До тех пор просидели, пока петухи запели: тут ненаш пропал, а скрипач стал говорить сыновьям богатого мужика: «Ваш батюшка приказал вам взять деньги: один котел у ворот зарыт, а другой — в овине, и велел все эти деньги нищим раздать». Вот откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищей братии: чем больше их раздадут, тем больше их прибавляется.

Вывезли эти котлы на перекресток: кто ни едет мимо, всякий берет оттуда, сколько рукой захватит, а деньги всё не сбывают. Подали челобитную государю; он и приказал: в некотором городе шла дорога в объезд — верст пятьдесят будет, а если прямо проложить, то всего пять верст, и приказал государь выстроить прямоезжий мост. Вот и выстроили мост на пять верст, и на то дело оба котла опорознили.

В те времена некая девица родила сына и покинула его с малолетства; этот младенец три года не ел, не пил, и все с ним божий ангел ходил. Пришел младенец на мост и говорит: «Ах, какой славный мост! Дай бог тому царство небесное, на чьи деньги его построили». Услышал господь эту молитву и велел своим ангелам выпустить богатого мужика из аду кромешного.

ГОРШЕЧНИК

Едет дорогою горшечник; навстречу ему прохожий: «Найми, — говорит, — меня в работники!» — «Да умеешь ли ты горшки делать?» — «Еще как умею-то!» Вот поряди-

лись, ударили по рукам и поехали вместе. Приезжают домой, работник и говорит: «Ну, хозяин, приготовь сорок возов глины, завтра я за работу примусь!» Хозяин приготовил сорок возов глины: а работник-то был — сам нечистый, и наказывает он горшечнику: «Я стану по ночам работать, а ты ко мне в сарай не ходи!» — «Отчего так?» — «Ну да уж так! Придешь — беды наживешь!» Наступила темная ночь; как раз в двенадцать часов закричал нечистый громким голосом, и собралось к нему чертенят видимо-невидимо, начали горшки лепить, пошел гром, стук, хохот по всему двору. Хозяин не вытерпел: «Дай пойду — посмотрю!» Приходит к сараю, заглянул в щелочку — сидят черти на корточках да горшки лепят; только один хромой не работает, по сторонам смотрит, увидал хозяина, схватил ком глины да как пустит — и попал ему прямо в глаз! Окривел хозяин на один глаз и вернулся в избу, а в сарае-то гам да хохот пуще прежнего!

Наутро говорит работник: «Эй, хозяин! Ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано». Хозяин сосчитал — сорок тысяч наработано. «Ну, теперь готовь мне десять сажень дров; в эту ночь стану обжигать горшки». Ровно в полночь опять закричал нечистый громким голосом; сбежались к нему со всех концов чертенята, перебили все горшки, покидали черепа в печь и давай обжигать. А хозяин закрестил щелочку и смотрит. «Ну, — думает, — пропала работа!» На другой день зовет его работник: «Погляди, хорошо ли сделал?» Хозяин приходит смотреть — все сорок тысяч горшков стоят целы, один одного лучше! На третью ночь созвал нечистый чертенят, раскрасил горшки разными цветами и все до последнего на один воз уклал.

Дождался хозяин базарного дня и повез горшки в город на продажу; а нечистый приказал своим чертенятам бегать по всем домам, по всем улицам да народ скликать — горшки покупать. Сейчас повалил народ на базар: обступили со всех сторон горшечника и в полчаса весь товар разобрали. Приехал мужик домой и полон мешок денег

привез. «Ну, — говорит ему нечистый, — давай барыши делить». Поделили пополам. Черт взял свою часть, распроцался с хозяином и пропал. Через неделю поехал мужик с горшками в город; сколько ни стоял он на базаре, никто не покупает; все обходят его мимо, да еще всячески ругают: «Знаем мы твои горшки, старый хрен! С виду казисты, а нальешь воды — сейчас и развалятся! Нет, брат, теперь не надуешь». Перестали брать у него горшки; совсем обеднял мужик, запил с горя и стал по кабакам валяться.

ВДОВА И БЕС

Жил-был мужик, была у него жена-красавица; крепко они любили друг дружку и жили в ладу и согласии. Ни много, ни мало прошло времени, помер муж. Похоронила его бедная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи бесперечь слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно в полночь, приходит к ней бес в образе ее мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею и спрашивает: «Как ты пришел?» — «Да слышу, — говорит, — что ты, бедная, по мне горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришел». Лег он с нею спать; а к утру, только петухи запели, как дым исчез. Ходит бес к ней месяц и другой; она никому про то не рассказывает, а сама все больше да больше сохнет, словно свечка на огне тает!

В одно время приходит ко вдове мать-старуха, стала ее спрашивать: «Отчего ты, дочка, такая худая?» — «От радости, матушка!» — «От какой радости?» — «Ко мне покойный муж по ночам ходит». — «Ах ты, дура! Какой это муж — это нечистый!» Дочь не верит. «Ну, слушай же, что я тебе скажу: как придет он к тебе в гости и сядет за стол, ты урони нарочно ложку, да как станешь подымать — посмотри ему на ноги». Послушалась вдова матери; в первую же ночь, как пришел к ней нечистый, уронила под стол ложку, полезла доставать, глянула ему на ноги — и

увидала, что он с хвостом. На другой день побежала к матери. «Ну что, дочка? Правда моя?» — «Правда, матушка! Что мне делать, несчастной?» — «Пойдем к попу». Пошли, рассказали все, как было; поп начал вдову отчитывать, три недели отчитывал — насилу отстал от нее злой бес!

ЛЕШИЙ

Одна поповна, не спросясь ни отца, ни матери, пошла в лес гулять и пропала без вести. Прошло три года. В этом самом селе, где жили ее родители, был смелый охотник: каждый божий день ходил с собакой да с ружьем по дремучим лесам. Раз идет он по лесу; вдруг собака его залаяла, и песья шерсть на ней щетиною встала. Смотрит охотник, а перед ним на лесной тропинке лежит колода, на колоде мужик сидит, лапоть ковыряет; подковырнет лапоть, да на месяц и погрозит: «Свети, свети, ясен месяц!» Дивно стало охотнику: отчего так, думает, собою мужик — еще молодец, а волосом как лунь сед? Только подумал это, а он словно мысль его угадал: «Оттого, говорит, я и сед, что чертов дед!» Тут охотник и смекнул, что перед ним не простой мужик, а леший; нацелился ружьем — бац! и угодил ему в самое брюхо. Леший застонал, повалился было через колоду, да тотчас же привстал и потащился в чащу. Следом за ним побежала собака, а за собакою охотник пошел.

Шел-шел и добрел до горы; в той горе расщелина, в расщелине избушка стоит. Входит в избушку, смотрит: леший на лавке валяется — совсем издох, а возле него сидит девица да горько плачет: «Кто теперь меня поить-кормить будет!» — «Здравствуй, красная девица, — говорит ей охотник, — скажи: чья ты и откуда?» — «Ах, добрый молодец! Я и сама не ведаю, словно я и вольного света не видала и отца с матерью не знавала». — «Ну, собирайся скорей! Я тебя выведу на святую Русь». Взял ее с собою и повел из лесу; идет да по деревьям все метки кладет. А эта девица

была лешим унесена, прожила у него целые три года, вся-то обносилась, оборвалась — как есть совсем голая! А стыда не ведает.

Пришли на село; охотник стал выспрашивать: не пропадала ли у кого девка? Выискался поп. «Это, — говорит, — моя дочка!» Прибежала попадья: «Дитячко ты мое милое! Где ты была столько времени? Не чаяла тебя и видеть больше!» А дочь смотрит, только глазами хлопает — ничего не понимает; да уж после стала помаленьку приходить в себя... Поп с попадьею выдали ее замуж за того охотника и наградили его всяким добром. Стали было искать избушку, в которой она проживала у лешего; долго плутали по лесу, только не нашли.

МОРОКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Агей. У этого царя были корабли, ездили воевать в другие страны, и напал на них нечаянно-негаданно сильный неприятель. На одном корабле был на ту пору Иван-бурлак; видит беду неминуемую, ухватился за мачту и повел корабль под воду, отплыл от неприятеля с версту и вынырнул наверх. Доложили про то дело царю, и царь отпустил его на волю. Ходит бурлак по всему царству; только про Иванушку слава хороша, а в кармане нет ни гроша! Да уж что говорить про деньги, коли не было у него ни кола, ни двора, принужден был искать себе квартиру, где бы от темной ночи укрыться, от дождя схорониться.

Нашел он квартиру у отставного солдата и зачал с ним уговариваться: «Я, — говорит, — буду у тебя только по ночам ночевать, а днем стану промышлять да хлеб добывать; а ты себе знай денежки получай: за каждую ночь по целковому». Солдат — не богат, куда деньгам рад! И вспало ему на разум купить себе ларчик, закрыть его наглухо, а сверху прорезать малую дырочку и класть туда рублевки на сохрану. Так и сделал; за всякую ночь дает ему бурлак по

целковому, а он все в ларчик да в ларчик. «Кажись, много накопил, — думает он однажды, — время-то прошло немалое, дай посмотрю: много ли у меня рубликов? А ведь мой бурлак, стало быть, совсем дурак; не ест, не пьет, а каждую ночь по целковому несет! Где только он деньги берет?»

Открывает солдат ларчик, а в нем и не пахнет деньгами: одни щепки лежат. И вышел у хозяина с постояльцем большой тогда спор; один божится, что чистым серебром давал, а другой говорит: «Ну, брат, не знал, что ты этакой мошенник! Я бы тебя и на квартиру не пускал, а то, вишь, все время даром простоял; чего у тебя взять? Как добрым людям сказать?» Отправился солдат в суд и стал просить, чтоб его с бурлаком рассудить. Судьи думали-думали, ничего не выдумали; приказали обоим им руки связать да к царю отослать. Царь Агей стал спрашивать у солдата: какие деньги он брал и куда клал? «Я брал ходячею серебряною монетою и клал в сундучок, чтоб не терся бочок». Царь Агей захохотал, наскоро за сундучком послал. Принесли ларчик, отперли, поглядели, а в нем лежат все целковики, да такие новые — словно с молотка сейчас! Царь Агей на солдата напустился, закричал: «Ты зачем бурлака оболгал?» и приказал его взять да плетьюми наказать. Ивану-бурлаку стало жаль солдата, просит у царя, чтоб его не бил: «Это, — говорит, — я над ним шутку сшутил». Царь спрашивает: «Неужли ты сможешь этак шутить?» — «Смогу, ваше царское величество!» — «А ну, пошутить надо мною». — «Я бы рад, да боюсь — достанется». — «Ничего не достанется! Вот тебе Микола порукою».

Тотчас напустил бурлак полон дворец воды; сенаторы вполостились, тонуть-то никому не хочется, чуть не плачут со страху! А к царскому месту подплывает лодка. «Царь Агей, — говорит Иван-бурлак, — сядем в лодку да поедем гулять». Сели и поехали; понесло их ветром в открытое море, а на море поднялась такая сильная буря, что долго они живота себе не чаяли; потом буря помаленьку стихла, и прибило лодку к одному острову. Вышел царь на землю,

ступил шага два-три, оглянулся назад — нет ни лодки, ни Ивана-бурлака. Задумался царь Агей: «Куда мне теперь идти?» И пошел вдоль берега; шел-шел и попал в большой город. Видит он: несет баба жареную баранину продавать. «Голубушка, — говорит царь, — найми меня: я стану тебе служить, стану за тобой баранину носить». — «Что возьмешь?» — «Ничего, только хлебом корми». Баба согласилась, и пошли они вдвоем по городу.

Царь нес-нес баранину, захотелось ему попробовать, взял кусок и давай есть. Тут со всех сторон обступили его прохожие, начали приставать да спрашивать: «Что ты ешь?» — «Жареную баранину». — «Какая баранина! Это человечья рука. Вишь какой людоед псывился!» Схватили его, связали по рукам и по ногам и посадили в острог. Стали опосля судить, и присудили предать его смертной казни; привели на помост, положили голову на плаху, палач взял в руки топор, замахнулся... «Ай!» — закричал царь Агей. Сенаторы повскакивали со стульев: «Что так громко изволили закричать?» — «Еще бы не кричать: чуть-чуть палач головы не отсек!» — «Что вы это, ваше величество! Какой палач? Вы сидите во дворце, на своем на царском месте, и нас всех собрали судить Ивана-бурлака». — «А ты здесь еще, проклятый, — грозно сказал царь Агей, — жаль мне, что Миколу дал в поруки, а то б велел тебя повесить. Вон из моего царства, чтоб твоего и духу не было слышно!» Тотчас же отдан был приказ по всему царству, чтоб никто не смел принимать в свой дом Ивана-бурлака. Долго бродил он без пристанища; во все дворы заходил — нигде не пускают.

Вот снова приходит бурлак в деревню и просится к мужику. «Царь не велел!» — говорит мужик. «Пусти, добрый человек!» — «Сказано; нельзя! Коли пущу, так разве за сказку, я до них большой охотник». — «Пожалуй, хоть за сказку». Мужик пустил его, накормил-напоил, и полезли оба на полати. «Ну, сказывай сказку!» — пристаёт хозяин к Ивану-бурлаку, а тот ему в ответ: «Посмотри-ка на себя, кто ты стал?» Мужик посмотрел на себя: как есть

медведь! «Посмотри и на меня; ведь и я такой же!» — «Как же нам быть? Ведь нас, пожалуй, убьют!..» — «Небось!»

На полатах-то было окно; вот Иван-бурлак толкнул хозяина за окно, и сам за ним; побежали в лес. Увидали их охотники и погнались вслед. «Что теперь делать?» — спрашивает мужик. «Садись в дубовое дупло, а я возле сяду; коли охотники прискачут, меня убьют да сдерут мою шкуру — ты выскочи из дупла, перекувырнишься через шкуру — и будешь опять человеком». Только успел рассказать, наскочили охотники, убили медведя, сняли с него шкуру и пошли к речке руки мыть.

Мужик увидал, что они ушли, выскочил из дупла, перевернулся раз — и полетел с полатей наземь, больно ушибся, и говорит сам с собой: «Праведно повелел царь Агей, чтоб тебя нигде не пускали!» А Иван-бурлак кричит с полатей: «Что, хозяин, видно, крепко уснул!» — «Где ты, окаянный? Ведь тебя убили и шкуру сняли?» — «Неправда, я жив, и шкура цела!» Тут хозяин выгнал его взащей из дому. Иван-бурлак шатался, шатался и ушел в иное царство.

ДОКА НА ДОКУ

Пришел солдат в деревню и просится ночевать к мужику. «Я бы тебя пустил, служивый, — говорит мужик, — да у меня свадьба заводится, негде тебе спать будет». — «Ничего, солдату везде место!» — «Ну, ступай!» Видит солдат, что у мужика лошадь в сани запряжена, и спрашивает: «Куда, хозяин, отправляешься?» — «Да, вишь, у нас такое заведение: у кого свадьба, тот и поезжай к колдуну да вези подарок! Самый бедный без двадцати рублей не отделается, а коли богат, так и пятидесяти мало; а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортит!» — «Послушай, хозяин! Не вози, и так сойдет!» Крепко уверил мужика, тот послушался и не поехал к колдуну с гостинцами.

Вот начали свадьбу играть, повезли жениха с невестою закон принимать; едут дорогою, а навстречу поезду бык

несется, так и ревет, рогами землю копает. Все поезжане испугались, а солдат усом не мигнет: где ни взялася — выскочила из-под него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцепилась — бык так и грохнулся наземь. Едут дальше, а навстречу поезду огромный медведь. «Не бойтесь, — кричит солдат, — я худа не допущу!» Опять где ни взялася — выскочила из-под него собака, кинулась на медведя и давай его душить; медведь заревел и издох. Миновала та беда, снова едут дальше; а навстречу поезду заяц выскочил и перебежал дорогу чуть-чуть не под ногами передней тройки. Лошади остановились, храпят, а с места не трогаются! «Не дури, заяц, — крикнул на него солдат, — мы опосля поговорим с тобой!» — и тотчас весь поезд легко двинулся. Приехали к церкви благополучно, обвенчали жениха с невестою и отправились назад в свою деревню. Стали ко двору подъезжать, а на воротах черный ворон сидит да громко каркает — лошади опять стали, ни одна с места не тронется. «Не дури, ворон, — крикнул на него солдат, — мы с тобой опосля потолкуем». Ворон улетел, лошади в ворота пошли.

Вот посадили молодых за стол; гости и родичи свои места заняли — как следует, по порядку; начали есть, пить, веселиться. А колдун крепко осердился; гостинцев ему не дали, пробовал было страхи напускать — и то дело не выгорело! Вот пришел сам в избу, шапку не ломает, образам не молится, честным людям не кланяется; и говорит солдату: «Я на тебя сердит!» — «А за что на меня сердиться? Ни я не занимал у тебя, ни ты мне не должен! Давай-ка лучше пить да гулять». — «Давай!» Взял колдун со стола ендову пива, налил стакан и подносит солдату: «Выпей, служивый!» Солдат выпил — у него все зубы в стакан выпали! «Эх, братец, — говорит солдат, — как мне без зубов-то быть? Чем будет сухари грызть?» Взял да и бросил зубы в рот — они опять стали по-прежнему. «Ну, теперь я поднесу! Выпей-ка от меня стакан пива!» Колдун выпил — у него глаза вылезли! Солдат подхватил его глаза и бросил неведомо куда. Остался колдун на всю жизнь слепым

и закаялся страхи напускать, над людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служивого бога молить».

ВОРОЖЕЯ

В одном селе жила-была старуха старая, а у ней был сын не велик и не мал, такой, что еще в поле не сможет хорошо работать. Вот они дожили до того, что им пришлось — и перекусить нечего; вот тут-то задумалась больно старуха, думала себе, гадая крепку думушку, как им быть и на белу свету жить, да чтобы и хлебушка был.

Думала-думала и вздумала думу, да и гуторит своему мальчуге: «Сынок, поди хоть ты, уведи у кого лошадушек и привяжи их в таком-то кусте да сена дай, а потом отвяжи опять, и отведи в этакую-то лощину, и там поколь пусти их». Мальй ее был, нечего сказать, больно проворен; как услышал, что матушка ему приказывает, вот он пошел да и свел где-то лошадушек, и сделал все так, как матушка ему гуторила.

Про старуху же преж сего была молва, что она таки кое-что знает и по просьбе кой-когда бывала ворожа.

Как хватились хозяева своих лошадушек, давай искать, и долго бились они сердечные, да нигде не нашли. Вот и гуторят: «Что делать? Надоть найти знахаря, чтобы поворожить, хошь бы и заплатить ему не больно так много, чтобы найти их». Вот и вспомнили про старуху, да и говорят: «Сем-ка* пойдём к ней, попросим поворожить; авось она и скажет нам об них что-нибудь». Как сказано, так и сделано. Вот и пришли к старухе да и бают: «Бабушка-кормилица! Мы слышали от добрых людей, что ты кой-чем маракуешь, умеешь гадать по картам и по ним смекаешь, как по-писаному: поворожи-ка и нам, родимая! У нас пропали лошадушки». Вот бабушка и кажет им: «Ох, батюшки мои светы, да у меня и мочушки-то нет! Удушье, родимые мои, меня замучило». А они ей кажут: «Эка, бабушка,

* Союз предположительный

потрудишься, желанная ты наша! Это не дарма, а мы тебе за работу заплатим».

Вот она, переминаясь и покашливая, расклала карты, посмотрела на них долго и кажет им (хошь ничего не знала, да делать нечего; голод не свой брат, уму-разуму научит): «Эка притча. Подумаю. Глядь-ка сюда, мои батюшки! Вот, кажись, ваши лошадушки стоят в этаком-то месте, в кусте привязаны». Вот хозяева обрадовались, дали старухе за работу и пошли себе искать своих животинушек. Пришли в сказанному кусту, а там уж их лошадей-то и нет, хошь и было заметно то место, где были привязаны лошади, потому что отрезан гуж от узды и висит на кусте, да и сена навалено, чай, немало. Вот они пришли, посмотрели, а их и след простыл; взгоревались бедняги и не знают, что и делать; подумали меж собой и опять отправились к старухе: коли раз узнала, то и теперь скажет.

Вот пришли опять к старухе, а она лежит на печи да уж так-то кряхтит да охает, что и невесть какая болесть на ее приключилась. Они стали ее униженно просить еще им поворожить. Она было опять по-прежнему стала отнекиваться, говоря: «Мочи нет, и старость-то осилила!» — а все для того, чтобы больше дали ей за труды-то. Они обещали, коли найдутся, ничего не жалеть для ней, и теперича дать покель поболе. Вот старуха слезла с печи, покрёхтывая и кашляя, раскинула опять карты, призадумалась, посмотрела на них и гуторит: «Ступайте, ищите их в этакой-то лощине, они там, кажись, ходят, точнехонько ваши!» Хозяева дали ей с радости за работу очень довольно и пошли от ней опять искать. Вот пришли они в лощину, глядь — а там их лошади ходят целехоньки; они взяли их и повели домой.

Вот и пошла про старуху великая слава, что, мол, такая-то ворожея умеет ворожить во как: что ни скажет — быть делу так. Эта слава распространилась далеко, и дошел этот слух до одного боярина, у которого пропал целый сундук денег неизвестно куды. Вот как он услышал, да и послал за бабушкой-ворожейкой свою карету, чтоб ее к нему привезли непременно, будь она хошь как больна; а послал двух

своих людей — Самона да Андрюху (они-то и сдули эти деньги у барина). Вот они приехали к бабке и почти силом ее посадили в карету и повезли к барину. Дорогой бабушка начала тосковать, охать и вздыхать, и гуторит про себя: «Охо-хо-хо! Кабы не мамон* да не брюхо, где бы этому делу сбыться, чтобы мне ворожейкой быть и ехать в карете к боярину для того, чтобы он меня запрятал туда, куда ворон и костей моих не занес. Ох, плохо дело!»

Самон это подслушал, да и кажет: «Чуешь, Андрюха! Старуха о сю пору что-то про нас бормочет. Кажись, плохо дело будет!» Андрюха ему гуторит: «Что ты так сробел, может это так тебе со страстей почудилось». А Самон ему бает: «Послухай-ка сам, вот она опять что-то гуторит». А старуху самое берет страх и горе: вот она, посиди немного, опять свое твердит: «Охо-хо-хо! Коли б не мамон да не брюхо, где бы этакой оказии сбыться!» Вот ребята давай прислушивать, что старуха бормочет: а она, посидя немного, опять за свое примется: «Мамон да брюхо» — и бесперечь со страстей все свое несет. Как ребята это услышали, и оторопь сильно взяла: что делать? да и загуторили промеж себя, что надоть бабушку упросить как можно, чтобы она не болтнула этого боярину, а то старая все твердит: «Кабы не Самон да не Андрюха, где бы этакой оказии сбыться?» Они, окаянные, со страстей-то не разобрали, что старуха гуторит о мамоне да о брюхе, а не Самоне да Андрюхе.

Как меж собой у них сказано, так было и сделано. Вот они и начали просить старуху: «Бабушка, желанная ты наша, кормилица, не погуби нас, а заставь вечно за тя бога молить. Ну что тебе будет прибыли погубить нас и оговорить перед боярином? Лучше не сказывай на нас, а так как-нибудь; а мы-то уж тебе за это что хошь заплатим». А бабушка не дура, себе на уме, чует эти слова, схаменулась, и страсть с нее вся соскочила — как рукой сняло, да и спрашивает их: «Где же вы, детушки, все это дели?» Они гуторят уж с плачем: «Что, родимая, чай нас сам окаянный соблазнил, что грех такой сделали». Бабушка опять спрашивает: «Да где

* Деньги.

же они?» Вот они и гуторят: «Да куда ж их окромя было спрятать-то, как не на мельницу под гать, покуля пройдет такая непогодь».

Вот они, стугорившись дорогою как надоть, и приехали в дом к боярину. Боярин как увидел, что привезли старуху, сделался и невесть как рад, взял ее под руки к себе в хоромы, начал потчевать всякими этакими питьями и яствами, чего ее душеньке угодно, и, напотчевавши ее досыта, давай просить ее, чтоб она ему про деньги поворожила. А бабушка себе на уме свое несет, что мочи-то нет и насили ходит; а боярин и кажет: «Экая ты, бабушка! Ты будь у меня как в своем дому, хошь — сядь, а хошь — ляжь, если уж тебе невоготу сидеть-то, да только поворожи, об чем я тя прошу, и если узнаешь, кто взял мои деньги, да еще я найду свою пропажу, то не только угощу, а еще и награжу тя чем душеньке твоей угодно, как следует, без всякой обиды».

Вот старуха, переминаясь, как бы ее и в самом деле лихая болезнь нанимает, взяла карты, разложила как следует и долго на них смотрела, все пришептывая что-то губами. Посмотревши, и гуторит: «Пропажа твоя на мельнице под гатью лежит». Боярин как только услышал это, что сказала старуха, сейчас и послал Самона да Андрюху, чтобы это все отыскать и к нему принести: он не знал, что это всё они сами спроворили. Вот те нашли, отыскали и принесли к боярину; а боярин-то, глядя на свои деньги, так обрадовался, что и считать их не стал, а дал старухе сейчас сто рублей и еще кое-чего очень довольно, да еще и напередки* обещался ее не оставлять за такую услугу; потом, угостя ее хорошенько, отослал опять в карете домой, наградя еще на дорогу кое-чем по-домашнему. Дорогой Самон и Андрюха благодарили старуху, что она хошь знала про их дела, да боярину не сказала, и дали ей еще денег.

С этих пор наша старуха еще боле прославилась и стала жить себе — не тужить, и не только что хлебушка стало у нее вволю, но и всякого прочего, и всего невпроед,

* Наперед.

да и скотинушки развели очень довольно; и стали с своим сынком себе жить да поживать и добра наживать, да бражку и медок попивать. И я там был, мед-вино пил, только в рот не попало, а по усам текло.

ЗНАХАРЬ

Жил бедный да продувной мужичок, по прозванию Жучок; украл у бабы холстину и спрятал в омете соломы, а сам расхвастался, что ворожить мастер. Пришла к нему баба и просит погадать. Мужик спрашивает: «А что за работу дашь?» — «Пуд муки да фунт масла». — «Ладно!» Стал гадать; погадал-погадал и сказал ей, где холст спрятан. Дня через два, через три пропал у барина жеребец; он же, плут, его и увел да привязал в лесу к дереву. Посылает барин за этим мужиком; стал мужик гадать и говорит: «Ступайте скорей, жеребец в лесу, к дереву привязан». Привели жеребца из лесу; дал барин знахарю сто рублей, и пошла об нем слава по всему царству.

Вот на беду пропало у царя его венчальное кольцо; искать-искать — нет нигде! Послал царь за знахарем, чтобы как можно скорей во дворец его привезли. Взяли его, посадили в повозку и привезли к царю. «Вот когда попал-то, — думает мужик, — как мне узнать, где девалось кольцо? Ну как царь опалится да туда зашлет, куда Макар и телят не гонял!» — «Здравствуй, мужичок, — говорит царь, — поворожи-ка мне; отгадаешь — деньгами награжу, а коли нет — то мой меч, твоя голова с плеч!» Тотчас приказал отвести знахарю особую комнату: «Пускай-де целую ночь ворожит, чтоб к утру ответ был готов».

Знахарь сидит в той комнате да думает: «Какой ответ дам я царю? Лучше дождусь глухой полночи да убегу куда глаза глядят; вот как пропоют третьи петухи, сейчас и задам тягу!» А кольцо-то царское стащили три дворовых человека: лакей, кучер да повар. «Что, братцы, — говорят они меж собой, — как этот ворожейка да узнает нас? Ведь

тогда нам смерть неминуемая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли он ничего — и мы молчок; а коли узнает нас, так уж делать нечего — станем просить его, чтоб царю-то не доказывал».

Пошел лакей подслушивать; вдруг петухи запели, мужик и промолвил: «Слава тебе господи! Один уже есть, остается двух ждать». У лакея душа в пятки ушла; прибежал он к своим товарищам: «Ах, братцы, ведь меня узнал; только я к двери, а он кричит: один уже есть, остается двух ждать!» — «Постой, я пойду!» — сказал кучер: пошел подслушивать. Запели вторые петухи, а мужик: «Слава тебе господи, и два есть, остается одного ждать». — «Эх, братцы, и меня узнал». Повар говорит: «Ну, если и меня узнает, так пойдем прямо к нему, бросимся в ноги и станем упрашивать». Пошел подслушивать повар; третьи петухи запели, мужик перекрестился: «Слава богу, все три есть!» — да поскорей в двери — бежать хочет; а воры к нему навстречу, пали в ноги и просят и молят: «Не погуби, не сказывай царю; вот тебе кольцо!» — «Ну, так и быть, прощаю вас!»

Взял мужик кольцо, поднял половицу и бросил его под пол. Наутро царь спрашивает: «Что, мужичок, как твои дела?» — «Выворожил; кольцо твое укатилось под эту половицу». Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградил знахаря деньгами и велел накормить-напоить его до отвала, а сам пошел в сад гулять. Идет по дорожке, увидел жука, поднял его и воротился к знахарю: «Ну, коли ты знахарь, так узнай, что у меня в руке?» Мужик испугался и говорит сам себе: «Что, попался, Жучок, царю в руки!» — «Так, так, твоя правда!» — сказал царь, еще больше его наградил и с честью домой отпустил.

СЛЕПЦЫ

В Москве белокаменной жил один парень в рабочих; задумал на лето в деревню идти и стал просить у

хозяина расчета. Только не много пришлось ему получать денег, всего-навсего один полтинник. Взял он этот полтинник и пошел за Калужскую заставу; смотрит — сидит на валу слепой нищий и просит Христовым именем подаяния. Мужик подумал-подумал и сжалился; подал ему полтинник и сказывает: «Это, старичок, полтинник; прими из него Христа ради семитку, а сорок восемь копеек дай мне сдачу». Слепой положил полтинник в свою мошну и снова затянул: «Православные христиане, подайте Христа ради слепому-невидущему!» — «Что ж ты, старик? Подавай мне сдачу». А он будто не слышит: «Ничего, родимый! Еще солнышко высоко, успею до двора помаленьку добрести». — «Оглох, что ли? Мне самому идти добрых сорок верст, деньги в дороге-то надобны!» Взяло мужика горе пуще острого ножа: «Эй, — говорит, — старый черт! Подавай сдачу; не то я с тобой разделаюсь по-своему!» И начал его поворачивать на все стороны. Слепой во всю глотку закричал: «Батюшки, грабят! Караул, караул!»

Побоялся мужик беды нажать, бросил слепого; лучше, думает про себя, от греха уйти, а то не ровён час — прибегут караульные, да еще в город поведут! Отошел шагов с десяток али больше, остановился на дороге и все глядит на нищего: жалко, вишь, своих трудовых денег! А тот слепой на двух костылях ходил, и оба костыля при нем лежали: один с правого боку, другой с левого. Разгорелось у мужика сердце, рад всякое зло ему сделать: «Постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, как-то ты домой поплетешься!» Вот подобрался потихонечку и утащил костыль; а слепой посидел немного времени, вылупил свои бельмы на солнце и говорит: «Ну, солнышко не больно высоко; чай, время и домой собираться. Эй вы, костылики, мои батюшки! Не пора ли ко двору идти?» Стал он шарить с обеих сторон: слева-то костыль тут, а справа-то нету: «Уж этот мне костыль давно опостыл! Никогда его сразу не ощупаю». Пошарил-пошарил и говорит сам с собой: «Знать, кто-нибудь надо мною шутку сшутил! Да ничего: и на одном добреду». Встал и поплелся на одном костыле; следом за ним пошел и мужик.

Шли, шли; недалече от деревни, у самого-таки перелеска, стоят две старых избушки. Подошел слепой к одной избушке, распоясался, снял с пояса ключ и отпер свою келью; только он отворил дверь настежь — а мужик поскорей туда, забрался наперед его, сел на лавку и дух притаил. «Посмотрю, — думает, — что дальше будет?» Вот слепой пошел в избушку, наложил на дверь изнутри крючок, оборотился к переднему углу и помолился на святые иконы; опосля бросил кушак с шапкою на прилавок и полез под печку — так и загремели сковородни да ухваты. Маленько погода тащит оттудова бочонок; вытащил, поставил на стол и начал вытряхать из мошны набранные деньги да в бочонок класть; у того бочонка сбоку горлышко было малое — так, чтобы медному пятаку пролезть. Покидал туда деньги, а сам таково слово вымолвил: «Слава богу! Насилу пятьсот доровнял; да спасибо и тому молодцу, что полтинник дал: кабы не он под руку попался, еще дня три просидел бы на дороге».

Усмехнулся слепой, сел на пол, раскорячился и ну покатывать бочонок с деньгами: покатит его от себя, а он ударится об стенку да назад к нему. «Дай подсоблю ему, — думает мужик, — полно ему, старому черту, куражиться!» — и тотчас к рукам прибрал бочонок с деньгами. «Ишь, зацепил за лавку!» — говорит слепой и пошел щупать; щупал, щупал — нет нигде; испугался, сердечный, отворил немного дверь, просунул голову и закричал: «Пантелей, а Пантелей! подь-ка, брат, сюда!»

Пришел Пантелей — такой же слепец; рядом с этим в другой келье жил. «Что такое?» — спрашивает он. «Да вишь какая притча вышла! Катал я по полу бочонок с деньгами, а куда он теперь девался — сам не ведаю; шутка ли — пятьсот рублей денег! Уж не стибрил ли кто? Кажись, в избе никого не было». — «Поделом вору и мука! — сказал Пантелей. — Вишь ты, старый, совсем из ума выжил! Словно малый ребенок, задумал деньгами играть; вот теперь и плачь от своей игры! А ты бы сделал по-моему: у меня своих, почитай, с пятьсот рублей, вот я разменял их на

ассигнации и зашил в эту старую шапчонку; небось на нее никто не польстится!»

Мужик услышал эти речи и думает: «Ладно! Ведь шапка у тебя к голове не гвоздем прибита». Стал Пантелей входить в избу, только за порог переступил, а мужик цап-царап с него шапку, да в дверь, и побежал домой без оглядки. А Пантелей подумал, что шапку-то подцепил у него сосед, хватить его по рылу: «У нас, брат, так не делают! Свои деньги потерял да на чужие зарисься!» Ухватили друг друга за честные волосы, и пошла у них драка великая. Пока они дрались, мужик далеко ушел; на те деньги он знатно поправился и зажил себе припеваючи.

ВОР

В некотором царстве стояла небольшая деревня; в этой деревне жили два брата; один помер, и остался после него сын — записной вор Сенька Малый. Уж куда-куда ни отдавал его отец в науку — все не вышло толку. «Что ж ты не учишься?» — спрашивают, бывало, у него отец с матерью. — «Али целый век хочешь дураком изжить?» А Сенька так и брякнет в ответ: «Коли хотите вы от меня хлеб-соль видеть, отдайте воровству учиться; другой науки и знать не хочу!» Вот как помер отец, Сенька Малый не стал долго думать, пришел к дяде и говорит: «Пойдем, дядя, на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать». — «Ладно, пойдем!»

Вот и пошли; идут мимо болота, глядь — дикая утка в камышах гнездо свила и сидит себе на яйцах. «Давай-ка утку изловим!» — говорит дядя и стал подкрадаться; только птицы не поймал, понапрасну с гнезда согнал. А Сенька Малый шел позади и вырезал из дядиных сапогов подметки. «Ну, Сенька, — сказал дядя, — я хитер, а ты хитрее меня!» Идут они дальше; а навстречу им три мужика, ведут на базар быка продавать. «Как бы нам, дядюшка, этого быка достать?» — спрашивает Сенька. «Эх ты; ведь те-

перь не ночь; серед бела дня не украдешь». — «Небось украду!» — «Что ж ты, али и взаправду мудреней дяди хочешь быть?» — «А вот увидишь!»

Сенька Малый снял с правой ноги сапог, бросил на дорогу и укрылся с дядей в сторонке. Мужики дошли до этого места. «Стой, ребята, — закричал один, — вишь какой славный сапог валяется». — «Хорош, да что с ним делать-то? Кабы пара нашлась, можно бы взять; а теперь что? Одна нога в сапоге, а другая в лапте!» Посудили, подумали и, не взяв сапога, пошли прочь. Сенька тотчас надел правый сапог, а левый снял; забежал вперед, кинул его на дорогу и спрятался в канаву. «Стой, ребята, — закричал тот же мужик, — вот и другой сапог. Знать, какой-нибудь Разувай Федулч растерялся. Ну-тко, братцы, вперегонки за тем сапогом! Ведь годятся на вечеринки к девкам ходить». Бросили быка и пустились вперегонки назад; а Сенька Малый того и добивался, подхватил сапог и погнал быка в сторону; загнал его в болото, отрубил голову и приставил ее опять на прежнее место.

Мужики пробегались попусту; воротились — нет быка; пошли искать, искали-искали, ходили-ходили и набрали на болото. «Ишь куда нелегкая его угораздила! Прямо в тину затесался! Надо, — говорят, — вытаскивать...» Достали веревку, сделали петлю, набросили с размаху и зацепили за рога, понатужились да как дернут — так все наземь и попадали. «Ахти, какое горе! Ведь совсем быка загубили, как есть голову оторвали!» Делать нечего, пошли мужики домой с пустыми руками; а Сенька Малый позвал дядю, вытащили вдвоем быка, содрали кожу, разрубили мясо на части и стали делиться. Дядя говорит: «Неужли ж делить поровну? Я старше, мне следует больше!»

Сенька обиделся, схватил бычью кожу и ушел от дяди; забрался в кусты, вырезал два березовых прута и принялся хлестать по коже. Хлещет да во все горло выкрикивает: «Батюшки! Не я один крал, дядя помогал!» Дядя услышал это. «Ну, — думает, — попался Сенька!» — и приударил с испугу домой; а Сенька сбегал за лошадью, поклат всю

говядину на воз, отвез ее в город и продал за чистые денежки.

На другой день пришел Сенька Мальй к дяде, зовет государеву казну воровать. «Пойдем,— говорит,— на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли ночью к царскому дворцу; у ворот стоят часовые — как тут ухитриться? Сенька Мальй подкопался под угол, залез с дядей в кладовую и ну набивать карманы. Что тут золота, что серебра они утащили! Полюбилось им это дело, и повадился Сенька каждую ночь ходить в царскую кладовую да забирать деньги.

Захотел царь посмотреть свою казну, видит — что-то неладно, много добра распропало; созвал совет и стал спрашивать: как бы умудриться да вора поймать? И придумали сообща: у той самой дыры, куда вор лазит, поставить большой чан со смолою. Как сказано, так и сделано; целый день смолу топили да всё в чан лили. Вечером поздно зовет Сенька Мальй дядю на промысел. «Пойдем,— говорит,— ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли к царской кладовой. Сенька Мальй стал посылать дядю: «Ты полезай наперед, а я за тобою!» Дядя полез — и прямо в чан угодил; как закричит благим матом: «Ох, смерть моя! В смолу попал». Сенька думал было его вытащить, возился с ним, возился, нет — ничего не поделаешь! «Пожалуй,— думает,— по нем и меня дознаются!» Взял отвернул ему голову и понес к тетке: так и так, рассказывает ей, пропал дядя ни за грош!

Наутро доложили царю: который-де вор казну воровал — нынче в смолу попал, только головы нету. Царь приказал заложить тройку лошадей с колокольчиком и везти мертвое тело по всем селам, по всем городам: не найдутся ли сродники? Коли станет кто по нем плакать, сейчас того хватать да в кандалы ковать. «Тетушка,— спрашивает Сенька,— хочешь поплакать по своему муже?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» — «Слушай же: возьми новый кувшин, налей молока и ступай навстречу: как увидишь, что везут твоего покойника,

спотыкнись нарочно, разбей кувшин и плачь себе вволю». Тетка взяла новый кувшин, налила молоком и пошла навстречу.

Вот везут мертвое тело, и как только поравнялись с нею — она вдруг будто споткнулась, разбила кувшин, разлила молоко и начала громко плакать да причитывать: «Свет ты мой! Как мне жить без тебя?» Сейчас набежали со всех сторон солдаты, окружили бабу и стали допрашивать: «Говори, старая, о чем голосишь? Не признала ли покойника? Что он — муж тебе, брат али сват?» — «Батюшки мои родные! Как же не плакать мне? Сами видите, какая беда надо мною стряслась: разбила кувшин с молоком!» — и опять принялась выть. «Экая дура, нашла о чем плакать!» — говорят солдаты, и поехали дальше.

На другой день докладывают царю: где-где ни возили покойника, никто не сказался из сродников, никто по нем не поплакал; только и слез видели, что одна старуха кувшин разбила да над черепьём голосила. «Что ж вы ее не хватили?» — говорит царь. — Кто другой, а уж она наверно знает про вора!» — и опять-таки приказал везти мертвое тело по всем селам, по всем городам. «Тетушка,— говорит Сенька Мальй,— хочешь похоронить дядю?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» Сенька запряг лошадь в телегу, приехал в ту самую деревню, где с мертвым телом ночевать пристали, и просится на постоялый двор. «Куда тебе?» — спрашивает хозяин. — Вишь сколько народу наехало». — «Пусти, добрый человек! Ведро вина куплю». Услыхали солдаты. «Пусти!» — говорят. Сенька купил ведро вина и напоил всех допьяна; крепко заснули и хозяин и сторожа, а Сенька Мальй отпер ворота и увез покойника.

Поутру проснулись солдаты, собираются ехать и сами не знают: как быть, что делать? Воротились к царю; доложили, что мертвое тело ночью выкрадено, а кем и как — неведомо. Царь созвал совет и опять спрашивает: нельзя ли как умудриться — изловить вора? Совет и придумал поставить на таком-то лугу целую бочку вина, при ней кучу денег

рассыпать, а в стороне часового спрятать; известное дело: вор не утерпит, придет воровать, напьется пьян — тут его и хватай! Сказано — сделано. Сенька Мальйй выбрал темную ночь и пошел воровать; приходит на луг, стал было деньги огребать, да почуял, что вином пахнет: «Дай винца попробую!» Попробовал — славное вино, сроду такого не пивал! «Ну-ка еще!» Пил-пил и напился пьян как стелька; и с места не сошел: где воровал, тут и уснул.

А часовой давно его приметил. «Ага, — думает, — попался, любезный! Теперь полно по свету гулять; насидишься в сибирке*!» Подошел к Сеньке Малому и обрехал ему половину бороды: коли и уйдет, так было б признать по чем. «Пойду теперь — доложу по начальству». Пока добрался часовой до начальства, уж светать стало; Сенька проснулся, опохмелился, хватъ рукой за бороду — половины как не бывало. Что делать? Думал, думал и надумался; пошел на большую дорогу и давай всякого встречного-поперечного таскать за бороду, кого ни ухватит — так половина бороды и прочь! Как тут вора узнать? Выпутался Сенька из беды, отрастил снова бороду и стал себе жить-поживать, в чужое добро лапы запускать; и долго бы жил, да вот недавно повесили.

ВОРОВАТЫЙ МУЖИК

Жила-была старуха, у ней было два сына: один-то помер, а другой в дальню сторону уехал. Дня три спустя как уехал сын, приходит к ней солдат и просится: «Бабушка, пусти ночевать». — «Иди, родимый. Да ты откуда?» — «Я, бабушка, Никонец, с того свету выходец». — «Ах, золотой мой! У меня сыночек помер; не видал ли ты его?» — «Как же, видел; мы с ним в одной горнице жили». — «Что ты!» — «Он, бабушка, на том свете журавлей пасет». — «Ах, родненький, чай он с ними замаялся?» — «Еще как замаялся! Ведь журавли-то, бабушка, всё по шиповнику

* Сибирка — арестантская при полицейском участке.

бродят». — «Чай, он обносился?» — «Еще как обносился-то, совсем в лохмотьях». — «Есть у меня, родимый, аршин сорок холста да рублей с десятков денег; отнеси к сынку». — «Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли, приезжает сын: «Здравствуй, матушка!» — «А ко мне без тебя приходил Никонец, с того света выходец, про покойного сынка сказывал; они вместе в одной горнице жили; я услала с ним туда холстик да десять рублей денег». — «Коли так, — говорит сын, — прощай, матушка! Я поеду по вольному свету; когда найду дураковатей тебя — буду тебя и кормить и поить, а не найду — со двора спихну!» Повернулся и пошел в путь-дорогу.

Приходит в господску деревню, остановился возле барского двора, а на дворе ходит свинья с поросятами; вот мужик стал на колени и кланяется свинье в землю. Увидала то из окна барыня и говорит девке: «Ступай спроси, чего мужик кланяется?» Спрашивает девка: «Мужичок, чего ты на коленях стоишь да свинье поклонь бьешь?» — «Матушка! Доложи барыньке, что свинья-то ваша пестра, моей жене сестра, а у меня сын завтра женится, так на свадьбу прошу. Не отпустит ли свинью в свахи, а поросят в поезд?» Барыня как выслушала эти речи, и говорит девке: «Какой дурак! Просит свинью на свадьбу, да еще с поросятами. Ну что ж! Пусть с него люди посмеются. Наряди поскорей свинью в мою шубу да вели запрячь в повозку пару лошадей, пусть не пешком идет на свадьбу». Запрягли повозку, посадили в нее наряженну свинью с поросятами и отдали мужику; он сел и поехал назад.

Вот воротился домой барин, а был он в то время на охоте. Барыня его встречает, сама со смеху помирает: «Ах, душенька! Не было тебя, не с кем было посмеяться. Был здесь мужичок, кланялся нашей свинье: ваша свинья, говорит, пестра — моей жене сестра, и просил ее к своему сыну в свахи, а поросят в поезжане». — «Я знаю, — говорит барин, — ты ее отдала». — «Отпустила, душенька! Нарядила в свою шубу и дала повозку с парой лошадей». — «Да откуда мужик-то?» — «Не знаю, голубчик!» — «Это,

выходит, не мужик — дурак, а ты — дура!» Рассердился барин, что жену обманули, выбежал из хором, сел на виноходца и поскакал в погоню.

Слышит мужик, что барин его нагоняет, завел лошадей с повозкою в густой лес, а сам снял с головы шляпу, опрокинул наземь и сел возле. «Эй ты, борода! — закричал барин. — Не видал ли — не проехал ли здесь мужик на паре лошадей? Еще у него свинья с поросятами в повозке». — «Как не видать! Уж он давно проехал». — «В какую сторону? Как бы мне его догнать!» — «Догнать — не устать, да повёрток много; того и смотри запутаешься. Тебе, чай, дороги неведомы?» — «Поезжай, братец, ты, поймай мне этого мужика!» — «Нет, барин, мне никак нельзя! У меня под шляпою сокол сидит». — «Ничего, я постерегу твоего сокола». — «Смотри, еще выпустишь! Птица дорогая! Меня хозяин тогда со свету сживет». — «А что она стоит?» — «Да рублев триста будет». — «Ну коли упущу, так заплачу». — «Нет, барин, хоть теперь ты сулишь, а что после будет — не ведаю». — «Экой невера! Ну вот тебе триста рублей про всякий случай». Мужик взял деньги, сел на виноходца и поскакал в лес, а барин остался пустую шляпу караулить.

Долго ждал барин; уж и солнышко закатывается, а мужика нет как нет! «Постой, посмотрю: есть ли под шляпою сокол? Коли есть, так приедет; а коли нет, так и ждать нечего!» Поднял шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавец! Ведь, наверно, это был тот самый мужик, что барыню обманул!» Плюнул с досады барин и поплелся к жене; а мужик уж давно дома. «Ну, матушка, — говорит старухе, — живи у меня; есть на свете и тебя дурашливее. Вот ни за что ни про что дали тройку лошадей с повозкою, триста рублей денег да свинью с поросятами».

СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА

Старуха сварила во щах гуся. Приходит к ней на квартиру солдат... «А что, служивый, — спрашивает старуха, —

не бывал ли ты в городе Горшанске, не знавал ли там Гагатея Гагатеевича?» — «Как не знать! Только теперь его там нету: Гагатея Гагатеевич вышел оттуда в город Кошелянск, в село Заплечанское, а наместо его в город Горшанск приехал Плетухан Плетуханович, сын Ковырялкин». Тут ударили сбор; солдат простился с старухой и пошел в поход. Идет с товарищами, глядь — лежит на дороге зуб от бороны; поднял его и спрятал в карман.

Пришли в другую деревню. Досталось нашему солдату опять к глупой бабе на квартиру. Сел обедать, вынул зуб, что дорогой нашел, и ну мешать щипки. Подает ему хозяйка солонку: «На, посоли, служивый!» — «Не надо мне твоей соли! Я вот этим зубом помешаю — все одно что солью посыпал!» (А уж он давно посолил щипки своей солью). «Вишь, диво какое, — думает хозяйка, — с таким добром и соли покупать не надо!» Попробовали щипки — как есть солоньки! «Не продашь ли зуб?» — «Купи». — «А что возьмешь?» — «Рубль серебра да двадцать аршин холста». На том и поладили. «Вот тебе зуб, — говорит солдат, — как станешь щипки мешать, приговаривай: шуны-буны, будьте щипки солоньки! Муж приедет, будут шлепанцы-хлопанцы». Взял рубль денег да кусок холста и пошел куда надо.

После того воротился мужик домой и спросил обедать. Налила ему баба щипки, а соли не дает. «Что ж ты, про соль позабыла?» — «Нет, хозяйин! У меня теперь есть такая штука, что и соли покупать не станем!» Вытащила зуб и зачала мешать в миске да приговаривать: «Шуны-буны, будьте щипки солоньки! Муж приедет, будут шлепанцы-хлопанцы!» Мужик попробовал щипки — совсем без соли. «А что дала за эту штуку?» — «Рубль серебра да двадцать аршин холста». Схватил ее муж за косу и пошел таскать: «Вот тебе шлепанцы, вот тебе хлопанцы!»

* * *

Шли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается: «Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня

ничего нету». А у ней в печи был вареный петух — в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один —вороватый был!— вышел на двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит: «Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест». Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, наместо его положили туда ошмётки, а петуха в суму спрятали. Пришла старуха: «Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили: «Дай же, бабушка, поесть нам!»— «Возьмите, детоньки, кваску да хлеба; будет с вас!»

И вздумала старуха похвалиться, что провела их, и заганула им загадку: «А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?»— «Нет, бабушка!»— «А кто же, детоньки, вместо его?»— «Да Липан Липанович».— «А где же Курухан Куруханович?»— «Да в Сумин город переведен, бабушка». После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему: «Поди-ка, сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитятко, заганула загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то».— «Да какую ты, матушка, заганула им загадку?»— «А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отгадали. «Нет, бают, бабушка!»— «Где же он, родимые?»— «Да в Сумин город переведен». А того и не знают, курвины дети, что у меня в горшке-то есть!» Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила. «Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!»— «То-то, матушка! Солдата не проведешь, он — человек бывалый».

* * *

Жила-была баба, у ней было три сына. Встали они ранехонько, пошли в поле, застрелили журавля, принесли к матери: «Свари, матушка, к обеду!» А сами поехали сено

косить. На ту пору зашли к бабе солдаты — люди дорожные; налила она им шей и говорит: «Загадаю вам загадку».— «Какую, бабушка?»— «Доселева Курлинской-Мурлинской под Небесинском летал, а в нынешни годы очутился в городе Печинском, во селе Горшинском». Солдаты хоть давно смекнули, чем ши-то пахнут, одначе притворились, будто ничего не догадываются. «Подумайте, родимые, а я вот на погреб за молоком пойду».

Пока старуха на погреб ходила, солдаты утащили у ней журавля. «Что ж, отгадали загадку?»— спрашивает старуха. «Нет, бабушка, твоей не отгадали, а свою загадали: доселева Курлинской-Мурлинской под Небесинском летал да в город Печинской попал, а в нынешни годы очутился в городе Суминском, в селе Заплечинском. Отгадай-ка, божья старушка!»— «Нет, родные! Ваша загадка длиннее моей, мне не разгадать ее...»

МЕРТВОЕ ТЕЛО

В некоем царстве, не в нашем государстве жила старушка-вдова; у ней было два сына умных, а третий дурак. Стала мать помирать, стала имение отказывать — кому что, и просит умных: «Не обделите, сынки, дурака; было бы всем поровну!» Вот старуха померла, умные братья разделили все имение меж собой, а дураку ничего не дали. Дурак схватил покойницу со стола и потащил на чердак. «Что ты, дурак!— закричали на него братья.— Куда поволок?» А дурак в ответ: «Вы двое все добро себе забрали; мне одна матушка осталась!» Втащил наверх и принялся кричать во все горло: «Люди добрые, поглядите — матушку убили!» Братья видят — худо дело! — и говорят ему: «Дурак, не кричи! Вот тебе сто рублей; вот тебе лошадь!»

Дурак взял деньги, запряг лошадь, посадил старуху на дровни и повез ее, словно живую, на большую дорогу. Скачет навстречу ему барин, колокольчик под дугой так и заливаается: дурак с дороги не сворачивает. «Эй ты, олух, вороти в сторону!»— кричит барин. «Сам вороти!»—

отвечает дурак. Барин осерчал, заругался, не велел сворачивать, наскакал на дровни и опрокинул набок; старуха упала, а дурак завопил: «Караул, караул! Барин матушку до смерти зашиб!» — «Молчи, дуралей, вот тебе сто рублей». — «Давай триста». — «Черт с тобой! Бери триста, только кричать перестань». Дурак взял с барина деньги, положил старуху на дровни и поехал в ближнее село; пробрался задами к попу на двор, залез в погреб, видит — стоят на льду кринки с молоком. Он сейчас поснимал с них покрывки, приволок свою старуху и усадил возле на солому; в левую руку дал ей кувшин, в правую — ложку, а сам за кадку спрятался.

Немного погода пошла на погреб попадьё; глядь — незнамо чья старуха сметану с кринок сымает да в кувшин собирает; попадьё ухватила палку, как треснет ее по голове — старуха свалилась, а дурак выскочил и давай кричать: «Батюшки-светы, караул! Попадья матушку убила!» Прибежал поп: «Молчи, — говорит, — я тебе сто рублей заплачу и мать даром схороню». — «Неси деньги!» Поп заплатил дураку сто рублей и похоронил старуху. Дурак воротился домой с деньгами; братья спрашивают: «Куда мать девал?» — «Продал, вот и денежки». Завидно стало братьям, стали сговариваться: «Давай-ка убьем своих жен да продадим. Коли за старуху столько дали, за молодых вдвое дадут». Ухлопали своих жен и повезли на базар; там их взяли, в кандалы заковали и сослали в Сибирь. А дурак остался хозяином и зажил себе припеваючи, мать поминаючи.

ШУТ

В одной деревне жил шут. Какой-то поп вздумал ехать к нему, говорит попадьё: «Ехать было к шуту, не шутит ли каку шутку!» Собрался и поехал; шут по двору похаживает, за хозяйством присматривает. «Бог в помощь, шут!» — «Добро жаловать, батюшка! Куды тебя бог понес?» — «К тебе, свет; не шутишь ли шутку мне?» —

«Изволь, батюшка; только шутку-то я оставил у семи шутов, дак снаряди потеплей да дай лошади съездить за нею». Поп дал ему лошадь, тулуп и шапку. Шут сел и поехал. Приехал к попадьё и говорит: «Матушка! Поп купил триста пудов рыбы; меня вот послал на своей лошади к тебе за деньгами, триста рублей просит». Попадья тотчас отсчитала ему триста рублей; шут взял и поехал назад. Приезжает домой, тулуп и шапку положил в сани, лошадь в ограду пустил, а сам спрятался. Поп пождал-пождал, не мог дожждаться, собрался и воротился к попадьё. Она спрашивает: «А где рыба-то?» — «Какая рыба?» — «Как какая! Шут приезжал за деньгами, сказывал, будто ты заторговал триста пудов рыбы; я ему триста рублей дала». Узнал поп, каковую шутку сыграл над ним шут!

На другой день собрался, и опять к шуту. Шут знал, что поп приедет, переоделся женщиной, взял пресницу* и сел под окошко, сидит да прядет. Вдруг поп: «Бог в помощь!» — «Добро жаловать!» — «Дома шут?» — «Нету, батюшка!» — «Где же он?» — «Да ведь он, батюшка, с тобой вчерась пошутил да после того и дома не бывал». — «Экой плут! Видно, назавтрее приезжать». На третий день приехал; шута все нет дома. Поп и думает: «Чего же я езжу без дела? Эта девка, знать, сестра его, увезу ее домой, пусть зарабатывает мои деньги». Спрашивает ее: «Ты кто же? Как шуту доводишься?» Она говорит: «Сестра». — «Шут у меня триста рублей денег взял, так ступай-ка, голубушка, заработай их...» — «Дак что! Ехать дак ехать!» Собралась и поехала с попом. Живет у него уж и долго.

У попа были дочери-невесты. Вдруг к нему сватовщики — какой-то богатый купец начал сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, он и высватал стряпку, шутову сестру. Веселым пирком да и за свадебку. Справили все как следует. Ночью молодая говорит мужу: «Высади меня в окошко по холсту поветриться: а как трякну холстом, назад тяни». Муж спустил ее в сад; жenuшка привязала вместо себя козлуху,

* Прялку.

тряхнула — молодой потащил. Притащил в горницу, смотрит — козлуха. «Ох, злые люди испортили у меня жену-то!» — закричал молодой; все сбежались, начали возиться с козлухой; дружки взялись наговаривать, чтобы обратить ее в женщину, и совсем доконали-замучили: пропала козлуха!

Шут между тем пришел домой, переоделся и поехал к попу. Тот его встретил: «Милости просим, милости просим!» — угощает. Шут сидит, ест да пьет; те-други разговоры; он и спрашивает: «Батюшка, где же моя сестра? Не увозил ли ты?» — «Увез, — говорит поп, — да и отдал взамуж за богатого купца». — «А как же, батюшка, без моего спросу отдали ее взамуж? Разе есть таки законы? Ведь я просить пойду!» Поп биться-биться с ним, чтобы не ходил в просьбу. Шут выпросил с него триста рублей; поп отдал. Шут взял и говорит опять: «Ладно, батюшка, теперь своди-ка меня к сватушку-то; покажи, каково они живут». Поп не захотел спорить; собрались и поехали.

Приезжают к купцу; тут их встретили, начали потчевать. Шут сидит уж и дивно времени — сестры не видать, и говорит он: «Сватушка, где же моя-то сестра? Я давно с ней не видался». Те переминаются. Он опять спрашивает; они и сказали ему, что злы люди похимостили*, испортили ее в козлуху. «Покажите козлуху!» — просит шут; они говорят: «Козлуха пропала». — «Нет, не козлуха пропала, а вы разве мою сестру убили; как сделаться ей козлухой! Пойду просить на вас». Те ну просить его: «Не ходи, пожалуйста, не ходи просить: чего хочешь бери!» — «Отдайте триста рублей, не пойду!» Деньги отсчитали, шут взял и ушел, сделал где-то гроб, склал в него деньги и поехал.

Вот едет шут, а навстречу ему семь шутов; спрашивают: «Чего, шут, везешь?» — «Деньги». — «А где взял?» — «Где взял! Вишь, покойника продал и везу теперь полон гроб денег». Шуты, ничего не говоря, приехали домой, перебили всех своих жен, поделали гроба, склали на телеги и везут в город; везут и кричат: «Покойников, покойников! Кому

* Заворожили, заколдовали.

надо покойников?» Услыхали это казаки, живо подскакали и давай их понужать плетями; драли-драли, еще с приговорами: «Вот вам покойники! Вот вам покойники!» — и проводили вон из города. Еле-еле убрались шуты; покойников схоронили, сами и ступай к шуту отмстить за насмешку; тот уж знал, вперед изготовился.

Вот они приехали, вошли в избу, поздоровались, сели на лавку; а у шута в избе была козлуха: она бегала-бегала, вдруг и выронила семигривенник. Шуты увидели это, спрашивают: «Как это козлуха-то семигривенник выронила?» — «Она у меня завсегда серебро носит!» Те и приступили: продай да продай! Шут упрямится, не продает: самому-де надо. Нет, шуты безотступно торгуют. Он запросил с них триста рублей. Шуты дали и увели козлуху; дома-то поставили ее в горнице, на пол ковров настлали, дожидаются утра, думают: «Вот когда денег-то наносит!» А вместо того она только ковры изгадила.

Шуты опять поехали мстить тому шуту. Тот уже знал, что они будут; говорит своей жене: «Хозяйка, смотри, я тебе привяжу под пазуху пузырь с кровью; как придут шуты бить меня, я в те поры стану просить у тебя обедать; раз скажу — ты не слушай, другой скажу — не слушай, и в третий — тоже не слушай. Я ухвачу нож и ткну в пузырь, кровь побежит — ты и пади, будто умерла. Тут я возьму плетку, стегну тебя раз — ты пошевелись, в другой — ты повернись, а в третий — скачи да на стол собирай». Вот приехали шуты: «Ну, брат, ты нас давно обманываешь, теперича мы тебя уьем». — «Дак что! Убьете — так убьете; дайте хоть в последний раз пообедать. Эй, хозяйка! Давай обедать». Та ни с места; он вдругорядь приказывает — она ни с места; в третий раз говорит — то же самое. Шут схватил ножик, хлоп ее в бок — кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались: «Что ты наделал, собака? И нас упекешь тут же!» — «Молчите, ребята! У меня есть плетка; я ее вылечу».

Сбегал за плеткой, стегнул раз — хозяйка пошевелилась, в другой — поворотилась, в третий — скочила и давай на стол собирать. Шуты говорят: «Продай плет-

ку!» — «Купите». — «Много ли возьмешь?» — «Триста рублей». Шуты отсчитали деньги, взяли плетку, ступай с ней в город; видят — везут богатого покойника, они кричат: «Стой!» Остановились. «Мы оживим покойника!» Раз стегнули плеткой — покойник не шевелится, в другой раз — тоже, в третий, четвертый, пятый — покойник все не шевелится. Тут их, сердешных, забрали и давай самих драть; плетьюм стегают да приговаривают: «Вот вам, лекаря! Вот вам, лекаря!» До полусмерти исстегали, отпустили. Они кое-как доплелись до двора, поправились и говорят сами с собой: «Ну, ребята, не докуль шуту над нами смеяться; пойдёмте убьём его! Чего на него смотреть-то?»

Тотчас собрались и поехали; застали шута дома, схватили и потащили на реку топить. Он просится: «Дайте хоть с женой да с родней проститься, приведите их сюда!» Ну, согласились, пошли все за родней; а шута завязали в куль и оставили у проруби. Только ушли, вдруг едет солдат на паре каурых, а шут что-то и скашлял. Солдат остановился, соскочил с саней, развязал куль и спрашивает: «А, шут! Пошто залез тут?» — «Да вот высватали за меня убогом таку-то (называет ее по имени), сегодня и украли; а отец и хватился, давай искать. Нам некуда деваться; вот мы спрятались в кули, нас завязали да и растащили по разным местам, чтоб не узнали». Солдат был вдовый, говорит: «Пусти, брат, меня в куль-от». Шут упрямится, не пускает. Солдат уговаривать, и уговорил его. Шут вышел, завязал солдата в куль; сел на лошадей и уехал. Солдат сидел-сидел в кулю и уснул.

Семь шутов воротились одни, без родни, схватили куль и бросили в воду; пошел куль ко дну — буры да кауры! Сами побежали домой; только прибежали, расселись по местам, а шут и катит мимо окон на паре лошадей — ух! «Стой!» — закричали семеро шутов. Он остановился. «Как ты из воды выбился?» — «Эх вы, дураки! Разве не слышали: как пошел я ко дну, то сказывал: буры да кауры? Это я коней имал. Там их много, да какие славные! Это что еще! Я дрянь взял — спереди, а там дальше вороные —

вот так лошади!» Шуты поверили: «Спускай, брат, нас в воду; пойдём и мы коней выбирать». — «Извольте!» Всех извязал в кули и давай спускать по одному; испускал всех в воду, махнул рукой и сказал: «Ну, выезжайте же теперь на вороных!»

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое — умные, третий — Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку: «На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят». Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидел свою тень сбоку и думает: «Что это за человек со мной рядом идет, ни на шаг не отстаёт? Верно, клецок захотел?» И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет. «Эка ненасытная уроба!» — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают: «Ты, дурак, зачем?» — «Вам обед принес». — «Где же обед? Давай живее». — «Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да все и поел!» — «Какой-такой человек?» — «Вот он! И теперь рядом стоит!» Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле. «Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?» — «Да пошто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то

врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать; во как умаялся!» — «Постой, еще не так умаешься!» — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везет — не везет! «А что, — думает себе Иванушка, — ведь у лошади четыре ноги, и у стола тож четыре; так стол-от и сам добежит». Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да все каркают. «Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» — подумал дурачок; выставил блюда с ествами на-земь и начал потчевать: «Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье!» А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушка перелеском; по дороге всё пни обгорелые. «Эх, — думает, — ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать, без соли не хочет!» — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет. «Что ж ты не пьешь, волчье мясо! Разве задаром я мешок соли высыпал?» Хватил ее поленом, да прямо в голову, и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушка-дурак!» — бросил их и ну топтать да приговаривать: «Вот вам Иванушка-дурак! Вот вам Иванушка-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!»

Воротился домой и говорит братьям: «Все искупил, братики!» — «Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?» — «А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то поиво лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул». — «Ступай, дурак, поскорее собери все, что разбросал по дороге». Иванушка пошел в

лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину — всяких: и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит. «Пиво, не броди, дурака не дразни!» — говорит Иванушка. Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушку, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричать: «Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!» — «Постой, дурак, — сказал барин, — я умею и судить и рядить; вылезай из куля!» Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают, а в воде так и буркает. «Знать, бурка ловит!» — проговорили братья и побрели домой. Навстречу им откуда ни возьмись едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает: «Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко — такой славный!» Завидно стало братьям; говорят дураку: «Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...» Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать. Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

ДУРАК И БЕРЕЗА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него было три сына: двое — умных, третий — дурак. Помер старик, сыновья разделили имение по жеребью: умным досталось много всякого добра, а дураку один бык — и тот худой! Пришла ярмарка; умные братья собираются на торг ехать. Дурак увидел и говорит: «И я, братцы, поведу своего быка продавать».

Зацепил быка веревкою за рога и повел в город. Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла старая сухая береза; ветер подует — и береза заскрипит. «Почто береза скрипит? — думает дурак. — Уж не торгует ли моего быка? — Ну, — говорит, — коли хочешь покупать — так покупай; я не прочь продать! Бык двадцать рублей стоит; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!» Береза ничего ему не отвечает, только скрипит; а дураку чудится, что она быка в долг просит. «Изволь, я подожду до завтраго!» Привязал быка к березе, распрощался с нею и пошел домой. Вот приехали умные братья и стали спрашивать: «Ну что, дурак, продал быка?» — «Продал». — «За дорого?» — «За двадцать рублей». — «А деньги где?» — «Денег еще не получал; сказано — завтра приходит». — «Эх ты — простота!»

На другой день поутру встал дурак, снарядился и пошел к березе за деньгами. Приходит в лес — стоит береза, от ветру качается, а быка нету; ночью волки съели. «Ну, земляк, подавай деньги, ты сам обещал, что сегодня заплатишь». Ветер подул — береза заскрипела, а дурак говорит: «Ишь ты какой неверный! Вчера сказывал: завтра отдам, и нонче то же сулишь! Так и быть, подожду еще один день, а уж больше не стану — мне самому деньги надобны». Воротился домой. Братья опять к нему пристают: «Что, получил деньги?» — «Нет, братцы, пришлось еще денек подождать». — «Да кому ты продал?» — «Сухой березе в лесу». — «Экой дурак!»

На третий день взял дурак топор и отправился в лес. Приходит и требует денег. Береза скрипит да скрипит. «Нет, земляк, коли все будешь завтраками потчевать, так с тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо с тобой разделаюсь!» Как хватит ее топором — так щепки и посыпались во все стороны. В той березе было дупло, а в том дупле разбойники спрятали полный котел золота. Распалось дерево надвое, и увидел дурак чистое золото; нагреб целую полу и потащил домой, принес и показывает братьям. «Где ты, дурак, добыл столько?» — «Земляк за быка отдал; да тут еще не сполна все, чай и половины

домой не притащил! Пойдемте-ка, братцы, забирать оставшее!» Пошли в лес, забрали деньги и несут домой. «Смотри же, дурак, — говорят умные братья, — никому не сказывай, что у нас столько золота». — «Небось не скажу!»

Вдруг попадается им навстречу дьячок. «Что вы, ребята, из лесу тащите?» Умные говорят: «Грибы». А дурак поперечит: «Врут они! Мы деньги несем; вот посмотри!» Дьячок так и ахнул, бросился к золоту и давай хватать пригоршнями да в карман совать. Дурак рассердился, ударил его топором и убил до смерти. «Эх, дурак! Что ты наделал?» — закричали братья. — Сам пропадешь и нас загубишь! Куда теперь мертвое тело девать?» Думали-думали и стащили его в пустой погреб, да там и бросили.

Поздно вечером говорит старший брат середнему: «Делото выходит неладно! Как станут про дьячка разыскивать, ведь дурак все расскажет. Давай-ка уьем козла да скороним в погребе, а мертвое тело зароем в ином месте». Дождали они глухой ночи, убили козла и бросили в погреб, а дьячка снесли в иное место и зарыли в землю. Прошло несколько дней, стали про дьячка везде разыскивать, у всех спрашивать; дурак и отозвался: «На что он вам? А намедни я его топором убил, а братья на погреб снесли».

Тотчас ухватились за дурака: «Веди, показывай!» Дурак полез в погреб, достал козлиную голову и спрашивает: «Ваш дьячок черный?» — «Черный». — «И с бороною?» — «Да, и с бороною». — «И рога есть?» — «Какие там рога, дурак!» — «А вот смотрите!» — и выбросил голову. Люди смотрят — как есть козел, плюнули дураку в глаза и разошлись по домам. Сказке конец, а мне меду корец.

НАБИТЫЙ ДУРАК

В одной семье жил-был дурак набитый. И, бывало, нет того дня, чтобы на него не жаловались люди: либо кого словом обидит, либо кого прибьет. Мать сжалилась над дураком, стала смотреть за ним как за малым ребенком; бывало — куда дурак срядится идти, мать с полчаса ему

толкует: ты так-то, дитятко, делай и так-то! Вот однажды пошел дурак мимо гумен, и увидал — молотят горох, и закричал: «Молотить вам три дня и намолотить три зерна!» Мужики его за такие слова прибили цепами. Пришел дурак к матери и вопит: «Матушка, матушка! Ныне били хохла, колотили хохла!» — «Тебя, что ль, дитятко?» — «Да». — «За что?» — «Вот я шел мимо Дормидошкинова гумна, а на гумне молотили горох его семейные...» — «Ты что же, дитятко?» — «Да я им прогудорил: молотить вам три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили». — «Ох, дитятко, ты бы сказал им: возить вам — не перевозить, носить — не переносить, таскать — не перетаскать!» Обрадовался дурак, пошел на другой день по селу. Вот навстречу ему несут упокойника. Дурак, помня вчерашнее наставление, зашумел в превеликий голос: «Носить вам — не переносить, таскать — не перетаскать!» Опять отдули его! Дурак воротился к матери и рассказал ей, за что его прибили. «Ты бы, дитятко, сказал им: канун да ладан!» Такие слова глубоко пали дураку в ум-разум, на другой день опять пошел он бродить по селу. Вот свадьба и едет ему навстречу. Дурак откашлялся, закричал, как только свадьба с ним поравнялась: «Канун да ладан!» Пьяные мужики соскочили с телеги и прибили его жестоко. Дурак пошел домой, кричит: «Ох, мать моя родимая, как больно-то прибили меня!» — «За что, дитятко?» Дурак рассказал ей, за что прибили. Мать сказала: «Ты бы, дитятко, поиграл да поплясал им». — «Спасибо тебе, матушка моя!» И ушел опять на село да взял с собою дудочку. Вот на конце села занялся овин у мужика. Дурак со всех ног побежал туда; забежал против овина и ну плясать да играть в свою дудочку. И тут дурака отколотили. Он опять пришел к матери со слезами и рассказал, за что его побили. Мать ему сказала: «Ты бы, дитятко, взял воды да заливал с ними». Через три дня, как зажили у дурака бока, пошел он бродить по селу. Вот увидал он: мужик свинью палит. Дурак схватил у мимошедшей бабы с коромысла ведро с водою, побежал туда и начал заливать огонь. И тут дурака порядком поколотили. Опять воротился он к матери и рассказал, за

что его били. Мать закаялась пускать его по слободе, и с тех пор дурак и поныне, кроме двора своего, никуда не выходит.

ЛУТОНЮШКА

Жил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутонеею занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд* полено, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услышал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слез стала говорить ему: «Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке — я бы его ведь ушибла поленом-то! Ну, и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря: «И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..» Кричат оба что ни есть мочи!

Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает: «О чем вы кричите?» Они сказали о чем: «Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!» — «Ну, — сказал Лутоня, — исполать вам!» Потом взял свою шапку в охапку и говорит: «Прощайте! Если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня!» — и ушел.

Шел-шел и видит: мужики на избу тащат корову. «За чем вы тащите корову?» — спросил Лутоня. Они сказали ему: «Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!» — «Ах, дураки набитые!» — сказал Лутоня, взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове. Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их. «Нет, — сказал Лутоня, — у меня таких дураков еще много по белу свету!» — и пошел дальше.

* Гряда — две перекладыны, утвержденные вверху избы, для сушения дров

Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти. «Что вы делаете?» — спросил Лутоня. «Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку». — «Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю». Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел-шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидел он: хозяйка-старушка сварила саламату, постановила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной. «Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?» — сказал Лутоня. «Как зачем, — возразила старуха охриплым голосом, — ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана-то в погребе». — «Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дело пошло бы по масличку!» — «И то, родимый!» Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся донельзя, залез на полатки* и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

МЕНА

Жил мужик с бабою; была у них пара волов, а телеги не было. Куда ни соберутся ехать — бежит мужик по деревне искать телеги, и уж худо-худо разов по пяти брал он телегу у каждого хозяина! До того дошло дело, что перестали давать ему; куда ни сунется, всякий срамит его: «Какой ты мужик! Пару волов имеешь, а телеги не справишь!» Соберется мужик в дорогу, а ехать не на чем; посуетится-посуетится да так дома и останется. «Послушай, муженек, — рассказывает жена, — поведи волов на ярмарку, продай, да за эти деньги купи телегу; пускай у нас своя будет! Тогда и к нам станут ходить люди да просить телеги, а мы никому не дадим!»

* Полати.

Мужик послушал жену, встал поутру рано, взял пару волов и повел в город. Стал приближаться к городу, глядь — везет старик на ярмарку новые телеги; подбежал к нему: «Здорово, земляк! Продаешь телеги?» — «Продаю». — «Знаешь ли, что я тебе скажу?» — «Как скажешь, так и буду знать». — «А вот что; сделай милость, дай мне телегу, а себе возьми пару волов».

Старик видит, что мена-то выгодная: пара волов худо стоит полтора рублика, а телега всего-навсего двадцать, и говорит: «Изволь, брат! Выбирай любую».

Мужик выбрал себе самую большую телегу и отдал за нее пару волов. Старик радехонек, поскорей в город; на уме одно держит: как бы этот дурак не одумался да не отобрал назад своих волов. А мужик стоит на дороге да думает: «Слава богу, теперь есть телега! Только как ее домой дотащить? Ведь волов нету, приходится на себе везти». Взял веревку, привязал к телеге и давай тащить; тащил-тащил, с полверсты сделал, а устал как собака: пот так и льет с лица, а рубаху хоть выжми! Остановился, сел отдохнуть и призадумался: до двора далеко, верст с пятнадцать будет! Как теперь с телегой быть?

Увидел пастуха — гонит две козы на ярмарку, и закричал ему: «Здорово, земляк! Куда коз гонишь?» — «В город продавать». — «Чем продавать, променяй-ка лучше мне одну козу вот на эту телегу; вишь, совсем новая!» Пастух усмехнулся: «Как бы, брат, не промахнуться? А то маху дашь, после не поправишься; да, пожалуй, куда кривая не вывезет! Выбирай себе любую». Мужик отдал телегу, взял козу и повел ее домой.

Шел-шел, версты две отхватил, и встречается ему разносчик: на спине — коробка, за поясом целая связка кошелев прицеплена. Засмотрелся мужик на те кошельки, крепко понравились: «Послушай, земляк! Куда несешь кошельки?» — «В город продавать». — «Променяй мне один на козу». — «Изволь, брат!» Взял мужик кошелек, положил за голенище и пошел домой. Шел, шел; на пути речка; сел на перевоз и перебрался на другую сторону.

Стали перевозчики спрашивать деньги, а у него нет ни гроша, и заплатить нечем. «Тащите, братцы, армяк с плеч, коли денег нет!» — говорят перевозчики. «Постойте, армяк самому надобен; а есть у меня кошелек новый, возьмите его за работу». Вынул кошелек и отдал; перевозчики отпустили его.

Поплелся мужик домой. «Вот, — думает, — ни за что, ни про что загубил пару волов!» Смотрит: сидят на дороге чумаки да варят кашу. «Здравствуйте, земляки!» — «Здравствуй, добрый человек!» — «Хлеб-соль вашей милости!» — «Спасибо». — «Славная у вас каша! Пустите, братцы, похлебать маленько; крепко есть хочется». — «Дать откудова?» — спрашивает атаман. «А я, дяденька, ходил на ярмарку, пару волов водил продавать». — «Ишь какой! Пару волов продал, а попрошайничаешь...» — «Эх, дяденька, — отвечал мужик, — когда бы ты знал да ведал мое горе!» — «Какое?» — «А вот послушайте!» — и рассказал все, как было.

Атаман засмеялся и говорит мужику: «Ну, брат, теперь ты к своей хозяйке лучше и не показывайся; а то беда будет». — «Нет, дяденька, ничего не будет; даже слова худого не скажет!» — «Врешь, мужик! Если за это да не обругает тебя хозяйка, так вот двенадцать фур с солью — все отдам тебе и с волами!» — «Хорошо, атаман!» — «Ну, а если обругает?» — «В вечную кабалу к тебе пойду!»

Заложились* и пошли в деревню. Добрались до двора; атаман стал в сенях и слушает, а мужик вошел в избу: «Здравствуй, жена!» — «Здравствуй, муженек! Что ж, променял волов?» — «Променял». — «Где же телега?» — «За козу отдал». — «А коза где?» — «За кошелек пошла». — «А кошелек где?» — «За перевоз взяли». — «Ну, слава богу, что сам-то назад воротился! Раздевайся скорей да садись за стол, пообедай; чай, давно проголодался? О волах не кручинься, нет волов — и заботы у нас не будет!» Мужик сел за стол и кричит: «Эй, атаман! Ступай в хату: ну что — слышал? Правда моя!» — «Правда, земляк, —

* Ударились об заклад

сказал атаман, вздохнувши, — бог с тобой, забирай все двенадцать фур — и с солью и с волами». Вот так-то и разбогател мужик и стал себе жить-поживать да добра наживать.

СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВ ФОМУ И ЕРЕМУ

Ах, да Ерема да Фома были два братейка:
Они волосом одинаки и умом равны,
У них бороды, как бороды, и усы, как усы.
Вот задумали братаны в божью церковь идти;
В божью церковь идти, богу молиться.
Вот Ерема зашел в церковь, а Фома в алтарь,
Вот Ерема взял книгу, а Фома псалтырь;
Ох, Ерема-то запел, а Фома заговорил.
То слышали попы со высокоя горы,
Попы грамотные, люди надобные...
Вот Ерему взяли в шею, а Фому в толчки.

.....
Ерема-то из двери, а Фома из окна.
Ох, Ерема пошел в ельник, а Фома в сосняк;
Они оба испугались, оба вместе сохотились.
Вот задумали братаны серых зайков промышлять,
Серых зайков, побегошкков: ничего не нашли!
Вот пошли они, братаны, по крутому бережку,
По крутому бережку, по желтому по песку.
Вот увидели братаны, что две уточки плывут;
Одна уточка белешенька, а другая-то что снег.
Ох, Ерема схватил палку, а Фома косарь;
Как Ерема недокинул, Фома через перекинул.
Вот задумали братаны себе рыбу промышлять,
Себе рыбу промышлять, красну семужку.
Ох, Ерема сел да в лодку, а Фома в ботню;
У них лодка без набоев и ботня безо дна.
Они три года тонули — не могли потонуть,
Их три черта давили — не могли задавить!

Вот задумали братаны свои головы кормить,
Свои головы кормить, себе хлеб наживать,
И положили ребята себе пашню пахать;
Вот Ерема пошел в рынок, а Фома на базар,
Вот Ерема купил мерина, Фома жеребца —
Он у них, мерин-то, не тянет, и соха-то не валит;
Они мерина колом, сами с пашенки бегом!

ХОРОШО, ДА ХУДО

Жил-был барин в городе; приехал к нему из деревни староста. «Это ты, Василий Петров?» — спрашивает барин. «Я, батюшка-барин!» — «Не привез ли ты от матушки письма?» — «Письмеца нет, только одна грамотка». — «Что же в ней прописано?» — «Да, вишь, прогневили господу бога, ваш перочинный ножичек изломали». — «Как же вы его изломали?» — «С вашего иноходца кожу снимали; ножичек-то мал, я его и сломал». — «Да разве мой конь помер?» — «Нет, подох». — «Как же он издох?» — «Не он наперед подох, а ваша матушка, батюшка-барин!» — «Ужли и матушка померла?» — «Да как у Фомки овин горел, она в те поры сидела в каменном доме в верхнем этажу, а форточка пола была: искорка ей на ногу скакнула, барыня упала, да ногу-то и свихнула». — «А ты, дурак, чего не поддержал?» — «Батюшка-барин! Она хлебом-солью откормлена. В кое место падет, меня убьет!» — «Ты бы таковской и был! Отчего ж у Фомки овин загорелся?» — «Не он наперед загорелся, а ваша новая конюшня». — «Что от нее осталось?» — «Три столба воротных да с вороного коня подуздочек». — «Как же она загорелась?» — «Да не она, батюшка-барин, загорелась, а ваша новая мельница». — «Как, и новая мельница сгорела?» — «Да, батюшка-барин, сгорела! Прогневили мы господу бога». — «Что ж от нее осталось?» — «Вода да камень остались: камень-то начетверо разорвало, а все уцелел; да в дымном окошке кошка сидела, так у ней глаза лопнули, а сама как есть живая!» — «Как же новая мельница загорелась?» — «Не

она, батюшка-барин, наперед загорелась, а ваша кладовая». — «Как — и кладовая?» — «Да, сгорела, батюшка-барин! Прогневили мы господу бога». — «Что ж от нее осталось?» — «Четырнадцать бутылок осталось; я у всех горлышки побломал да отведывал; в иной кисло, в иной горько, а в иной и пить нельзя». — «Ты, дурак, пьян!» — «Батюшка-барин! Ведь немножко отведал».

«Ты старостой называешься, а собрал ли с крестьян деньги?» — «Собрал, батюшка-барин, собрал». — «С кого сколько?» — «С Фомки грош, с Еремки грош, а с Варфоломейка одна копейка». — «А что ж с него мало?» — «Он вдовый, половину тягла платит». — «Где же деньги?» — «Да шел я, батюшка-барин, по улице; стоит новый кабак, я на грош выпил да трехкопеечным калачиком закусил». — «Ты, дурак, пропил!» — «Нет, батюшка, и пропил и проел». — «А собрал ли с крестьян муку?» — «Собрал, собрал, батюшка-барин!» — «Куда ж ты ее девал?» — «Вам да свиньям пятьдесят четвертей; черному псу да моему родному отцу сорок четвертей; суке Галяме да матери Ульяне тридцать четвертей; уткам да курам, сестрам твоим дурам, двадцать четвертей». — «Что ты, дурак, ругаешься?» — «Батюшка-барин, пословица така!» — «Был ли ты на рынке?» — «Был, батюшка-барин, был». — «Велик ли торг?» — «Я с ним не мерился». — «Силен ли он?» — «Я с ним не боролся». — «Почем там мука?» — «По кулям да по мешкам». — «Ты, говорят, Фомку женил?» — «Женил, батюшка-барин, женил». — «А богата невеста?» — «Богата, батюшка-барин, дюже богата!» — «Что богатства?» — «Чепчик с клиньем, да колпак с рукавами, чугуна коробка, железный замок». — «Богата, богата! А из божества что у ней есть?» — «Картина в лицах, друга в тряпицах...»

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Бывали-живали старик да старушка. У старика, у старушки был сын Иван. Жили они ни много, ни мало: старик помер, а сын вырос. Старуха напярла два мотка. В то

самое времечко занадобилось Ивану ехать на ярмарку; стал проситься у матери: «Я поеду, мати, на ярмарку; стану торговать, из карманов воровать; наторгую много денег и буду богат!» — «Что ты, дитятко! — говорит ему мать. — Этак ведь неладно». — «Небось, ладно будет!» Взял он у старухи мотки пряжены, приехал на ярмарку и начал торговать; продал на десять рублей да украл девяносто — стало всех денег сто рублей. Накупил себе пряников да меду, сел на воз и поехал домой. Едет — не едет, все пряники в мед макает да в рот пихает. Попался ему на дороге барин: скачет на лихой четверне. Увидал барин Ивана, остановился и говорит ему: «Что ты, мужичок, больно роскошно кушаешь? Кажись бы, пряники можно и так есть; а ты еще в мед макаешь!» — «Как же мне роскошно не есть! — отвечает Иван барину. — Ездил я в торг торговать, выторговал десять да украл девяносто рублей; а с тебя хоть бы двести взять». — «А ну, ухитрись!» — «Давай-ка, барин, уговор положим: коли ты мне молвишь: «врешь!» — с тебя двести рублей; а коли удержишься — делай со мной, что сам знаешь». — «Ладно!» — говорит барин.

Вот ударили они по рукам, и начал Иван сказку сказывать: «Был я у отца с матерью малешенек; пошел я как-то в лес; увидел в лесу дерево, а в дереве дупло, а в дупле-то жареные перепелята гнездо свили. Сунул я в дупло руку — не лезет, сунул ногу — не лезет; я согнулся да прыг — и вскочил туда весь. Наелся-накушался, захотел вылезть; не тут-то было! Больно толст от еды сделался, а дыра мала. Я, добрый молодец, догадался, сбегал домой за топором, прорубил дыру и вылез. Вздумалось тогда мне напиться; пришел я к морю, снял череп, зачерпнул воды и напился. Все бы ладно, да уронил череп в воду. Глядь — а он серед моря плавает, утки-гуси в нем гнезда поделали да яйца нанесли. Что делать? Раз топором кинул — недокинул, в другой кинул — перекинул, а в третий совсем не попал. Вот так-то я всех гусей-уток побил; яйца сами улетели. Опосля того зашел я по конец моря, взял да зажег; как все море выгорело — я достал свой череп и пошел по белу свету разгуливать».

«Бай, бай, мужичок! — говорит барин. — Все это правда истинная!» — «Поехал я в лес за дровами. Пока там-сям бродил да дрова рубил, серые волки набежали, у моей лошаденки брюхо прорвали. Только я догадлив был: вырубил березовый прут да бегом к лошади; кишки все собрал, в брюхо поклат и зашил березовым прутом. Наложил целый воз дров и стал в путь собираться, трогаю лошадь, она ни с места! Что за диво? Смотрю, а березовый-то прут вырос высоко-высоко, так за облако и задевает верхушкою. Вот я полез на небо; все там выглядел, все там высмотрел. Пора и назад спускаться; на мою беду лошаденка с места дернула и свалила вербу. Как быть, чем горю пособить? Набрал я пыли-копоти, свил канат, привязал его за облако и давай спускаться вниз. Спускался-спускался, пока канату недостало. Что же я вздумал: сверху-то отрежу, да на низ наставлю; отрежу да наставлю, отрежу да наставлю, а сам все вниз спускаюсь. До того дошло, что резать-то нечего, а до земли еще далеко! Вот поднялся сильный ветер; уж меня качало-качало, во все стороны бросало! Канат оборвался, и упал я в самую преисподнюю. Насилу оттуда выбрался! Да, был я, барин, в аду; видел, как на твоём отце навоз возят...» — «Что ты, дурак, врешь!» А Ивану того только и надобно; взял с барина по уговору двести рублей и поехал домой. Мать ему обрадовалась; тотчас назвала гостей, сродников, и подняли они пир великий; на том пиру и я был, мед-вино пил, по усу текло, во рту сухо было. Дали мне колпак, стали в шею толкать; дали мне шлык, а я под ворота шмыг! Сказке конец, а мне меду корец.

* * *

Жили два брата умных, а третий дурак. Вот однажды поехали они на чащу, и захотелось им там пообедать; насыпали они круп в горшок, налили воды холодной (так командовал дурак), а огня не знали где добыть. Неподалеку от них был пчельник. Вот большой брат и говорит: «Пойти мне за огнем на пчельник». Приходит и говорит

старик: «Дедушка, дай мне огоньку». А дед говорит: «Сыграй прежде песенку мне». — «Да я, дедушка, не умею». — «Ну, попляши». — «Я, дедушка, не горазд». — «А, не горазд, так нет тебе и огня!» К тому ж за провинку взял вынул у него из спины ремень. И приходит этот большой брат без огня к своим братьям. Тут средний брат закроптался на него, говоря: «Экой ты, брат! Не принес нам огню! Да-ка я пойду», — и пошел. Пришел на пчельник и кричит: «Дедушка, пожалуй мне огоньку!» — «Ну-ка, свет, сыграй мне песенку!» — «Я не умею». — «Ну, сказку скажи». — «Да я, дедушка, ничего не умею». Старик взял и у этого брата вырезал из спины ремень. Приходит и этот без огню к своим братьям. Вот умные братья и поглядывают друг на друга.

Дурак все смотрел на них и проговорил: «Эх вы, умные братцы, не взяли вы огню!» — и пошел сам за огнем. Приходит и говорит: «Дедушка, нет ли у тебя огоньку?» А дед говорит: «Попляши прежде!» — «Я не умею», — отвечал дурак. «Ну, сказку скажи». — «Вот это так мое дело, — сказал дурак, присаживаясь на лежащий плетень, — да смотри, — продолжает дурак, — садись-ка насупротив меня, слушай, да не перебивай, а если перебьешь, то из спины твоей три ремня». Вот старик сел напротив его — к солнцу лысиной, а лысина была большая. Дурак откашлялся и начал сказку: «Ну, слушай же, дед!» — «Слушаю, свет!» — отвечал старик.

«Была у меня, дедушка, легонькая лошаденка; я на ней ежжал в лес сечь дрова. Вот однажды сидел я на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит — трюк, трюк, а топор-то ей по спине — стук, стук; вот стучал, стучал, да и отсек ей зад. Ну, слушай, дед!» — говорит дурак, а сам его голицею* по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот я на передке этом еще три года ездил, да потом как-то нечаянно в лугах увидал задок моей лошади; ходит он и траву щиплет. Я взял поймал его и пришел к передку, пришел, да еще три года ездил. Слушай, дед!» А сам опять

* Голица — рукавица

голицею его по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Ездил-ездил, приехал я в лес и увидал тут высокий дуб; начал по нем лезть и залез на небо. Вот увидал я там, что скотина дешева, только комары да мухи дороги, взял и слез на землю, наловил я мух и комарей два куля, взвалил их на спину и вскарабкался опять на небо. Сложил кули и стал раздавать грешным людям: отдаю я муху с комаренком, а беру с них на обмен корову с теленком, — и набрал столько скотины, что и сметы нет. Вот и погнал я скотину, пригнал я к тому месту, где взлезал, — хватился: дуб-то подсекли. Тут я пригорюнился и думал, как мне с неба слезть, и вздумал, наконец, сделать веревку до земли: для этого перерезал я всю скотину, сделал долгий ремень и начал спускаться. Вот спускался-спускался, и не хватило у меня ремнев вышиною поболее твоего шалаша, дедушка, а спрыгнуть побоялся. Слушай, дед!» А сам голицею по лысине его щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот мужик на мое счастье веет овес: полова-то* летит вверх, а я хватаю да веревку мотаю. Вдруг поднялся сильный ветер и начал меня качать туда и сюда, то в Москву, то в Питер; оторвалась у меня веревка из половы, и забросило меня ветром в тину. Весь я ушел в тину, одна голова лишь осталась; вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо. Вот повадился бирюк ходить на болото и есть яйца. Я как-нибудь вытянул из тины руку и ухватился за хвост бирюку, как стоял он подле меня, ухватился и закричал громко: тю-лю-лю-лю! Он меня и выгацил из тины. Слушаешь, дед?» А сам голицею его по лбу щелк! «Слушаю, свет!»

Видит, дурак, что дело-то плохо: сказка вся, а дед сдержал свое слово, не перебивал его; чтобы раздражить старика, начал дурак иную побаску: «Мой дедушка на твоём дедушке верхом ежжал...» — «Нет, мой на твоём ежжал верхом!» — перебил сказку старик. Дурак тому и рад, того и добивался, свалил старика и вырезал у него из спины три ремня; взял огня и пришел к своим братьям. Тут разложили они огонь, поставили горшок с крупами на таган и

* Мякина, телуха

начали варить кашу. Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

* * *

У одного мужика много было гороху насеяно. Повадились журавли летать, горох клевать. «Постой,— вздумал мужик,— я вам переломаю ноги!» Купил ведро вина, вылил в корыто, намешал туда меду; корыто поставил на телегу и поехал в поле. Приехал к своей полосе, выставил корыто с вином да с медом наземь, а сам отошел подальше и лег отдохнуть. Вот прилетели журавли, поклевали гороху, увидели вино и так натюкались, что тут же попадали. Мужик — не промах, сейчас прибежал и давай им веревками ноги вязать. Опутал веревками, прицепил за телегу и поехал домой.

Дорогой-то порастрясло журавлей; протрезвились они, почувствовались; стали крыльями похлопывать, поднялись, полетели и понесли с собою и мужика, и телегу, и лошадь. Высоко! Мужик взял нож, обрезал веревки и упал прямо в болото. Целые сутки в тине сидел, едва оттуда выбрался. Воротился домой — жена родила, надо за попом ехать, ребенка крестить. «Нет,— говорит,— не поеду за попом!» — «Отчего так?» — «Журавлей боюсь! Опять понесут по поднебесью; пожалуй, с телеги сорвусь, до смерти ушибусь!» — «Не бойсь! Мы тебя к телеге канатом прикрутим».

Вот хорошо, положили его в телегу, обвязали канатом, лошадь поворотили на дорогу; стегнули раз, другой — она и поплелась рысцою. За деревней-то был колодец, а лошадь-то была не поена; вздумалось ей напиться, свернула с дороги в сторону и прямо к колодцу; а колодец был без сруба, а упряжь-то без шлеи, и узда без повода, а хомут большой, просторный; лошадь наклонилась к воде, а хомут через голову и съехал долой. Вот лошадь напилась и пошла назад, а мужик с телегою остался у колодца. На ту пору выгнали охотники из лесу медведя; медведь бросился со всех ног, набежал на телегу, хотел перескочить, прыгнул —

да прямо в хомут и попал! Видит, что беда на носу, и пошел валять что есть силы с телегою. «Батюшки, помогите!» — кричит мужик.

От того крику медведь еще пуще напугался; пошел таскать по кочкам, по яругам, по болотам. Прибежал на пчельник, полез на дерево и телегу за собой потащил — захотелось, видно, медку попробовать. Влез на самую верхушку, а телега вниз тянет: бедный медведь и сам не рад, ни взад, ни вперед! Немного спустя времени пришел хозяин, увидел медведя. «Ага,— говорит,— попался! Вишь ты какой бездельник, Мишка: не просто за медом пришел, на телеге приехал!» Схватил топор и ну рубить дерево под самый корень. Дерево повалилось наземь, разбило телегу и задавило совсем мужика; а медведь выскочил из хомута да бежать: только унеси бог ноги! Вот каковы журавли!

* * *

Пустил мужик петуха в подвал; петух там нашел горошинку и стал кур скликать. Мужик услышал про находку, вынул петуха, а горошинку полил водою. Вот она и начала расти; росла-росла — выросла до полу. Мужик пол прорубил, горошинка опять начала расти; росла-росла — доросла до потолка. Мужик потолок прорубил, горошинка опять росла-росла — доросла до крыши. Мужик и крышу разобрал, стала горошинка еще выше расти; росла-росла — доросла до небушка. Вот мужик и говорит жене: «Жена, а жена! Полезу я на небушко, посмотрю, что там деется? Кажись, там и сахару и меду — всего вдоволь!» — «Позай, коли хочешь».

Мужик и полез на небушко, лез-лез, насили влез. Входит в хоромы: везде такое загляденье, что он чуть было глаз не проглядел! Среди хором стоит печка, в печке и гусятины, и поросятины, и пирогов — видимо-невидимо! Одно слово сказать — чего только душа хочет, все есть! Сторожит ту печку коза о семи глазах. Мужик догадался, что надобно делать, и стал про себя приговаривать: «Засни, глазок, засни, глазок!» Один глаз у козы заснул. Мужик стал пригова-

ривать погромче: «Засни, другой, засни, другой!» И другой глаз заснул. Таким побытом все шесть глаз у козы заснули; а седьмого глаза, который был у козы на спине, мужик не заметил и не заговорил. Недолго он думал, полез в печку, напился-наелся, насахарился; вылез оттуда и лег на лавочку отдохнуть. Пришел хозяин, а коза про все ему и рассказала: вишь, она все-то видела седьмым глазком. Хозяин осердился, кликнул своих слуг, и прогнали мужика взащей.

Побрел он к тому самому месту, где была горошинка: глянул — нет горошинки. Что будешь делать? Начал собирать паутину, что летает летом по воздуху; собрал паутину и свил веревочку; зацепил эту веревочку за край неба и стал спускаться. Спускался-спускался, хватъ — веревочка вся, а до земли еще далеко-далеко; он перекрестился — и бух! Летел-летел и упал в болото. Долго ли, коротко ли сидел он в болоте (а сидел он в болоте по самую шею), только вздумалось утке на его голове гнездо свить; свила гнездо и положила яйца. Мужик ухитрился, подкараулил утку и поймал ее за хвост. Утка билась, билась и выпатила-таки мужика из болота. Он взял и утку и яйца, принес домой и рассказал про все жене.

Не то чудо из чудес,
Что мужик упал с небес;
А то чудо из чудес,
Как он туда залез!

* * *

У одного старика было три сына: старший — говорлив, средний — говорлив, а мальи́й — как черт, все молчит. Пошли эти детки лесовать, а огниво дома позабыли. Ходили день до вечера, привелось ужинать, а огня нету. Большой брат был смысловатее: взлез на лесину, увидел — вдалеке огонек горит, и пошел в ту сторону. Приходит к старику: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня». — «Нет, брат, скажи небыль, тогда и огня дам; а скажешь быль — из спины ремень выкрою».

Стал ему мужик сказывать; что ни скажет, все быль да быль; повалил его старик наземь, выкроил из спины ремень и отпустил к братьям.

Пошел средний добывать огня, дошел до старика: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня». — «А скажи, брат, небыль, тогда и огня дам; а скажешь быль — из спины ремень выкрою». И этот мужик что ни скажет, все быль да быль; старик выкроил из его спины ремень и отпустил к братьям. Воротился средний брат и говорит младшему: «Поди ты, брат, тебя звали».

Пошел младший: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня». — «Скажи небыль, тогда и огня дам; а коли быль скажешь — из спины ремень выкрою». — «Ладно, старый старичище, только чур: не перебивать, а перебеешь — из твоей спины три ремня вырезать».

И стал сказывать: «Было нас у отца у матери тридцать девять братьев, да была у нас кобыла о тридцати восьми пежинах. Мы на той кобыле ездили, гуляли по чистому полю; всякий на свою пежину садится, а мне, грешному, нет пежинки. Выехали раз братья в чистое поле погулять, а я за ними; ездили день, наехали на пень; кобыла лягнула да хвостом махнула, увидал я на хвосте у ней пежинку, привскочил да и сел. Поехали мы не знаю куда, приехали на базар, спрашиваем: «Люди добрые! Что дешево и что тут дорого?» — «Дешевы за морем коровы, дороги мухи; за муху с мушонком дают корову с теленком, за крупных оводов — больших быков». Наловили мы тут мух целых три куля, приехали к морю синему. Как нам переправиться? Сине море широко и глубоко. Братья плакать-горевать, а я не тужу да песни пою; сел на куль, переплыл море и наменял коров да быков три табуна. Взяло меня раздумье: как назад ворочаться? Если корабли наймовать — дорого возьмут; если стадо плавком пускать — половина потонет. Вот я схватил одну корову за хвост, махал-махал, да как пуцу — так на другой берег и ткнулась, раз-другой на лету перевернулась. Перемахал я все три табуна: оставался один бык-бурище. Взял и его за хвост, обвил кру-

гом руки крепко-накрепко, собрался с силою, развернулся да как махну — так вместе с быком и перелетел за море.

Тут услышал я, что на небе люди босиком ходят, и задумал там побывать, сапогами промышлять. Товар-то у меня некупленный: перебил коров да быков, захватил с собой кожи и полез на небо. Туда-то не хитро влезть; как назад воротиться? В те поры я догадлив был: оставалось у меня с десятков кож; я те кожи на ремни порезал, ремни зацепил за сваю, сваю вколотил в облако и пошел спускаться. Еще далеко-далеко до земли, а ремней не достало. Только я не тужу, по сторонам гляжу; поп овес веет, полова вверх летит. Я скорей половину ловить да веревку вить; вил-вил, мертвую крысу завил. Ни с того ни с сего крыса ожила, принялась за веревку, грызла-грызла, совсем перегрызла. Я упал да в тине застрял. Прибежала супоросая лиса, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо серый волк, лисенят уволок: «За лисою приду, все гнездо разорю!»

Я тем временем выгацил из болота руки, и только пришел серый волк гнездо разорять — я хватя его за хвост. Тю-тю-тю! Волк бежать: раз рванул — меня вытянул, в другой рванул, — хвост оборвал. Я взял хвост распорол, там ящик нашел, в ящике — грамотка, а в грамотке написано, что твой отец моему отцу будет век платить кабалы, напраслины...» — «Что ты, дурак! Когда это было?» — перебил старик. «Эх, старый черт, не вытерпел; подавай из спины три ремня», — сказал мужик; выкроил три ремня, взял огню и воротился к братьям.

* * *

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик; у него три сына: два умных, третий дурак. Послал их отец землю пахать. Вот они пахали, пахали — до самого вечера, пришлось ночевать в поле; надо на ужин кашу варить, да за огнем куда идтить? Старший брат взлез на дерево, туда-сюда поглазел и увидел: в одной стороне как будто огонь горит; слез наземь и пошел огня добывать.

Идет себе да идет — стоит на пути избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке сидит седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка!» — «Дай огоньку». — «Скажи сказочку». — «Не умею». — «Скажи присказку». — «Не смею». — «Коли так, отвечай спиной!» Выдрал у него из спины ремень, посыпал то место золой и пустил без огня домой.

Воротился парень к братьям и рассказывает, что не мог найти. «Экой ты гусь! Разве мне пойти», — говорит середний брат. Пошел, и с ним случилось то же самое. «Ну, дурак, ступай теперь ты». Поплелся дурак — стоит избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке — седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка!» — «Дай огоньку». — «Скажи сказочку». — «Сказал бы, да ты поперечить будешь». — «Нет, не буду; я люблю, коли мне сказки рассказывают». — «Ну так сделаем уговор; кто поперечить станет — у того из спины ремень». — «Ладно!» Вот и начал дурак:

«Было нас, дедушка, три брата, поехали мы траву косить, приезжаем — хватя: нет ни одной косы, дома забыли! Что делать, чем косить? Только мы догадливы были, давай косить дугами; махали-махали, три стога наметали. Стали домой ворочаться: едем мимо лесу и слышим крик-гам великий. Что такое? Медведь со шмелем дерется. Шмель кричит: «Мне пособи́те!» Медведь кричит: «Мне пособи́те!» Как тут быть, кому пособи́ть? Если шмелю, так он вырвется да улетит. Пособили медведю; убили шмеля и надавили вошин семь лошин, а меду с сennую копну набрали. Из тех вошин я слепил себе кобылку да три года на ней ездил. Раз как-то поехал я на зеленя; еду, ничего не ведаю, глядь назад — половины лошади нет: на передке сижу, а задок по зеленым бегаёт. Я ловил его, ловил, насилу поймал; взял да лычком обе половины сшил да еще три года ездил.

В некое время случилось мне ехать возле озера: на том озере утка гнездо свила. Я сейчас вырубил три полена: одно — липовое, другое — лутоховое, а третье — с чего

лыки дерут; одним бросил — недошвырнул, другим бросил — перешвырнул, а третьим как раз в утку угодил: утка полетела, а я, дедушка, гнездо потащил, полну лодку яиц навалил: в целый год не съесть! Захотелось мне напиться; влез я в озеро по самую глотку, а почерпнуть воды нечем; вот я снял с головы череп да тем и напился. Оглянулся назад: лошадь моя далеко ушла; побежал за нею, да череп и позабыл. Пока изловил я лошадь, тем временем череп уплыл; прилетела утка, нанесла в нем яичек и вывела деток. Захватил я все гнездо; череп на себя надел, а птиц зажарил да поел.

Еду после того по лесу; мужик на дубу горох молотит: гороховина наземь валится, а горох по сучкам садится. Полез я, дедушка, горох собирать, сижу на дереве, собираю, ничего не знаю. А дуб рос-рос, до небес дорос. Влез я на небеса посмотреть-посудить, что там деется. Только у нашего попа завистные глаза: взял он этот дуб срубил, к себе на двор стащил. Как быть? Спасибо, там коровы дешевы: телушка по мушке, за быка слепня дают. Вот я целый кошель мух наловил да телушек накопил; стал их резать, кожи драть, ремни вязать. Зацепил ремень за край неба и давай вниз спускаться; спускался-спускался: гляжу — ремень-то весь, а до земли далеко: коли прыгнуть — убьешься! На мое счастье мужик овес веял: я все мякину ловил да веревку вил. Только та веревка оборвалась; я упал, чуть не убилися, на тот свет провалился; видел там всех покойников: как мой-то батюшка на твоём дедушке воду возит...» — «Что ты, дурак! Будто и правда?» — перебил старик. Дурак тотчас его повалил, вырезал из спины ремень, взял огню и воротился к братьям: «Вот вам огонь, варите-ка кашу!»

* * *

Жил я с дедушкой, а батька мой тогда ещё не родился: по тому самому, как начался свет, — было мне семь лет. Жили мы куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика; глазом не окинешь, а взглянуть не на что;

светом обгорожен, небом покрыт. Лошадей было много: шесть кошек ежальных, двенадцать котов стоялых; один жеребец бойкий — кот сибирский был на цепь прикован возле печки к столбу. Земли у нас с дедом было видимо-невидимо: пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы отдавали. Родилось хлеба много; стали убирать — девать некуда. Дед был умен, а я догадив; склали скирду на печном столбу; велика скирда — глазом не окинешь, хоть взглянуть не на что! И завелись в ней мыши, стали хлеб точить; жеребец наш бойкий — кот сибирский прыг на столб — мышей не изловил, скирду в лохань уронил. Дед голосом завыл, а я заголосил: «Чем теперь кормиться-то будем?» Только дед был умен, а я догадлив; вытащили хлеб из лохани, пересушили и обмолотили.

Время было к празднику, стали мы солод готовить да пиво варить; как в ложке затерли, в корце развели — вышло пива с целую бочку. Что гостей-то к нам привалило — и в дом и на двор, по улице пройтись нельзя от народу! Дед выставил бочку с пивом, принес большущий ковш и давай всех поить-угощать. Стали к нему гости подходить; а дед был очень прост — всякому по полному ковшу: как кому поднесет, да за волосы потрясет, да четвертным поленом по затылку оплетет, так и с ног долой! Сколько тут пьяных набралось — по двору, по улице как шмели ползают! Перепоили мы с дедом всю деревню, да так перепоили — который и проспится, так опохмелиться не хочет; а пива все-таки осталось немало — целую неделю мы с дедом пили, насилу выпили.

После того смотрю я — дров в дому ни полена, а топить надобно. Была у нас лошадь серая: упряжь чудесная, да запрячь не во что. «Ступай», — говорит мне дедушка, — запрягай лошадь, поезжай в лес за дровами». Я надел кафтанишко худенький, заткнул топор за пояс, сел верхом и поехал в путь. Еду рысью скорою, а топор тяп да ляп, и перерубил мою лошадь пополам. Оглянулся назад — ан на одном передке еду: задок далеко отстал. Я кликать, я звать — прибежал задок. Что долго думать, составил обе

половинки, смазал глиною, дал шпоры под бока — и откуда прыть взялась! Приехал в лес, нарубил дров, наклак большущий воз и привязал веревкою за хвост. Как крикну — лошадь сгорячахватила, по уши в грязь угодила. Я за дедом; тот был умен, а я догадлив; взялись оба за хвост и ну тянуть; тащили-тащили, да шкуру долой и стащили! Дед голосом завыл, я заголосил. Не на чем было ехать; приходим домой и горюем. Только глядь в окно, а лошадь наша стоит у ворот, сама пришла. Дед засмеялся, я захохотал: лошадь-то дома, а шкура в барышах досталась.

У нас на дворе рос высокий дуб; усмотрел я, что на том дубу много птицы водится, и полез добывать дичинки. Я лезу, а дуб все растет да растет, и упер верхушкою в небо. Пришло мне на мысль: дай пощупаю, крепко ли небо? Только рукой за край взялся, дуб подо мной и свалился; повис было на одной руке, да потом ухитрился и взобрался на небо. День хожу, и два и три хожу; совсем отоцал-исхудал: есть-то нечего! С той худобы завелися вши немалые; а я догадлив был, принялся их ловить, шкурки драить да ремешки кроить; свил веревочку, привязал за край неба и начал спускаться. На беду не хватило веревочки. Пришлось бы мне долго висеть промеж неба и земли, да мужик вышел овес веять: несет ветерком ко мне полову, а я-то ловлю да веревку вью. Ни много, ни мало прошло времени, перестал мужик овес веять, а веревки все не хватает. Что тут делать? Была не была, прыгнул наземь и попал в трясины; по самые уши утонул.

Сижу день, и два, и три; волоса ветром разбило. Прилетела утка, свила себе на моей голове гнездышко и снесла яичко. Я хотел было взять яйцо да съесть, уж и руку протянул, да одумался: пусть еще снесет, тогда за один раз наемся. На другой день снесла утка второе яичко; а я себе на уме: подожду еще денек, авось снесет третье. Наутро слышу я — шум шумит: идет волк болотом; подошел к гнезду и поел яйца; поел и хочет назад идти, а я тем временем намотал хвост его на руку и крикнул во все свое горло. Волк с испугу бросился в сторону и вытащил меня

из трясины. Воротился я домой; дед засмеялся, я захохотал; тут и батька мой родился.

* * *

Как у нас на селе заспорил Лука с Петром, сомутилась вода с песком, у невестки с золовками был бой большой; на том на бою кашу-горюху поранили, киселя-горюна во полон полонили, репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили. А я на бой не поспел, на лавочке просидел. В то время жили мы шесть братьев — все Агафоны, батюшка был Тарас, а матушка — не помню, как звалась; да что до названья? Пусть будет Маланья. Я-то родом был меньшей, да разумом большой. Вот поехали люди землю пахать, а мы шесть братьев руками махать. Люди-то думают: мы пашем да на лошадей руками машем, а мы промеж себя управляемся. А батюшка навязал на кнут зерно гречихи, махнул раз-другой и забросил далеко.

Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать, а мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали, и наставили много хлеба: скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить — вышла целая горсть гречихи. На другой год батюшка спрашивает: «Сынки мои возлюбленные, где нам нынче гречиху сеять?» Я — брат меньшей, да разумом большой, говорю батюшке: «Посеем на печке, потому что земля та порожняя; все равно круглый год гуляет!» Посеяли на печке, а изба у нас была большая: на первом венце порог, на другом потолок, окна и двери буравом наверхены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожа.

Батюшка был тогда больно заботлив, рано утром вставал — чуть заря занимается, и все на улице глазел. Мороз-то и заберись к нам в окно да на печку; вся гречиха позябла. Вот шесть братьев стали горевать, как гречиху с печи собирать? А я — родом хоть меньшей, да разумом большой. «Надобно, — говорю, — гречиху скосить, в омет свозить». — «Где же нам омет метать?» — «Как где? На печном столбе: место порожнее». Сметали большой омет.

Была у нас в дому кошка лыса: почуй она, что в гречихе крыса, бросилась ловить и прямо-таки о печной столб лбом пришлась; омет упал да в лохань попал. Шесть братьев горевать, как из лохани омет убирать? На ту пору пришла кобыла сера, омет из лохани съела; стала вон из избы бежать, да в дверях и завязала: таково-то с гречихи у ней брюхо расперло! Задние ноги в избе, а передние на улице. Зачала она скакать, избу по улице таскать; а мы сидим да глядим: что-то будет! Вот как брюхо у кобылы-то опало, я сейчас в гриву ей вцепился, верхом на нее ввалился и поехал в кабак. Выпил винца, разгулялся добрый молодец; попалось мне в глаза у целовальника ружье славное. «Что, — спрашиваю, — заветное аль продажное?» — «Продажное». Ну, хоть полтину и заплатил, да ружье купил.

Поехал в дубовую рощу за дичью; гляжу: сидит тетерев на дубу. Я прицелился, а кремня-то нет! Коли в город за кремнем ехать — будет десять верст; далеко; пожалуй, птица улетит. Думаючи этак сам с собою, задел невзначай полущубком за дубовый сук; кобыла моя рванула с испугу да как треснет меня башкой о дерево — так искры из глаз и посыпались! Одна искра упала на полку, ружье выстрелило и убило тетерева; тетерев вниз упал да на зайца попал; а заяц сгоряча вскочил, да что про меня дичины набил! Тут я обозом в Саратов отправился; торговал-продавал, на пятьсот рублей дичины сбывал. На те деньги я женился, взял себе славную хозяйку: коли вдоль улицы пройдет, всю подолом заметет; малые ребятишки встречают, полянками кидают. Не надо покупать ни дров, ни лучины; живу себе без кручины.

* * *

Уродился я ни мал, ни велик — всего-то с игольное ушко, не то с приворотную надолбу. Пошел я в лес, самое дремучее дерево рубить — крапиву. Раз тяпнул — дерево качается, в другой тяпнул — ничего не слышно, в третий тяпнул — выскочил кусок мне, добру молодцу, в лобок. Тут я, добрый молодец, трой сутки пролежал; никто меня

не знал, не видал, только знала-видала меня рогатая скотина — таракан да жужелица. Встал я, добрый молодец, отряхнулся, на все четыре стороны оглянулся, побрел по берегу, по берегу все не нашему. Стоит река — вся из молока, берега из киселя. Вот я, добрый молодец, киселя наелся, молока нахлебался... Пошел я по берегу, по берегу все не нашему; стоит церковь — из пирогов складена, оладьями повершена, блином накрыта. Вступил я на паперть, вижу двери — калачом двери заперты, кишкою бараньей задержены. Тут я, добрый молодец, догадался, калач переломил да съел, кишку собакам отдал. Вошел я в церковь, в ней все не по-нашему: паникадило-то репяное, свечи морковные, образа пряничные. Выскочил поп толоконный лоб, присел — я его и съел. Пошел я по берегу, по берегу все не нашему: ходит тут бык печеный, в боку нож точеный. Кому надо закусить, изволь резать да кроить.

* * *

Я встал поутру, обувался на босу ногу, топор надевал, трой лыжи под пояс подтыкал, дубинкою подпоясался, кушаком подпирался. Шел я не путем, не дорогой; подле лыков горы драл; увидел на утке озеро, топор в ее шиб — недошиб, другим шиб — перешиб, третьим шиб — попало, да мимо; утка-то скулбалась*, озеро-то улетело. И пошел я в чисто поле, увидел: под дубом корова бабу доит. Я говорю: «Тетенька, маменька, дай мне-ка полтора молока пресного ставца». Она меня послала в незнамую деревню, в небывалую избу. Я пошел и пришел: квашня бабу месит. Я говорю: «Тетенька, маменька, дай мне-ка теста». Она выхватила из мутовки квашню: хлысь по зубам. Я бежать. Вышел на улку; тут лайка собачит на меня; мне-ка чем оборониться? Я увидел: на снях дорога, выхватил из оглобель сани, хлысь лайке по зубам и пошел домой, да с горя спать повалился.

* Всколебалась

БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНЮЮ

Старину скажу стародавнюю,
Стародавнюю, небывалую;
Старика свяжу со старухой,
Со старухой с кособрюхою.
То вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
Середа моря оwin горит,
По чисту полю корабль бежит!
То вам не чудо, не диковинка,
Еще вот вам чудо чуднее того:
Уж как кутюшка бычка родила,
Поросеночек яичко снес!
Это вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
Мужики на улице заезки бьют,
Заезки бьют, они рыб ловят!
То вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
По поднебесью медведь летит,
Ушками, лапками помахивает,
Серым хвостиком поправливает;
На дубу кобыла белку злаяла,
В стойле сука в запрягу стоит,
В осеку* овца гнездо свила!
И тому чуду не дивуйтесь:
С горы корова на лыжах катится,
Расширя ноги, глаза выпуча!
И то не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
Сын на матери снопы возил,
Молода жена в пристяжи была;
Сын матушку припонюживал,
Молоду жену призадерживал!

* Осек — изгородь из кольев, отделяющая пажить от лугов или селение от полей

Я еще видел чудо-диковинку
Бьется сноха со свекровкою,
Большим боём бьются — мутовками,
Ложками стреляли во чисто поле;
Устрелили татарина мертвого,
Кафтан с него сняли рогозяный,
Опоясочку с него сняли лычану,
Сапоги с него сняли берестяные.
Кто богат да скуп: пива не варит,
Нас, молодец, не кормит, не поит,
Тому даст бог кошечье вздыханье,
Собачье взрыданье.
Небогатому, да тороватому,
Кто пиво варит, нас, молодец, поит,
Даст бог на поле приплод,
На гумне примолот.
В квашне спорину*,
На столе сдвижину.
С пива с того приупился мужик,
Приупившись, сам на сарае лежит,
У рта кроха — полтора колпака...

УДАЛОЙ БАТРАК

У одного мирошника был работник. Мирошник послал его засыпать на ковш пшеницы, а работник пошел и засыпал-то на камень. Мельница завертелася, а пшеница вся разметалася. Хозяин как пришел на мельницу и как увидел разметанную пшеницу — и согнал работника. Работник пошел домой, в свое село, и заплутался. Вот зашел он в этакие кусты и лег спать. Приходит бирюк; видит, что работник спит, и подошел к нему близко, стал его обнюхивать, а работник-то ухватил бирюка за хвост, убил его и снял с него шкуру!

Вот работник вышел на гору, а на горе стояла пустая мельница: он у этой мельницы и остановился ночевать.

* Прибыль

Приехали три человека, разбойники; развели в мельнице огонь и начали дуван дуванить*. Один разбойник говорит: «Я свою часть положу под испод мельницы»; другой разбойник: «А я под колесо подпихну»; а третий говорит: «Я в ковш спрячу». А работник лежит в ковше и, убоившись, как бы разбойники его не убили, вздумал себе: «Дай я вон так-то закричу: Денис, ступай туда на низ; а ты, Хвока, гляди с бока; а ты, мальи, гляди там, а я тут! Держи их, ребята! Бей их, ребята!» Разбойники уробели, бросили свое имение и разбежались.

Работник вылез из ковша, подобрал все богатство и пошел домой; приходит и рассказывает отцу с матерью: «Вот все, что я заработал на мельнице. Наедем теперь, дедушка, на базар, и купим себе ружье, и будем охотничать». Поехали себе на базар, купили ружье и едут с базару. Вот работник и говорит деду: «Ты, дедушка, гляди, не попадетсЯ ли нам заяц, лиса, а не то куница». Едут да оба дремлют, и наконец уснули. Где ни взялись два бирюка, зарезали у них лошадь и съели всю. Дедушка проснулся да как стегнет кнутом — думал по лошади, ан по бирюку! Бирюк-то попал в хомут и давай носить, а дед правит. А другой бирюк сзади хочет ухватить работника, и тот бирюк-то был с щербиной. Работник как стегнет бирюка кнутом, а он хотел кнут-то зубами поймать, да на кнута был узел, — этот узел и застрял у бирюка в щербине! Работник и потащил его за телегою. Один бирюк везет, а другой сзади идет.

Вот приехали они домой; собачка выскочила и давай лаять. Бирюки испугались, один как повернул круто — тележка и опрокинулась, работник с стариком упали на землю; тут бирюк из хомута выскочил, а работник кнут из рук выпустил, так оба бирюка и убежали, а старик с работником остались ни при чем.

Жили они богато; двор у них кольцом, три жердины конец с концом, три кола забито, три хворостины завито, небом накрыто, а светом обгорожено!

* Делить награбленное, добычу, дуван — добыча, раздел добычи

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой. У них было три сына, третьего звали Иван-дурак. Первые двое женатые, а Иван-дурак холостой; два брата занимались делом, управляли домом, пахали и сеяли, третий же ничего не делал. Один раз отец и снохи стали Ивана посылать на поле допахать сколько-то лех пашни. Парень поехал, приехал на пашню, запряг лошадь, проехал с сохой раз ли, два ли, видит: счету нет комаров да мошек; он схватил хлыстик, стегнул по боку лошадь, убил их без сметы; ударил по другому, убил сорок паутов* и думает: «Ведь я на один замах убил сорок богатыйрей, а мелкой сошки сметы нет!» Взял их всех положил в кучу и завалил конским калом; сам не стал пахать, выпряг лошадь, поехал домой. Приезжает домой и говорит снохам и матери: «Давайте мне полог и седло, а ты, батюшка, давай саблю, котора у тебя висит — на стене заржавела. Что я за мужик! У меня ничего нет».

Те посмеялись над ним и дали на смех какой-то расколтый тюрик наместо седла; парень наш приделал к нему подпруги и надел на худую кобыленку. Вместо пологу мать дала какой-то старый дубас; он и то взял, да взял саблю у отца, пошел, выточил, собрался и поехал. Доезжает до росстаней — а был еще мало-мало грамотный — написал на столбе: приезжали бы сильные богатыри Илья Муромец и Федор Лыжников в такое-то государство к сильному и могучему богатырю, который на один помах убил сорок богатыйрей, а мелкой сошки сметы нет, и всех их камнем привалил.

Точно, после его приезжает богатырь Илья Муромец, видит на столбе надпись: «Ба, — говорит, — проехал сильный, могучий богатырь: послушаться не годно». Поехал, догонят Ванюху; далеко не доехал, снял шапку и кланяется: «Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха не ломат шапки, говорит: «Здорово, Илюха!» Поехали вместе.

* Паут — слепень или овод

Не чрез долго времени к тому же столбу приехал Федор Лыжников, видит, на столбе написано, послушаться не годно: Илья Муромец проехал! — и он поехал туда же; так же далеко не доехал до Ванюхи — снимат шапку, говорит: «Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха шапки не ломат. «Здорово, — говорит, — Федюнька!»

Поехали вместе все трое; приезжают в одно государство, остановились на царских лугах. Богатыри поставили себе шатры, а Ванюха распялил дубас; коней два богатыря спутали шелковыми путами, а Ванюха сорвал прут с дерева, свил его и спутал свою кобылу. Вот и живут. Царь из своего терему увидел, что его любимые луга травят какие-то люди, тотчас отряжат ближнего своего спросить, что за люди? Тот приехал на луга, подошел к Илье Муромцу, спрашивает, что они за люди и как смели без спросу топтать царские луга? Илья Муромец отвечал: «Не наше дело! Спрашивай вон старшого — сильного, могучего богатыря».

Посол подошел к Ванюхе. Тот закричал на него, не дал слова молвить: «Убирайся, докуля жив, и скажи царю, что на его луга приехал сильный, могучий богатырь, который на один помах убил сорок богатырей, а мелкой сошки сметы нет, и камнем привалил, да Илья Муромец и Федор Лыжников с ним, и требует у царя дочь замуж». Тот пересказал это царю. Царь хватил по записям: Илья Муромец и Федор Лыжников есть, а третьего, который убиват на один помах по сороку богатырей, нет в записях. То царь приказал собрать рать, захватить трех богатырей и привести к нему. Где захватить? Ванюха увидел, как стала подходить ближе рать; он крикнул: «Илюха! Ступай прогони их, что за люди?» — сам лежит, растянулся да поглядывает, как сыч.

Илья Муромец на того слова соскочил на коня, погнал, не столько руками бил, сколько конем топтал; всех прибил, оставил только одних язычников царю. Царь услышал эту беду, того больше собрал силы и послал поймать богатырей. Иван-дурак крикнул: «Федюнька! Поди-ка прогони эту сволочь!» Тот соскочил на коня, всех прибил, оставил одних язычников.

Чего делать царю? Дело худо, силу побили богатыри; царь призадумался и вспомнил, что у него в царстве живет сильный богатырь Добрыня. Он посылает к нему письмо, просит приехать победить трех богатырей. Добрыня приехал; царь на третьем балконе встретил его, а Добрыня наверхний подъехал к балкону вровень с царем: вот какой был! Поздоровался, поговорили. Он и поехал на царские луга. Илья Муромец и Федор Лыжников увидели, что к ним едет Добрыня, испугались, соскочили на своих лошадей да ступай-ка оттуда — угнали. А Ванюха не успел. Пока имал свою кобыленку, Добрыня и подъехал к нему, да и смеется, что это за сильный, могучий богатырь? Маленький, худенький! Согнулся головой к самому Ванюхе, смотрит на него, да и любит. Ванюха да как-то не обробел, выхватил свою саблешку, да и ссек ему голову.

Царь это увидел, перепугался: «Ох, — говорит, — богатырь убил Добрыню; беда теперя! Ступайте скорее, зовите богатыря во дворец». За Ванюхой приехал такой почет, что батюшки упаси! Кареты самолучши, люди все изжалованы. Посадили и привезли к царю. Царь его угостил и отдал дочь; обвенчались они, и теперя живут, хлеб жуют.

Я тут был, мед пил; по усам текло, в рот не попало. Дали мне колпак, да почали толкать; дали мне кафтан, я иду домой, а синичка летат и говорит: «Синь да хорош!» Я думал: «Скинь да положи!» Взял скинул, да и положил. Это не сказка, а присказка, сказка впереди!

ФОМА БЕРЕННИКОВ

Жила-была старуха, у нее был кривой сын Фома Беренников. Вот поехал Фома пахать; лошаденка худенькая, взяло его горе, сел на завалинку... мухи около навоза так и жужжат. Схватил он хворостину, да как хлыснет по куче, стал считать: сколько побил? Насчитал пятьсот, да еще много без счету осталось. Решил Фома, что им и сметы нет! Приходит к своему коню, на нем сидит двенадцать оводов; он всех и побил. Воротился Фома Беренников к матери и

просит у ней благословенья великого: «Побил, дескать, мелкой силы — счету нет, да двенадцать могучих богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги великие, а землю пахать — не мое дело богатырское, то дело мужицкое!» Благословила его матушка на подвиги великие, на поприща богатырские. Берет он за плечи тупой серп, за пояс лычный кошель, а в тот кошель кладет тупой косарь.

Вот едет Фома путем-дорогою, стороною незнакомою, и наехал на столб; пишет он на том столбе — не было у него в кармане ни злата, ни серебра, а случился в кармане мел — вот и пишет он мелом: «Проехал здесь богатырь Фома Беренников, который сразу побивает двенадцать могучих богатырей, да опричь того силу несметную». Написал и поехал дальше. Едет той же дорогою Илья Муромец, подъезжает к столбу, видит надпись и говорит: «Видна попрыска* богатырская; не тратит ни злата, ни серебра, один мел!» Написал он серебром: «Вслед за Фомою Беренниковым проехал богатырь Илья Муромец». Наезжает он Фому Беренникова и говорит (устрашился, зная, тоё надписи меляныя): «Могучий богатырь Фома Беренников! Где ехать: спереди или сзади?» — «Ступай сзади!» — отвечает Фома.

Вот едет той же дорогою Алеша Попович млад; наезжает он на тот столб, издавеча видит на том столбе надпись — как жар горит! Прочитал надписи Фомы Беренникова да Ильи Муромца, вынимает из кармана чисто золото и пишет: «За Ильєю Муромцем проехал Алеша Попович млад». Наезжает он Илью Муромца: «Ты скажи, скажи, Илья Муромец, впереди ехать или сзади мне?» — «Не меня испроси, а мово брата старшего Фому Беренникова». Подъехал Алеша Попович млад к Фоме Беренникову: «Удалой боец Фома Беренников! Где укажешь ехать Алеше Поповичу?» — «Ступай сзади!»

Вот едут они путем-дорогою, стороною незнакомою; приезжают они в зелены сады. Илья Муромец и Алеша Попович раскидывают белы шатры, а Фома Беренников

* След

свои портки. А те сады были самого царя, царя прусского, и воевал того царя король китайский с шестью могучими богатырями. Посылает царь прусский грамотку к Фоме Беренникову, а в той грамотке значится: «Воюет меня, царя прусского, король китайский; не будет ли ваша помощь?» Фомка грамоте не больно разумел, посмотрел на грамотку, покачал головою и говорит: «Хорошо!»

Вот подступает король китайский близко к городу; приходят Илья Муромец и Алеша Попович млад к Фоме Беренникову и говорят таково слово: «Подъезжают под царя, к самому городу; надо его защитить. Сам пойдешь или нас пошлешь?» — «Ступай ты, Ильюшка Муромец!» Побил Илья Муромец всех. А после того приводит король китайский еще шесть богатырей и рать-силу несметную. Илья Муромец с Алешей Поповичем приходят к Фомке Беренникову: «Ты скажи, скажи, Фома Беренников, сам пойдешь или нас пошлешь?» — «Ступай ты, брат, Алешка Попович млад!» Поехал Алеша Попович млад и побил всю рать-силу несметную и тех шесть могучих богатырей. Говорит китайский король: «Есть у меня еще один богатырь, берег его на племя; пуцу и его теперь!»

Вот приводит он рать-силу несметную и с нею богатыря могучего, заветного, и говорит король своему богатырю: «Не силой бьет нас русский богатырь, а хитростью; что станет делать русский богатырь, то и ты делай!» Приезжают Илья Муромец да Алеша Попович млад к Фомке Беренникову: «Сам пойдешь или нас пошлешь?» — «Сам пойду; приведи моего коня». Кони богатырские по чисту полю ходят, травку щиплют, а Фомкин стоит да овес уплетает. Подошел Илья Муромец к Фомкину коню, а тот разъелся, брыкается и кусается! Взяла досада Илью Муромца, схватил он коня Фомкина за хвост, да и кинул его через плетень. Молвил ему Алеша Попович млад: «Не увидел бы нас Фома Беренников! Задаст он нам жару!» — «Знать, вся сила не в коню, а в самом молодцу!» — говорит Илья Муромец и подводит тоё клячу к Фомке Беренникову. Фомка садится на лошадь, а сам думает: «Пусть

убьют! Сраму не будет». Едет он, пригнулся к коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайский, помня королевский наказ, и сам к коню пригнулся да зажмурился. Фомка слез с коня, сел на камень и давай точить серп; китайский богатырь и себе тож: слезает с могуча коня и точит свой меч. Видит он, что Фомка Беренников на один глаз крив, думает про себя: «Он один глаз прищурил; дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурю!»

Не успел он зажмурить, как Фомка Беренников отсек ему голову. Берет он его коня богатырского, хочет на него сесть, да не влезет. Привязал Фомка сильногогучего коня к столетнему дубу, взобрался на дерево, да и вспрыгнул на коня верхом. Почуял конь седока, как рванется — и вырвал дуб с корнем вон; летит во всю мочь богатырскую и волочит за собою громадный дуб. Фома Беренников кричит: «Помогите, помогите!» А китайцы-дураки русского языка не знают, побежали с испугу врозь; богатырский конь их ногами топчет да столетним дубом бьет; всех перебил до единого! Вот и пишет китайский король к Фомке Беренникову грамотку: «Никогда не буду с тобой воевать». А Фомке то и надобно! И дивуются Илья Муромец и Алешка Попович млад тому Фомке Беренникову.

Вот едет Фома к царю прусскому. «Чем тебя жаловать?» — спрашивает царь. — Бери казны золотой сколько надобно, или полцарства моего белого, или царевну прекрасную». — «Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньших моих братьев Илью Муромца да Алешу Поповича млада». И женился Фома Беренников на прекрасной царевне. Видно, не одним богатырям бывает удача! Кто накричит о себе больше, тому и лучше.

СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

Злая жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит муж ране встать, так она трои сутки спит; велит муж спать, а она нисколько не спит. Велит муж блины печи, а она говорит: «Не стоишь, вор, блинов!» Муж говорит:

«Не пеки, жена, блинов, коли не стою»; она выпечет кринку в два ведра и говорит: «Ешь, вор, чтоб съедено было!» — «Ну, — говорит, — жена, не стряпай и на сенокос не ходи; мне тебя жаль!» А она говорит: «Нет, вор, я пойду, и ты ступай за мною!»

Только он побился с ней, помаялся, пошел с горя в лес по ягоды, и нашел куст смородины, и увидел в этом кусту бездонную яму; поглазел он и смекнул: «Что я живу со злой женой, маюся? Не могу ли я ее в эту яму засадить, не могу ли я ее проучить?» Пришел в избу и говорит: «Не ходи, жена, в лес за ягодами!» — «Нет, шишморник*, пойду!» — «Я нашел куст смородины, не бери!» — «Нет, сама пойду, сберу, тебе не дам смородины!» Муж пошел, жена с ним; пришел к кусту к смородине, а жена вскочила в куст и матом кричит: «Не ходи, вор, в куст, убью!» — и сама полезла в средину, да в яму-то и хлоп бездонную!

Муж с радостей в избу пошел и прожил трои сутки, на четвертые пошел проведывать; взял бечеву длинную, пустил в ямищу и вытащил оттуда чертенка; испугавшись, и хочет чертенка в яму опустить. Закричал тот матом, замолился и говорит: «Крестьянин, не обрати назад, пусти на свет! Пришла злая жена, всех нас приела, прикусала, прищипала — тошно нам! Я тебе добро сделаю!» Крестьянин отпустил его на божью волю — на святую Русь. Чертенок и говорит: «Ну, крестьянин, пойдем со мною во град Вологду; я стану людей морить, а ты — лечить».

Ну вот пошел чертенок по купеческим женам и по купеческим дочерям; стал он в них входить, стали они дуреть, стали они болеть. Вот этот крестьянин — где заболел — придет в дом, а неприятель-то вон, в дому благодать будет, и смекают все, что этот крестьянин — лекарь, деньги дают, да и пирогами кормят. И набрал крестьянин денег несметную сумму себе. Вот чертенок и говорит: «Полно, крестьянин, с тебя, доволен ли ты? Теперь я пойду в боярскую дочь; мотри не ходи ее лечить; не то съем я тебя!» Боярышня заболела и так задурела, что требует людей есть.

* Шишморна — бранное слово.

Приказал боярин крестьянина найти — такого-то лекаря отыскать. Он приходит в хоромы и велит боярину, чтоб все горожане и кареты с кучерами стояли в этой улице противу дому боярского; потом дает приказ, чтоб все кучера щелкали в арапельники* и матом кричали: «Злая жена пришла, злая жена пришла!» — и сам пошел в комнаты. Пришел он в комнаты: чертенок возлился на него и говорит: «Что ты, русский, зачем пришел? Я тебя съем!» Он говорит: «Что ты! Я пришел тебя не выживать, а пришел, тебя жалея, сказать: зла-то жена сюда пришла!» Черт на окошко вскочил, вытаращил зенки, да и чует: все одним матом орут: «Злая жена!» — «Крестьянин, — взговорил черт, — мне-то куды деваться?» — «Ступай опять в ямищу: она туды больше не пойдет». Черт туды и ушел к злой жене. За это боярин пожаловал милость, дочку (за крестьянина) замуж отдал, пол-именья подарил, а злая жена и теперь в яме сидит в тартарары.

ЖЕНА-СПОРЩИЦА

У одного мужика была жена сварлива и упряма; уж что, бывало, захочет, дак муж дай ей, и уж непременно муж соглашайся с ней. Да больно она льстива была на чужую скотину; как, бывало, зайдет на двор чужая скотина, дак уж муж и говори, что это ее. Страшно надоела жена мужу. Вот однажды и зашли к ней на двор барские гуси. Жена спрашивает: «Муж, чьи это гуси?» — «Барские». — «Как барские!» Вспылила со злости, пала на пол. «Я умру, — говорит, — сказывай: чьи гуси?» — «Барские». Жена охает, стонет. Муж наклонился к ней: «Что ты стонешь?» — «Да чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, умираю, беги скорей за попом».

Вот муж послал за попом; уж и поп едет. «Ну, — говорит муж, — вот и священник едет». Жена спрашивает: «Чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, пушай священник идет,

* Арапники

умираю!» Вот исповедали ее, приобщили, поп ушел. Муж опять: «Что с тобой, жена?» — «Чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, совсем умираю, готовь домовище*!» Изготовили домовище. Муж подошел: «Ну, жена, уж и домовище готово». — «А чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, совсем умерла, клади в домовище».

Положили в домовище и послали за попом. Муж наклонился к жене, шепчет: «Уж домовище поднимают, нести хотят отпевать в церковь». А она шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, несите!» Вот вынесли домовище, поставили в церкви, отпели панихиду. Муж подходит прощаться: «Уж и панихиду, — говорит, — отпели; выносить хотят на кладбище». Жена шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские». — «Несите на кладбище!»

Вот и вынесли; подняли домовище опущать в могилу, муж нагинается к ней: «Ну, жена, уж тебя в могилу опущают и землей тотчас засыплют». А она шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские». — «Ну, опущайте и засыпайте!» Домовище опустили и засыпали землю. Так уходили бабу барские гуси!

ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА

Жил-был старик со старухою. Не умела старуха языка держать на привязи; бывало, что ни услышит от мужа — сейчас вся деревня узнает. Пока не повздорят промеж себя — еще туда-сюда, а случится старику со старухой подрагаться да поколотить ее — она озлится и побежит по людям да на господский двор, всю подноготную расскажет; иной раз вдвое больше наврет, чем правды скажет. По тем наговорам и тащат старика; только успевай спиной расплачиваться.

Вот одна пошел старик в лес за дровами; ступил в одном месте ногою — нога провалилась. «Что за притча! Дай-ка я стану рыть, может — на мое счастье, что и

* Домовище — гроб

найдется». Взялся за лопату; копнул раз, другой, третий — и вырыл котел полнехонек золота. «Слава богу! Только как домой взять? От жены не укроешься, она всему свету разблаговестит; еще беды наживешь!» Подумал-подумал, зарыл котел в землю и пошел в город, купил щуку да живого зайца, щуку повесил на дерево — на самую верхушку, а зайца посадил в морду.

Приходит в избу: «Ну, жена, какое мне счастье бог послал, только тебе сказать-то нельзя; пожалуй, всем разболтаешь!» — «Скажи, старичок, — пристаёт баба, — право слово — никому не заикнусь; хочешь — побожусь, образ сниму да поцелую». — «Вот что, старуха: нашел я в лесу полон котел золота». — «Экой ты! Пойдем поскорее, домой унесем...» — «Смотри же, старая! Никому не сказывай, не то беду наживем». — «Небось, ты только не сказывай, а я не скажу! Ты когда пьян, всегда хвастаешь!»

Повел мужик бабу, дошел до того места, где щука на дереве висит, остановился, поднял вверх голову и смотрит: «Ну, что глазеешь? Пойдем скорее!» — «Да разве не видишь? Глянь, щука на дереве выросла!» — «Ой ли! Полезай за нею; ужотка на ужин зажарим». Старик слазил на дерево и достал щуку. Пошли дальше. Шли-шли: «Дай, старая, к реке сбегая, в морды посмотрю». Заглянул в морду и давай жену звать: «Глянь-ка, заяц в морду попал!» — «А коли попал, бери его поскорей — к празднику на обед пригодится». Взял старик зайца и привел старуху в лес; отрыли вдвоем котел с золотом и потащили домой. Дело было к вечеру; совсем потемнело. «Старик, а старик! — говорит баба. — Никак овцы ревут?» — «Какие овцы! То нашего барина черти дерут». Шли-шли, старуха опять говорит: «Старик, а старик! Никак коровы ревут?» — «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». Шли-шли; стали к деревне подходить, старуха старику говорит: «Никак волки ревут?» — «Какие волки! То нашего барина черти дерут».

Разбогател старик со старухой. Вздурилась старуха пуще прежнего, пошла каждый день гостей зазывать да такие пиры подымать, что муж хоть из дому беги. Совсем

от рук отбилась и слушаться перестала. Старик терпел-терпел, да не вытерпел, схватил ее за косу и давай таскать по полу; досыта потешился! Как только вырвалась баба, сейчас принялась ругаться: «Постой, подлец! Узнаешь меня. Ты хочешь все золото себе забрать; нет, врешь! Я тебя упеку, в Сибири места не сыщешь! Сейчас пойду к барину!»

Побежала к барину, завывала-заплакала: «Так и так, — говорит, — нашел муж полон котел золота и с той самой поры зачал крепко вином зашибать. Я было его уговаривать, а он меня колотить; таскал-таскал за косу, еле из рук вырвалась! Прибежала к вашей милости мое горе объявить, на негодного мужа челом бить: отберите у него, подлеца, все золото, чтоб работал, а не пьянствовал!» Барин позвал несколько дворовых людей и пошел к старику. Приходит в избу и закричал на него: «Ах ты, мошенник этакий! Нашел на моей земле целый котел золота — сколько времени прошло, а мне до сих пор не доложил! Начал пьянствовать, разбойничать да жену тиранить! Подай сейчас золото...» — «Смилуйся, барин, — отвечает старик, — я знать не знаю, ведать не ведаю: никакого золота не находил». — «Врешь ты, бесстыжие твои глаза! — напустилась на него старуха. — Пойдемте, барин, за мною; я покажу, где деньги спрятаны».

Приводит к сундуку, подняла крышку — нет ничего, пустехонек. «Ах он, плут! Пока я ходила, в иное место перепрятал». Тут барин пристал к старику вплотную: «Покажь золото!» — «Да где ж мне его взять? Извольте про все доподлинно допросить мою старуху». — «Ну, голубушка, расскажи мне толком, хорошенько: где и в какое время найден котел с золотом?» — «Да вот, барин, — начала старуха, — шли мы лесом — еще в те поры щуку на дереве поймали...» — «Опомнись, дура, — говорит старик, — ведь ты заговариваешься!» — «Нет, подлец, я не заговариваюсь, а правду сказываю, еще тут же мы зайца из морды вынули...» — «Ну, пошла! Чай, теперь сам, барин, слышишь! Ну как можно, чтобы звери в реке водились, а рыба в лесу на

дереве плодилась?» — «Так, по-твоему, того не было? А поминишь, как мы назад шли, — я сказала: «Никак овцы ревут?» А ты отвечал: «То не овцы ревут, то нашего барина черти дерут!» — «Врешь, старая! С ума спятила». — «Я опять сказала: «Никак коровы ревут?» А ты: «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». А как стали подъезжать к деревне, мне почудилось, что волки ревут; а ты сказал: «Какие волки! То нашего барина черти дерут...» Барин слушал-слушал, осерчал и ну толкать в шею старуху. После того старуха недолго жила, а старик взял за себя молодую жену, накупил товаров и стал жить-поживать да в городе торговать.

ГОЛОВИХА

Одна баба бойка была; пришел муж с совету, она и спрашивает его: «Чего вы там судили?» — «Чего судили-то! Голову выбирали». — «А кого выбрали?» — «Никого еще». — «Выберите меня», — бает баба. Дак что муж пошел на совет (она зла была, ему хотелось ее проучить), сказал это старикам; те тотчас бабу выбрали в головы. Живет баба, судит и рядит, и вино с мужиков пьет, и взятки берет.

Пришло время подушно собирать. Голова не успел, не мог собрать вовремя; приехал казак, стал спрашивать голову, а баба прятаться: узнала, что приехал казак, бежит скорей домой. «Да куда же я, да куда же я спрятаюсь?» — говорит мужу. — «Завяжи-ка меня, батюшка-муженек, в мешок да поставь вон к мешкам с хлебом-то». Тут стояло с ярицей* мешков пять. Муж завязал голову, поставил в середку мешков. Казак пришел да говорит: «Э, голова-то спрятался!» Давай-ка по мешку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревела: «Ой, батюшка, не пойду в головы, не пойду в головы!» Казак отхлестал, ушел, баба полно головой и стала после того мужа слушать.

* Ярица — яровой хлеб.

Жили муж с женой, по виду будто хорошо, да как-то жена была мудрена — уйдет муж — она весела, придет — захворает; так и старается ему дело найти, куда-нибудь с рук сбить; нынче пошлет его туда, завтра в другое место, а без него у нее гулюшки, пирушки! Придет муж — и чисто и прибрано; сама охает, больна, на лавочке лежит. Муж верит, чуть сам не плачет. Вот раз придумала жена послать его за лекарством в Крым-град. Муж пошел. На дороге ему встрелся солдат: «Куда ты, мужик?» — «В Крым-град за лечбой!» — «Кто болен?» — «Жена!» — «Воротись, воротись безотменно; я сам дока, я пойду с тобою!» Поворотил его налево кругом, и очутился мужик опять у своего гумна. «Сядь же ты здесь, — говорит дока, — я спроведаю, какова хворая?»

Вошел на двор, приложил ухо к избе — там игры, там скоки, гульба! Забилась солдатская грудь, ударил в дверь, растворилась изба — хозяйка по ней лебедем носится, перед ней молодой парень вприсядку рассыпается, зелено вино по столу разливается. Пришел солдат вовремя, выпил чарку и пошел вприсядку; полюбился хозяйке: что за солдат, что за детина! Угодлив, догадлив, словно век тут жил! Поутру надо пирожки печь. «Солдат, сходи на гумно, принеси соломки вязаночку».

Солдат пошел; набрал соломы, завернул туда мужа, скрячил* веревкой, вскинул за плечи и принес к хозяйке. Хозяйка рада, затинула песенку: «Пошел муж во Крым-град зелья купить, жене зельем живот лечить! Туда ему не доехать и оттуда не приехать!.. Солдат, подтягивай мне!» Солдат начал свою песню: «Чуешь ли, солома, что деется дома?» — «О, твоя нехороша, моя лучше; давай вместе: пошел муж во Крым-град зелья купить, жене зельем живот лечить». Она поет громко, а солдат еще громче: «Чуешь ли, солома, что деется дома? Плеть висит на стене, а быть ей на спине!» Солома почуяла, затряслась, веревка лопнула, вя-

* Крячить — скручивать веревку палкою при связывании ноши.

занка распалась — и выскочил муж, схватил плетку и давай стегать хозяйку. Как рукой сняло — вылечил жену.

ВЕЩИЙ ДУБ

Тошно молодой жене с старым мужем, тошно и старику с молодой женой! В одно ушко влезет, в другое вылезет, замаячит — в глазах одурочит, из воды суха выйдет: и видишь и знаешь, да ни в чем ее не поймашь!

Одному доброму старичку досталась молодая жена — плутоватая баба. Он ей слово в науку, она ему в ответ: «Нет тебе, старый лежебок, ни пить, ни есть, ни белой рубахи надеть!» А не стерпишь — слово вымолвишь: дело старое! Вот и придумал он жену выучить. Сходил в лес, принес вязанку дров и сказывает: «Диво дивное на свете деется: в лесу старый дуб все мне, что было, сказал и что будет — угадал!» — «Ох, и я побегу! Ведь ты знаешь, старик: у нас куры мрут, у нас скот не стоит... Пойду побалакать; авось скажет что». — «Ну, иди скорей, пока дуб говорит; а когда замолчит, слова не допросишься». Пока жена собиралась, старик зашел вперед, влез в дубовое дупло и поджидает ее.

Пришла баба, перед дубом повалилася, замолилася, завывала: «Дуб дубовистый, дедушка речистый, как мне быть? Не хочу старого любить, хочу мужа ослепить; научи, чем полечить?» А дуб в ответ: «Незачем лечить, зелья попусту губить, начни масленей кормить. Сжарь курочку под сметанкою, не скупись: пусть он ест — сама за стол не садись. Свари кашу молочную, да больше маслом полей; пуцай ест — не жалея! Напеки блинцов; попроси, поклонись, чтоб их в масло макал да побольше съедал — и сделается твой старик слепее кур слепых».

Пришла жена домой, муж на печке кряхтит. «Эх ты, старенький мой, ай опять что болит, ай опять захирел? Хочешь: курочку убью, аль блинцов напеку, кашку маслом полью? Хочешь — что ль?» — «Съел бы, а где взять?» — «Не твоя печаль! Хоть ты и журишь меня, а все тебя жалко!.. На, старинушка, ешь, кушай, пей — не жалея!» —

«Садись и ты со мною». — «Э, нет, зачем? Мне б только тебя напитать! Сама я там-сям перекушу — и сыта. Ешь, голубчик, помасяней ешь!» — «Ох, постой, жена! Дай водицы хлебнуть». — «Да вода на столе». — «Где на столе? Я не вижу». — «Перед тобою стоит!» — «Да где же? Что-то в глазах темно стало». — «Ну, полезай на печку». — «Укажика, где печь? Я и печь не найду». — «Вот она, полезай скорее». Старик сбирается головой в печь лезть. «Да что с тобой? Ослеп, что ли?» — «Ох, согрешил я, жена! Сладко съел, вот божий день и потемнел для меня. Ох-хо!» — «Экое горе! Ну, лежи пока; я пойду, кое-что принесу».

Побежала, полетела, собрала гостей, и пошел пир горой. Пили-пили, вина не хватило; побежала баба за вином. Старик видит, что жены нету, а гости напитались и носы повесили; слез с печи, давай крестить — кого в лоб, кого в горб; всех перебил и заткнул им в рот по блину, будто сами подавились; после влез на печь и лег отдыхать. Пришла жена, глянула — так и обмерла: все други, все приятели как боровы лежат, в зубах блины торчат; что делать, куда покойников девать? Зареклася баба гостей собирать, зареклася старика покидать. На ту пору шел мимо дурак. «Батюшка, такой-сякой! — кричит баба. — На тебе золотой, душу с телом пусти, беду с нас скости!» Дурак деньги взял и потащил покойников: кого в прорубь всадил, кого грязью прикрыл и концы схоронил.

ДОРОГАЯ КОЖА

В одном селе жили два брата — Данило и Гаврило. Данило был богатый, а Гаврило бедный; только и живота было у Гаврилы, что одна корова, да и тому Данило завидовал. Поехал Данило в город закупить кое-что и, воротясь из городу, пришел к брату и говорит: «Что ты, брат, держишь корову? Я был сегодня в городе и видел: там коровы очень дешевы, по пяти и шести рублей, а за кожу двадцать пять дают». Гаврило поверил ему, заколол корову и приел говядину, после дождался рынку и отправился в город. Приехал

в город и поволок продавать кожу. Увидел его кожевник и спрашивает: «Что, любезный, продаешь кожу?» — «Продаю». — «Что просишь?» — «Двадцать пять рублей». — «Что ты, безумный! Возьми два с половиной». Гаврило не отдал и волочил кожу целый день; никто ему не дает больше. Наконец, поволок ее мимо гостиного ряда; увидел его купец и спрашивает: «Что, продаешь кожу?» — «Продаю». — «Дорого ли просишь?» — «Двадцать пять рублей». — «Что ты, шальной! Где слышал про такие дорогие кожи? Возьми два с половиной». Гаврило подумал-подумал и сказал: «Так и быть, господин купец, уступаю тебе! Только поднеси мне хоть водки стакан». — «Хорошо, об водке ни слова!» Отдал ему купец два с половиной да вынимает из кармана платок и говорит: «Ступай вон в тот каменный дом, отдай хозяйке платок и скажи, что я велел тебе поднести полон стакан вина».

Гаврило взял платок и пошел; приходит в дом, хозяйка его и спрашивает: «Ты зачем?» Гаврило ей говорит: «Так и так, сударыня, продал я твоему хозяину за два с половиной кожу, да еще вырядил полон стакан вина; дак он меня сюда послал, велел тебе платок отдать да сказать, чтобы ты винца поднесла».

Хозяйка тотчас налила стакан, только немного не полон, и поднесла Гавриле; он выпил и стоит. Хозяйка спрашивает: «Что ж ты стоишь?» Гаврило говорит: «У нас была ряда — полон стакан вина!» А в то время сидел у купчихи полюбовник, услышал он эти слова и говорит: «Налей ему, душа, еще!» Она налила еще полстакана; Гаврило выпил и все стоит. Хозяйка опять спрашивает: «Теперь чего дожидаться?» Отвечает Гаврило: «Да у нас ряда была — полон стакан, а ты полстакана подала». Любовник велел поднести ему в третий раз; тогда купчиха взяла графин с вином, стакан отдала Гавриле в руки и налила его так, что через край побежало. Только Гаврило выпил, а хозяин на ту пору домой грядет. Она не знает, куда полюбовника девать, и спрашивает: «Куда ж я тебя спрячу?» Любовник забежал по горнице, а Гаврило за ним да кричит:

«Куда я-то денусь?» Хозяйка отворила западню и пихнула обоих туда.

Хозяин пришел и привел еще с собой гостей. Когда они подпили, то начали песни запевать; а Гаврило, сидя в яме, говорит своему товарищу: «Как хочешь — это любимая батюшкова песня! Я запою». — «Что ты, что ты! Пожалуйста, не пой. На тебе сто рублей, только молчи». Гаврило взял деньги и замолчал. Немного погодя запели другую; Гаврило опять говорит товарищу: «Как хочешь, а теперь запою; это любимая песня матушкина!» — «Пожалуйста, не пой! На тебе двести рублей». Гавриле то на руку — уже триста рублей есть; спрятал деньги и молчит. Вскоре запели третью песню; Гаврило говорит: «Теперь хоть четыреста давай, дак запою». Любовник его всячески уговаривать; а денег больше нет. Хозяйка услышала, что они там ерошатся, отперла западню и спросила потихоньку: «Что вы там?» Любовник потребовал пятьсот рублей; она живо вернулась, подала пятьсот рублей, Гаврило опять взял и замолчал.

Как-то попалась тут Гавриле подушка и бочонок смолы; он приказал товарищу раздеться. Когда тот разделся, он окатил его смолой; потом распорол подушку, рассыпал пух и велел ему кататься. Вот как тот выкатался в пуху, Гаврило растворил западню, сел на товарища верхом, едет, а сам кричит: «Девятая партия из здешнего дому убирается!» Гости увидали и кинулись по домам; думают, что то черти явились. Так все и разбежались, а купчиха стала говорить своему мужу: «Ну вот! Я тебе говорила, что у нас чудится». Купец сдуру-то возьми да и поверь, и продал свой дом за бесценок.

Гаврило пришел домой и послал своего старшего сына за дядей Данилом, чтоб пришел к нему деньги пересчитать. Сын пошел, стал звать своего дядю; а тот ему смеется: «Да что у него считать-то? Али Гаврило двух с половиной сосчитать не может!» — «Нет, дядя, он много принес денег». Тогда жена Данилова стала говорить: «Подь, сходи! Что, тебе не охота? Хоть посмеешься над ним». Послу-

шался Данило жены и пошел. Вот как Гаврило высъпал перед ним кучу денег, Данило удивился и спрашивает: «Где ты, брат, взял столько денег?» — «Как где? Ведь я корову заколол да кожу в городе продал за двадцать пять рублей; на те деньги сделал оборот: купил пять коров, заколол да кожи опять продал по той же цене; так все и перебивался». Данило услышал, что брат его так легко нажил богатство, пошел домой, заколол всю свою скотину и стал дожидаться рынку; а как время было жаркое, то говядина у него вся испортилась. Повез продавать кожи, и дорожке двух с половиной никто ему не дал. Так-то ему дался барыш с накладом, и стал он жить беднее Гаврилы; а Гаврило пошел на выдумки, да и нажил себе большое богатство.

КАК МУЖ ОТУЧИЛ ЖЕНУ ОТ СКАЗОК

Жил себе дворник. Он имел у себя жену, которая страсть как любила сказки, и запретила она пущать к себе в постояльчики тех, кто не умел сказки рассказывать. Ну, разумеется, мужу то убыточно, он и думает: «Как бы мне жену отучить от сказок!» Вот однажды в зимнюю пору, поздно ночью, идет себе старичок, весь иззяб, и просится переночевать. Муж выбегает к нему: «А что, — говорит, — умеешь ты сказки рассказывать? Жена не велит пущать никого кто не умеет сказки рассказывать». Мужик видит — дело плохо, от холода чуть не мерзнет. «Умею», — говорит. «А долго будешь рассказывать?» — «Да всю ночь».

Ну, вот хорошо. Впустили мужика. Муж говорит: «Ну, жена, вот мужик посулился всю ночь рассказывать сказки, да только с тем, чтоб поперечки ему не делать и не перебивать». Мужик говорит: «Да, поперечки не делать, а то рассказывать не буду». Вот поужинали, легли спать; мужик и начал: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду; летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» И пошел твердить все одно и то же: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» Хозяйка слушала, слушала, да и говорит: «Что ж это за сказка, все одно и то

же твердит!» — «Так для чего же ты меня перебиваешь? Ведь я говорил, чтобы мне поперечки не делать; ведь это так уж сказка рассказывается вначале, а там пойдет другое». Вот муж, услышавши это, а ему то и нужно было, скочил с лавки и давай жену колотить: «Тебе сказано, чтоб ты не перечила! И сказку не дала кончить!» Уж он бил-бил, бил-бил, так что жена возненавидела сказки и с тех пор зареклась сказки слушать.

КРЕСТ — ПОРУКА

В одном было городе — жили два купца по самый край речки: один русский, а другой татарин; оба были богатые люди. Только русский по каким-то торговым делам обанкротился, так что у него не осталось ничего из пожитков; все описали и обобрали. Нечего было делать русскому купцу — остался гол как сокол; пошел к своему приятелю татарину и просит у него займы денег. Татарин говорит: «Давай поручителя!» — «А кого ж я тебе дам, когда у меня нет никого? Ну да постой, вот тебе порука — на церкви животворящий крест!» — «Хорошо, друг! — говорит татарин. — Я кресту вашему поверю; для меня все равно, что ваша вера, то и наша». И дал русскому купцу пятьдесят тысяч рублей. Русский взял деньги, распростился с татариним и отправился опять торговать по разным местам.

Через два года на эти пятьдесят он нажил сто пятьдесят тысяч рублей, и случилось ему с товаром плыть по Дунай-реке из одного места в другое; вдруг поднялась буря, так и хочет судно потопить. Тут купец и вспомнил, что брал деньги и давал в поручители животворящий крест, а долгу не заплатил: так, верно, оттого и буря поднялась! Только подумал это, как стала буря утихать. Купец взял бочонок, отсчитал пятьдесят тысяч рублей, написал к татарину записку, положил ее вместе с деньгами в бочонок и бросил тот бочонок в воду, думая про себя: «Когда я давал в поручители крест, так он и доставит!»

Бочонок тотчас же на дно пошел; все так и думали, что деньги потеряются. Что же случилось? Жила у татарина русская стряпка. Вот однажды случилось ей идти на реку за водой; приходит и видит — плавает бочонок; побрела по воде и давай его хватать — не тут-то было! Она к бочонку, а бочонок от нее; она от бочонка к берегу, а бочонок за ней плывет. Так она билась-билась немалое время, пошла домой и рассказала про то своему хозяину. Он сначала было ей не поверил, а потом сам решился идти на реку и посмотреть, что за бочонок такой там плавает. Приходит туда — бочонок, точно, плавает, и недалеко от берега. Татарин снял с себя одежду, зашел в воду, и только что побрел, как бочонок сам к нему подплывает; взял татарин бочонок, принес домой и раскупорил; заглянул, а в бочонке деньги лежат, наверху денег записка виднеется. взял он — прочитал записку, а в ней вот что говорилось: «Любезный друг! Возвращаю тебе пятьдесят тысяч рублей, которые когда у тебя занимал, то давал тебе в поручители животворящий крест».

Татарин прочитал и удивился силе животворящего креста; пересчитал деньги: все ли налицо? Деньги оказались все сполна. Меж тем русский купец, поторговавши лет с пяток, нажил порядочный капиталец; приезжает в свое место и, думая, что бочонок его пропал, за первый долг поставил рассчитаться с татаринцом; приходит он к нему и отдает занятые деньги. Тогда татарин рассказал купцу все, что было, и как он поймал на реке бочонок с деньгами и с запиской; показал ему эту записку и спросил: «Точно ли это твоей руки?» Тот отвечал: «Точно, моей». Все подивились чудному явлению, и татарин сказал: «Так мне, брат, не нужно с тебя других денег получать; неси-ка их назад». Русский купец отслужил богу благодарственный молебен; а татарин на другой же день крестился со всем своим семейством. Русский купец был у него крестным отцом, а стряпка — крестною матерью. После того жили они оба долго и счастливо; прожили до глубокой старости и скончались в мире.

В одном городе был вороватый человек, и наделал уже много бед. Однажды случилось ему обокрасть богатого человека; дело это подметили и послали за ним погоню. Долго он бежал лесом, а впереди того леса была чистая степь верст по крайней мере на десять. Как пробежал весь лес, остановился и не знает, что ему делать. Если бежать по степи, то сейчас поймают, потому что версты на две все видно, а погоня, слышит, уже близко. Тогда-то он начал молиться: «Господи! Прости мою душу грешную; батюшка отец Николай, сокрой меня — я тебе гривенную свечку поставлю».

Вдруг ниоткуда взялся-предстал человек пожилых лет и спрашивает вора: «Что ты теперь говорил?» Вор отвечает: «Вот что я говорил: «Батюшка отец Николай, сокрой меня в этой глуши». И обещался ему свечу поставить». Тут он покаялся старичку в своем грехе. Старик ему сказал: «Если хочешь, полезай в это падалище!» А тут неподалеку лежала падаля. Нечего было делать вору, надо было лезть в падаля, потому что пойману быть не хочется. Залез он туда, а старичок в ту же минуту невидим стал. Тот старичок был сам отец Николай.

Вот приближается погоня; выехали люди на степь, отъехали с полверсты — никого не видать, и воротились обратно; а вор лежит в падалище, еле дышит — такой гнилой дух! Когда проехала погоня мимо, он вылез оттуда и видит опять того же старичка — стоит неподалечку да собирает воск. Вор подходит к нему, благодарит за избавление; тогда старичок снова спросил: «А что ты обещал отцу Николаю, когда искал убежища?» Вор отвечает: «Я обещался сменить гривенную свечу». — «То-то и есть! Как тебе было душно лежать в падалище, так и отцу Николаю было бы душно от твоей свечи».

И дал ему старичок наставление: «Никогда не проси господя бога и святых его угодников на злые дела, потому что господь не благословляет злых дел. Да смотри же,

помни мои слова, да и прочим скажи, чтоб никогда не просили бога в худых делах!» Сказал это и скрылся из глаз.

СКРЯГА

Жил-был богатый купец Марко — скупей его не было! Раз как-то пошел он гулять; идучи дорогою, увидел нищего: сидит старец и просит милостыни: «Подайте, православные, Христа ради!» Марко Богатый прошел мимо. Следом за ним шел на ту пору бедный мужик, возжалел нищего и подал ему копеечку. Стыдно показалось богатому, остановился он и говорит мужику: «Послушай, земляк, дай мне взаймы копеечку; хочется убогому подать, да мелких нету!» Мужик дал ему и спрашивает: «А когда за долгом приходиться?» — «Завтра приходи!» На другой день бедный идет к богатому за своей копеечкою. Пришел на его широкий двор: «Что, Марко Богатый дома?» — «Дома! Тебе что надо?» — спрашивает Марко. «За копеечкой пришел». — «Ах, брат, приди после; ну, право, мелких нет». Бедный поклонился и назад. «Я, — говорит, — приду завтра». Наутро приходит — опять то же: «Мелких денег вовсе нет, коли хочешь, давай с сотенной сдачи... а не то приходи через две недели». Через две недели снова идет бедный к богатому, а Марко Богатый увидел его в окно и говорит жене: «Слушай, жена! Я разденусь догола и лягу под святые; а ты покрой меня полотном, сиди и плачь словно над мертвым. Когда придет мужик за долгом, скажи ему, что я сегодня помер».

Вот ладно, как муж приказал, так жена и сделала: сидит да горячими слезами заливается. Приходит мужик в горницу, она его и спрашивает: «Тебе что?» — «За должком к Марку Богатому», — отвечает бедный. «Ну, мужичок, Марко Богатый приказал долго жить; сейчас только помер». — «Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужу ему — хоть грешное тело обмою». С этим словом ухватил чугун с горячей водою и давай Марка Бога-

того кипятком ошпаривать. Марко еле терпит, морщится да ногами дрыгает. «Дрыгай не дрыгай, а копеечку подай!» — говорит бедный. Обмыл, снарядил как надо. «Ну, хозяйка, покупай гроб да вели в церковь выносить; я стану над ним псалтырь читать». Положили Марка Богатого в гроб и вынесли в церковь; а мужик стал над ним псалтырь читать.

Наступила темная ночь. Вдруг открывается окно и лезут в церковь воры-разбойники; мужик за алтарь спрятался. Воры влезли и начали меж собой добычу делить; все поделили, остается золотая сабля — всякий к себе тащит, никто не уступает. Бедный как выскочит, как закричит: «Что вы спорите? Кто мертвецу голову отрубит, того и сабля будет!» Марко Богатый вскочил сам не свой. Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бежать. «Ну, мужичок, — говорит Марко, — давай деньги делить». Разделили поровну; много досталось и тому и другому. «Что ж копеечку?» — спрашивает бедный. «Эх, брат, сам видишь — мелких нет!» Так-таки и не отдал Марко Богатый копеечки.

СКАЗКИ
ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АФАНАСЬЕВА

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ,
СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Пришел Лещ на Ерша подал челобитну, а в челобитной пишет тако: «Господам моим от рыб великому Осетру и Белуге и Белой рыбице. Бьем челом на лихого Ерша, что он владеет насильством нашими вотчинами. Собою он мал, а щетины у него как острые рогатины, и где он ни попросится ночевать и кто его не ведаючи пустит,— и он хочет хозяина вон выжить. А мы хотим быть оправлены вами, праведными судьями».

Судья спросил Леща: «Чем, Лещ, Ерша уличаешь?» Лещ сказал: «Уличаю я его истинною правдою; да есть у меня рыбы добры, зовут их Сиг и Ладога, на них я шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на Сига и на Ладогу?» Ерш сказал: «Сиг и Ладога рыбы велики, а мы рыбы малые; а се они с Лещом хлеб-соль водят вместе, и они правды не скажут».

Судьи спросили Леща: «Еще чем Ерша уличаешь?» Лещ сказал: «Уличаю я его общею правдою, да есть у меня еще рыба добрая, зовут ее Сельдь переславская; на ту я еще шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на общую правду — Сельдь?» Ерш сказал: «То общая правда; на ту и я шлюся».

Судьи послали по Сельдь пристава Окуня. Окунь пошел, взял в понятия Сома, и Сом с большим усом сказал, что-де я в понятия не гожусь, имею брюхо велико, ходить не могу, глазами вдоль не вижу. И Окунь отпустил Сома и взял в понятия Язя, и поставили Сельдь перед судьями.

Судьи спросили Сельдь: «Чье Ростовское озеро, исстари ли Ершово?» и знают ли Ерша на Москве все богатые, покупают ли его для похмелья дорогою ценою и с похмелья им оправляются?» Сельдь переславская сказала, что Ростовское озеро исстари Лещово, а тот-де Ерш где ни попросится ночевать, кто его не ведаючи пустит,— и он хочет хозяина выжить, а знают его все богатые, у кого одна полушка есть,— и на ту ершов много купит: столько не съедят, сколько расплюют его! Судьи приговорили: истца Леща оправить, а ответчика Ерша обвинить, и в соль осолить, и против солнышка повесить. И как Ерш сие услышал, вильнул хвостом, ушел в хворост: только Ерша и видели! И всему тому конец.

Послали миром Першу заложить вершу; пришел Богдан, Ерша бог дал; пришел Устин, опять Ерша упустил; пришел Иван, опять Ерша поймал; пришел Потап, стал Ерша топтать; пришел Давид, стал Ерша давить; пришел сусед, бросил Ерша в сусек; пришел Лазарь, по Ерша слазил; пришел Назар, понес Ерша на базар: недорог! Пришел Константин, дает за Ерша шесть алтын: уступи, Назар! Пришел Мартын, дает Константину барыша алтын; пришел Анос и даром Ерша унес; пришел Копрон, сустиг на коне; пришел Павел, котел поставил; пришел Ерема, принес дров беремя; пришел Селиван, воды в котел наливал; пришел Обросим, Ерша в котел бросил: пусть попреет, к ужину поспеет! Пришел Перша, посыпал перцу; пришел Лука, покрошил луку; пришел Савва, положил полтора пуда коровьего сала; пришел Глеб, принес хлеб; пришел Пахом, хлеба напахал; пришел Логин, принес ложек; пришел Вавила, поднял Ерша на вила; пришел Филипп, стал Ерша пилить; пришел Демид, стал Ерша делить; пришел Мина, мякнул Демида в рыло; пришел Тит, только походя бз..; пришел Андрей, Тита по плещи огрел; пришел Яков, один Ерша смякал, сам убежал, только ножки показал! Пришел Елизар, только котла полизал, а Ерша и в глаза не видал; пришел Данила да сестра его Ненила, только по Ерше голосом повыли и конец ему сотворили.

Было три сестры, младшая — дурочка. Летом собирали они в лесу ягоды; старшая сестра заблудилась, шла, шла и пришла к хатке на куриной лапке. Вошла в хатку и стала сестер закликать: «Кто в лесу, кто в бору, приди ко мне ночевать!» — «Я в лесу, я в бору, приду к тебе ночевать, — отвечал огромный медведь, входя в дверь, — не бойся меня, влезь в правое мое ушко, вылезь в левое — у нас всего будет!» Девушка влезла медведю в правое ухо, вылезла в левое и нашла у себя за пазухой ключи. «Теперь приготовь ужин!» Она приготовила ужин. Сели за стол; мышь подбегает и просит у девушки каши. «Кто с тобой разговаривает?» — спрашивает медведь. «Мышка каши просит». — «Ударь ее по лбу!» Она ударила. «Теперь стели мне постель — ряд поленьев да ряд камней, ступу в головы, а жерновом накрыться». Постель приготовлена; медведь лег, а девушке велел целую ночь бегать по комнате да звенеть ключами. Она бегает, ключами побрякивает, а медведь лежал, лежал и бросил в нее жернов. «Жива еще!» — закричала мышка; медведь бросил ступу. «Жива еще!» — опять отозвалась мышка, и вслед за ступой полетело полено. Убил медведь красную девушку и высосал из нее кровь.

В другой раз заблудилась середняя сестра, и с нею случилась та же самая беда. Вздумала меньшая — дурочка — пойти поискать своих сестер и попала в ту же хатку. Медведь велел ей приготовить ужин и постлать постель. Сели они за стол, прибежала мышка и стала просить каши. Девушка дала ей. «Кто с тобой разговаривает?» — спросил медведь. «Никто!» Вот когда медведь улегся, мышка сказала красной девушке: «Дай мне ключики, я стану за тебя бегать!» Медведь бросил жернов, мышка закричала: «Не жива!» Медведь вскочил, стал искать убитую, не нашел и побежал в лес. Тогда мышка рассказала девушке про старших сестер, дала ей ключики, у которых что ни попроси — все дадут, и проводила ее домой.

В одной деревне жили три замужние сестры. Раз мужья их куда-то уехали. В это время приходит к старшей сестре ведьма попросить заступы, но когда та пошла за заступом и воротилась, то не нашла в избе ни ведьмы, ни ребенка своего. Побежала она по дороге и спрашивает у рябины: «Рябинка, рябинка, не видала ль ты ведьмы с ребенком?» — «Очисти меня, подбери меня, тогда скажу». — «Нет времени!» — с досадой сказала крестьянка и пустилась дальше.

То же случилось и при расспросах, обращенных к яблоне, груше, корове, колодцу и квашне. Яблоня и груша просили очистить их, корова — выдоить ее, колодец — накрыть его, квашня — замесить в ней тесто; крестьянка всем отказала и прибежала, наконец, к маленькой избушке; входит в нее, а там сидит старая ведьма, в печи на огне кипит смола, а на припечке лежит ребенок. «Зачем кипит смола?» — спрашивает несчастная мать. «Хочу сварить твое дитя», — отвечает ведьма. Мать стала молить и просить. «Почешу тебе голову», — сказала ведьма. Крестьянка повиновалась, но только расправила ей волосы, как смола побежала через край горшка. «Отставь горшок!» — говорит ведьма; мать схватывает горшок со смолою, бросает его на ведьму, потом берет своего ребенка и убегает. Кот продрал ведьме глаза, и она пустилась в погоню; квашня, колодец, корова, груша, яблоня и рябина указали ей дорогу, ведьма догнала и разорвала ребенка на части.

На другой день то же несчастье постигло среднюю сестру, а на третий день ведьма посетила младшую сестру-дурочку и похитила у нее ребенка. Сестра-дурочка исполнила требования рябины, груши, яблони, коровы, колодца и квашни; от деревьев получила за то плоды, от коровы кринку молока, от колодца бутылку воды, от квашни хлеб. Она залила ведьму смолою, но, убегая, бросила коту все полученные ею припасы. «Кот, продери очи!» — кричала ведьма. «Постой, съем хлеб!» Съел хлеб; ведьма опять

кричит: «Кот, продери очи!» — «Подожди, съем молоко», — и так далее. Когда он собрался продрать ведьме очи, мать с ребенком была уже дома.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ, СЕРЕБРЯНОМ И МЕДНОМ ЦАРСТВАХ

В некотором было царстве, в некотором государстве жил царь с супругою своею, и имели они у себя трех прекрасных сыновей, из которых называли большого Василий-царевич, а среднего Федор-царевич, а меньшого Иван-царевич. В один день царь прогуливался в саду, и с супругою своею. Вдруг поднялся вихорь и унес царицу из глаз его, о чем царь весьма был печален, долгое время соболезуя о своей супруге. Старшие его два сына испросили у печального отца своего благословение и отправились в путь свой искать матери своей. Едучи с своими людьми долгое время, заехали они в дикую степь, раскинули палатки и ожидали, не увидят ли кого, кто бы указал им дорогу; однако чрез три года никого не видали, а между тем подрос меньшей брат Иван-царевич. И тот также, испрося у отца своего благословение и простясь, отправился в путь. По долговременном путешествии увидел он вдали палатки и поехал к ним и как стал подъезжать ближе, то и узнал, что это были его братья. Приехавши, сказал он: «Что вы, братцы, в какой дикой степи остановились? Отпустимте своих людей в наше государство и поедем лучше одни искать своей матери». Братья по его совету учинили и поехали в путь, и ехали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро-то сказка сказывается, а дело-то не скоро делается, и усмотрели вдали дворец хрустальный, обнесен такую же стеною вокруг, и приехали к оному. Тогда Иван-царевич, найдя ворота, въехал на двор и, подъезжая к крыльцу, увидел столб, в котором было два кольца: одно золотое, другое серебряное. Проведши повод в оба кольца, привязал он своего коня богатырского, потом пошел на

крыльцо. И встречает его сам король, и по довольном разговоре король узнал, что он был ему племянник, и повел его в покои, куда и братьев Ивана-царевича пригласил. Погостили они недолгое время и получили от короля в подарок волшебный шар, который поката перед собою — доехали до высочайшей горы, где и остановились. Крутизна горы была столь высока, что на нее взлезть им никак было не можно.

После того Иван-царевич нашел скважину, где попались ему на руки и на ноги железные когти, помощью коих взошел он на самый верх горы. Уставши, сел он под дуб для отдохновения, и лишь только снял с себя когти — вдруг оные исчезли. Вставши, увидел он вдали палатку, сделанную из самого тонкого батисту, на коем изображалось медное государство, а на верху оной палатки поставлен был шар медный. При входе оной лежали два превеликие льва, которые не допускали войти в палатку. Иван-царевич, увидя стоявшие при них тазы пустые, налил воды и утолил их жажду, и они дали свободный вход в палатку. По входе в оную увидел он на софе сидящую прекрасную царевну, а в ногах у ней спал змей трехглавый, которому он одним махом все три головы отсек, — за что царевна его благодарила и подарила ему яйцо медное, сокрывающее в себе медное государство. Итак, царевич, простясь с нею, отправился в путь и, шедши долгое время, увидел вдали палатку, сделанную из самого тонкого флеру и привязанную к кедровым деревьям серебряными шнурками, у коих кисти были изумрудные, а на палатке изображено серебряное государство, и на верху был поставлен серебряный шар. При входе оной палатки лежали два превеличайшие тигра, которых жажду от солнечного зноя утолил водою и сделал себе свободный вход в палатку. И как вошел туда Иван-царевич, то увидел на софе сидящую весьма богато убранную царевну, красотою превосходнее первой. У ног ее лежал шестиглавый змей и вдвое против прежнего больший, которому он за один раз отрубил все головы, — за что царевна, видя его силу и неустрашимость, подарила ему

серебряное яйцо, сокрывающее в себе серебряное государство. Простясь и с этой царевной, пошел Иван-царевич далее и достиг, наконец, до третьей палатки, которая была сделана из самого чистого каротку (?), на коем было вышито золотое государство, а на палатке был шар из самого чистого золота; она была прикреплена к лавровым деревьям золотыми шнурками, у коих были привешены алмазные кисти. При входе оной лежали два великие крокодила, которые от великого жару испускали огненное пламя. Царевич, видя их жажду, наполнил их пустые тазы водою и тем учинил себе свободный вход в палатку. И там увидел царевич на софе сидящую царевну, красотою превосходнее прежних; у ног ее лежал двенадцатиглавый змей, которому с двух раз все головы отрубил. Царевна за сие подарила ему золотое яйцо, содержащее в себе золотое государство, а с яйцом вручила ему свое сердце и по довольном разговоре указала ему, где живет его мать, и желала ему счастливо предприятие окончить.

По довольном путешествии достиг Иван-царевич до великолепного дворца и в нем прошел многие покои и не нашел ни одного человека. Напоследок пришел в пребогато убранную залу и увидел мать свою в царской одежде, сидящую в креслах, и по нежных между ими ласкательствах и учтивых разговорах объявил ей, что он с братьями многие лета странствовал. Вдруг мать почувствовала Духа и сказала Ивану-царевичу: «Спрячься под мою одежду, и как Вихорь прилетит и станет меня ласкать, то старайся ухватиться руками за его волшебную палицу; он подыметя на воздух — ты не страшися, а как опустится на землю и рассыплется на мелкие части — ты все собери и сожги, а пепел развей по полю». Лишь только мать успела сказать и спрятать Ивана-царевича под свою одежду, ту минуту Вихорь прилетел и начал ласкаться к царице. Тогда царевич, по совету матери своей, ухватился за волшебную палицу. Вихорь, осердясь на царевича, поднялся на высоту, потом опустился на землю и рассыпался на мелкие части. Царевич, все части подобрав, сжег, а пепел развеял

по полю и овладел волшебною палицею. Взявши мать свою и трех царевен, Иван-царевич пришел к дубу, где всех по полотну спустил книзу. Братья его, как Иван-царевич один остался на горе, обрезали полотно и уехали с матерью и царевнами в свое государство и велели им клясться, что отцу скажут, будто они найдены старшими царевичами. А Иван-царевич, оставшись один на горе, не смел спуститься с оной, видя, что полотна обрезаны, и ходил по горе, перекидывая палицу с руки на руку. Как вдруг предстал перед него человек, который снес его с горы и поставил на площади его государства, где Иван-царевич и встретился с одним башмачником, у коего нанялся он в работники. Хозяин, накупя кож довольно число, напился пьян и лег спать. Иван-царевич, видя, что в хозяине проку мало, призвал Духа, который снес его с горы, и приказал ему к утру сделать башмаки; Дух по приказу его все учинил. Поутру Иван-царевич, разбудя хозяина, послал с товаром в город, где тот и продал башмаки купцу, который рекомендовал его знатым господам. Наконец сам царь, увидя его работу, приказал ему носить к себе во дворец; а между тем находившаяся тут золотого государства царевна, приметя, что сия работа золотого государства Духа, приказала призвать к себе сапожника. А как скоро он пришел, то и приказала ему, чтобы завтрашнего дня поутру пред сим дворцом поставил дворец золотого государства, а от него золотой мост до самого царского дворца, покрытый зеленым бархатом, — и с тем от него пошла. Хозяин пришел домой весьма печален и сказал все то работнику, а сам с горя так напился пьян, что и сам себя не помнил, только и говорит: «Теперь хотя голову руби, так и нужды нет!» Царевич, услыша сие, приказал Духу, чтоб немедленно к завтраму поставил дворец и золотое государство, сокрывающееся в золотом яйце; Дух по приказанию все исполнил и поутру рано перенес туда Ивана-царевича, который, изготовясь для встречи отца своего и матери, послал по ним великолепные колесницы, а по братьев самые срамные телеги, прося притом всех откушать. Царь, услыша, что сын

его меньшей Иван-царевич жив и здравствует, весьма обрадовался и сел с царицею и с тремя царевнами в присланную для них преобгато убранную колесницу, а детей своих насильно приказал посадить в срамные телеги, говоря притом, что вы по вине своей и того не заслуживаете. Иван-царевич встретил их великолепно и простил братьям своим их вину; потом назначил Василью-царевичу в супруги серебряного государства царевну Елену, а Федору-царевичу медного государства царевну Земиру, а себе взял золотого государства царевну Плену и отдал братьям серебряное и медное яйца, сокрывающие в себе оные государства. На другой день совершен был брак всех братьев, к великой радости подданных. И так обладали они своими подданными и всеми государствами, которые были поставлены на одном море.

СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ ЗОЛОТОЙ КОСЕ, НЕПОКРЫТОЙ КРАСЕ И ОБ ИВАНЕ-ГОРОХЕ

Жил-был царь Светозар. У него, у царя, было два сына и красавица дочь. Двадцать лет жила она в светлом тереме; любовались на нее царь с царицею, еще мамушки и сенные девушки, но никто из князей и богатырей не видал ее лица. А царевна-краса называлась Василиса золотая коса; никуда она из терема не ходила, вольным воздухом царевна не дышала; много было у ней и нарядов цветных и каменьев дорогих, но царевна скучала: душно ей в тереме, в тягость покрывало! Волосы ее густые, златошелковые, не покрытые ничем, в косу связанные, упали до пят, и царевну Василису стали люди величать: золотая коса, непокрытая краса. Но земля слухом полнится: многие цари узнавали и послов присылали царю Светозару челом бить, царевну в замужество просить. Царь не спешил; только время пришло, и отправил он гонцов во все земли с вестью, что будет царевна жениха выбирать, чтоб цари и царевичи съезжа-

лись, сбирались к нему пировать, а сам пошел в терем высокий сказать Василисе Прекрасной. Царевне на сердце весело; глядя из окошка косячатого, из-за решетки золотой, на сад зеленый, лужок цветной, захотела она погулять; попросила ее отпустить в сад — с девицами поиграть. «Государь батюшка! — она говорила. — Я еще свету божия не видала, по траве, по цветам не ходила, на твой царский дворец не смотрела; дозвожь мне с мамушками, с сенными девушками в саду проходиться».

Царь дозволил, и сошла Василиса Прекрасная с высокого терема на широкий двор. Отворились ворота тесовы, очутилась она на зеленом лугу пред крутою горой; по горе той росли деревья кудрявые, на лугу красовались цветы разнообразные. Царевна рвала цветочки лазоревые; отошла она немного от мамушек — в молодом уме осторожности не было; лицо ее было открыто, красота без покрова... Вдруг поднялся сильный вихрь, какого не видано, не слышано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертело, глядь — подхватил вихорь царевну, понеслась она по воздуху! Мамки вскрикнули, ахнули, бегут, оступаются, во все стороны мечутся; но только и увидели, как помчал ее вихорь! И унесло Василису золотую косу через многие земли великие, реки глубокие, через три царства в четвертое — в область змея лютого. Мамки бегут в палаты, слезами обливаются, царю в ноги бросаются: «Государь! Неповинны в беде, а повинны тебе; не прикажи нас казнить, прикажи слово молвить: вихорь унес наше солнышко, Василису-красу золотую косу, и неведомо — куда». Все рассказали, как было. Опечалился царь, разгневался, а и в гневе бедных помиловал.

Вот наутро князья и королевичи в царские палаты наехали и, видя печаль, думу царскую, спросили его: что случилось? «Грех надо мною! — сказал им царь. — Вихрем унесло мою дочь дорогую, Василису косу золотую, и не знаю — куда!» Рассказал все, как было. Пошел говор меж приезжими, и князья и королевичи подумали, перемолвились, не от них ли царь отрекается, выдать дочь не

решается? Бросились в терем царевны — нигде не нашли ее. Царь их одарил, каждого из казны наделил; сели они на коней, он их с честью проводил; светлые гости откланялись, по своим землям разъехались. Два царевича молодые, братья удалые Василисы золотой косы, видя слезы отц-матери, стали просить родителей: «Отпусти ты нас, государь-отец, благослови, государыня-матушка, вашу дочь, а нашу сестру отыскивать!» — «Сыновья мои милые, дети родимые, — сказал царь невесело, — куда же вы поедете?» — «Поедем мы, батюшка, везде — куда путь лежит, куда птица летит, куда глаза глядят; авось мы и сыщем ее!» Царь их благословил, царица в путь снарядила; заплакали, расстались. Едут два царевича; близко ли путь, далеко ли, долго ль в езде, коротко ли — оба не знают. Едут год они, едут два, проехали три царства, и синеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля змея лютого. И спрашивают царевичи встречных: не слышали ли, не видали ли, где царевна Василиса золотая коса? И от встречных в ответ им: «Мы ее не знали; где она — не слышали». Дав ответ, идут в сторону. Подъезжают царевичи к великому городу; стоит на дороге предряхлый старик — и кривой и хромой, и с клюкой и с сумой, просит милостыни. Приостановились царевичи, бросили ему деньгу серебряную и спросили его: не видал ли он где, не слышал ли чего о царевне Василисе золотой косе, непокрытой красе? «Эх, дружки, — отвечал старик, — знать, что вы из чужой земли. Наш правитель лютей змей запретил крепко-накрепко толковать с чужеземцами; нам под страхом заказано говорить, пересказывать, как пронес мимо города вихрь царевну прекрасную». Тут догадались царевичи, что близко сестра их родимая; рьяных коней понукают, к дворцу подъезжают. А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных камней, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся-сходятся.

На ту пору Василиса Прекрасная смотрит в грусти в окошечко, сквозь решетку золотую, и от радости вскрикну-

ла — братьев своих вдалеке распознала, словно сердце сказало. И царевна тихонько послала их встретить, во дворец проводить; а змей лютей в отлучке был. Василиса Прекрасная береглася, боялася, чтобы он не увидел их. Лишь только вошли они, застонал столб серебряный, расходился лестницы, засверкали все кровельки, весь дворец стал повертываться, по местам передвигаться. Царевна испугалась и братьям говорит: «Змей летит, змей летит, оттого и дворец кругом повертывается. Скройтесь, братья!» Лишь сказала, как змей лютей влетел, и он крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом: «Кто тут живой человек?» — «Мы, змей лютей! — не робей, отвечали царевичи. — Из родной земли за сестрой пришли». — «А, это вы, молодцы! — вскрикнул змей, крыльями хлопая. — Незачем бы вам от меня пропадать, здесь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшие!» И змей подхватил на крыло одного, ударил им в другого и свистнул и гаркнул. К нему прибежала дворцовая стража, подхватила мертвых царевичей, бросила обоих в глубокий ров! Залилась царевна слезами, Василиса коса золотая, ни пищи, ни питья не принимала, на свет бы глядеть не хотела; дня два и три проходит — ей не умирать стать, умереть не решилася — жаль красоты своей, голода послушала, на третий покушала. А сама думу думает, как бы от змея избавиться, и стала выведывать ласкою. «Змей лютей! — сказала она. — Велика твоя сила, могуч твой полет, неужели тебе супротивника нет!» — «Еще не пора! — молвил змей. — На роду моем написано, что будет мне супротивник Иван-Горох, и родится он от горошинки».

Змей в шутку сказал, супротивника не ждал. Надеется сильный на силу, а и шутка находит на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нет весточки о детях; за царевною царевичи пропали.

Вот пошла она однажды разгуляться в сад с боярынями. День был знойный, пить царица захотела. В том саду из пригорка выбегала струею ключевая вода, а над ней был колодезь беломраморный. Зачерпнув золотым ковшем

воды чистой, как слезинка, царица пить поспешила и вдруг проглотила с водою горошинку. Разбухла горошинка, и царице тяжелешенько; горошинка растет да растет, а царицу все тягчит да гнетет.

Прошло несколько времени — родила она сына; дали ему имя Иван-Горох, и растет он не по годам, а по часам, гладенький, кругленький! Глядит, усмехается, прыгает, выскочит, да в песке он катается, и все прибывает в нем силы, так что лет в десять стал могуч богатырь. Начал он спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьев и сестер, и узнал, как случилось, что сестру вихрь унес — неведомо куда; два брата отпросились отыскивать сестру и без вести пропали. «Батюшка, матушка, — просился Иван-Горох, — и меня отпустите; братьев и сестру отыскать благословите». — «Что ты, дитя мое! — в один голос сказали царь и царица. — Ты еще зеленехонек-молодехонек; братья твои пошли да пропали, а ты как пойдешь — пропадешь!» — «Авось не пропаду!» — сказал Иван-Горох. — Я братьев и сестры доискаться хочу». Уговаривали и упрашивали сына милого царь с царицею, но он просится, всплачет, взмолится; в путь-дорогу снарядили, со слезами отпустили.

Вот Иван-Горох на воле, выкатился в чистое поле; едет он день, едет другой, к ночи в лес темный въезжает. В лесу том избушка на курьих ножках, от ветра шатается, сама перевертывается. По старому присловью, по мамкину сказанью — «Избушка, избушка, — молвил Иван, подув на нее, — стань к лесу задом, ко мне передом». И вот повернулась к Ивану избушка, глядит из окошка седая старушка и молвит: «Кого бог несет?» Иван поклонился, спросить торопился: «Не видала ли, бабушка, вихря залетного? В какую он сторону уносит красных девиц?» — «Ох-ох, молодец! — отвечала старуха, покашливая, на Ивана посматривая. — Меня тоже напугал этот вихрь, так что сто двадцать лет я в избушке сижу, никуда не выхожу: неравно налетит да умчит! Ведь это не вихорь, а змей лютей!» — «Как бы дойти к нему?» — спросил Иван. «Что ты, мой свет, змей

проглотит тебя». — «Авось не проглотит!» — «Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово из змеиных палат воды принести, которою всплеснешься — помолодеешь!» — промолвила она, через силу шевеля губами. «Добуду — принесу, бабушка! Слово даю». — «Верю на совесть твою. Иди же ты прямо, куда солнце катится; через год дойдешь до Лисьей горы, там спроси — где дорога в змеиное царство». — «Спасибо, бабушка!» — «Не на чем, батюшка!»

Вот Иван-Горох пошел в сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошел он три государства, дошел и до змеиного царства. Перед городскими воротами увидел он нищего — хромого, слепого старика с клюкой, и, подав милостыню, спросил его, нет ли в том городе царевны, молодой Василисы косы золотой. «Есть, да не велено сказывать!» — отвечал ему нищий. Иван догадался, что сестра его там; добрый молодец смел, прибодрился и к палатам пошел.

На ту пору Василиса-краса золотая коса смотрит в окошко, не летит ли змей лютей, и заметила издалека богатыря молодого, знать об нем пожелала, тихонько разведать послала: из какой он земли, из какого он рода, не от батюшки ли прислан, не от матушки ль родимой? Услышав, что пришел Иван, брат меньшой (а царевна его и в лицо не знавала), Василиса к нему подбежала, встретила брата со слезами. «Беги поскорее, — закричала, — беги, братец! Скоро змей будет, увидит — погубит!» — «Сестрица любезная!» — отвечал ей Иван. — Не ты бы говорила, не я бы слушал. Не боюсь я змея и всей силы его». — «Да разве ты — Горох, — спросила Василиса коса золотая, — чтоб сладить с ним мог?» — «Погоди, друг-сестрица, прежде напой меня; шел я под зноем, приустал я с дороги, так хочется пить». — «Что же ты пьешь, братец?» — «По ведру меду сладкого, сестрица любезная!» Василиса коса золотая велела принести ведро меду сладкого, и Горох выпил ведро за один раз, одним духом; попросил налить другое. Царевна приказать торопилась, а сама смотрела-дивилась. «Ну, братец, — ска-

зала, — тебя я не знала, а теперь поверю, что ты Иван-Горох». — «Дай же присесть немного — отдохнуть с дороги». Василиса велела стул крепкий придвинуть, но стул под Иваном ломается, в куски разлетается; принесли другой стул, весь железом окованный, и тот затрещал и погнулся. «Ах, братец, — вскричала царица, — это стул змея лютого». — «Ну, видно, я потяжелел!» — сказал Горох, усмехнувшись, встал и пошел на улицу, из палат в кузницу. И там заказал он старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посох железный в пятьсот пуд. Кузнецы за работу взялись-принялись, куют железо, день и ночь молотами гремят, только искры летят; через сорок часов был посох готов. Пятьдесят человек несут — едва тащат, а Иван-Горох взял одной рукой бросил посох вверх — посох полетел, как гроза загремел, выше облака взвился, из вида скрылся. Весь народ прочь бежит, от страха дрожит, думая: когда посох на город упадет, стены прошибет, людей передавит, а в море упадет — море расхлестнет, город затопит. Но Иван-Горох спокойно в палаты пошел, да только сказать велел, когда посох назад полетит. Побежал с площади народ, смотрят из-под ворот, смотрят из окон, не летит ли посох? Ждут час, ждут другой, на третий задрожали, сказать прибежали, что посох летит. Тогда Горох выскочил на площадь, руку надставил, на лету подхватил, сам не нагнулся, а посох на ладони согнулся; Иван посох взял, на коленке поправил, разогнул и пошел во дворец.

Вдруг послышался страшный свист — мчится змей лютый, конь его вихорь стрелою летит, пламенем пышет; с виду змей — богатырь, а голова змеиная. Когда он летит, еще за десять верст весь дворец начнет повертываться, с места на место передвигаться; а тут дворец с места не трогается. Видно, седок есть! Змей призадумался, присвистнул, загаркал; конь-вихорь потряхнул черною гривой, размахнул широкие крылья, взвился, зашумел; змей подлетает ко дворцу, а дворец с места не трогается. «Ого! — заревел змей лютый. — Видно, есть супротивник; не Горох ли в гостях у меня?» Скоро пришел богатырь. «Я посажу

тебя на ладонь одною рукою, прихлопну другою — костей не найдут!» — «Увидим!» — молвил Иван-Горох; с посохом выходит, а змей с вихря кричит: «Расходись, Горох, не катаясь!» — «Лютый змей, развезжайся!» — Иван отвечал, посох поднял. Змей разлетелся ударить Ивана, взоткнуть на копье — промахнулся; Горох отскочил — не шатнулся. «Теперь я тебя!» — зашумел Горох, пустил в змея посох и так огорошил, что змея в куски разорвал, разметал, а посох землю пробил, ушел через два в третье царство.

Народ шапки вверх побросал, Ивана царем величал; но Иван тут, приметя кузнеца-мудреца, в награду, что посох скоро сработал, старика подозвал и народу сказал: «Вот вам голова! Слушайте его, на добро радея, как прежде на зло слушали вы лютого змея».

Иван добыл и живо-мертвой воды, спрыснул братьев; поднялись молодцы, протирают глаза, сами думают: «Долго спали мы; бог весть, что сделалось!» — «Без меня и век бы вы спали, братья милые, други родимые!» — сказал им Иван-Горох, прижимая к ретивому сердцу. Не забыл он взять и змеиной водицы; корабль снарядил, по реке лебединой с Василисой-красой, золотою косою поплыл в земли свои через три царства в четвертое; не забыл и старушки в избушке, дал ей умыться змеиной водицей: обернулась она молодецкой, запела-заплясала, за Горохом бежала, в пути провожала. Отец и мать Ивана встречали с радостью, с честью; гонцов разослали во все земли с вестью, что возвратилась дочь их родная, Василиса коса золотая. В городе звон, по ушам трезвон, трубы гудят, бубны стучат, самопалы гремят. Василиса жениха дождалась, а царевичу невеста нашлась. Четыре венца заказали, две свадьбы пировали, на веселье на радостях пир горой, мед рекой!

Деды дедов там были, мед пили, и до нас дошло, по усам текло, в рот не попало; только ведомо стало, что Иван по смерти отца принял царский венец, правил со славой державой, и в роды родов славилось имя царя Гороха.

СКАЗКА О СЕМИ СЕМИОНАХ, РОДНЫХ БРАТЬЯХ

Был-жил старик со старухой, и жили они несколько лет, а детей у них не было, и уже к великой старости приходили, как начали молить бога, чтоб даровал им детище, которое б было в старости их помоогоу в работе. И молятся они год, другой, молятся третий и четвертый, молятся пятый и шестой, а не вымолят ни единого детища; однако через семь лет старуха понесла и после родила вдруг семь сынов, которых всех назвали Семионами. И когда старик со старухою умерли, то остались Семионы сиротами, и были они тогда все по десятому году, и пахали свое поле уже сами, и не уступали своим соседям.

В некое время случилось мимо той деревни ехать царю Адору, который был самодержавецу всей той области, и увидел работающих на поле семь Семионов. Он весьма удивился, что такие малые ребята — и пашут и боронят свою пашню, чего ради и послал к ним старшего своего боярина, чтоб спросить, чьи они дети? Боярин, пришедши к Семионам, спрашивал: для чего они, такие малые ребята, работают такую тяжелую работу? На то ему ответ держал старший Семион, что они сироты и что за них работать некому, и притом сказал, что всех их зовут Семионами. Боярин пошел от них и сказал о том царю Адору, который весьма удивился, что столько ребят-братьев называются одним именем, — для чего и послал к ним того ж боярина, чтоб их взять с собою во дворец. Боярин государев приказ исполнил и взял всех Семионов с собою.

Когда царь приехал во дворец, тогда собрал он к себе всех своих бояр и думных дьяков и спрашивал у них совет таковыми словесами: «Господа мои бояра и думные дьяки! Вы видите сих семь сирот, которые не имеют у себя никаких родственников; я хочу сделать их такими людьми, чтоб после они меня благодарили, для чего и требую у вас совета: в какую науку или художество мне их отдать должно учиться?» На сие отвечали все так: «Милостивейший го-

сударь! Как теперь они уже на возрасте и в разуме, то не рассудите ли за благо спросить их каждого особливо, кто в какую науку или художество пожелает пуститься».

Царь принял сей совет с радостью и начал большего Семиона спрашивать: «Слушай, друг мой, в какую науку или художество пуститься желаешь, то в такую я тебя и учиться отдам». Семион на то ему отвечал: «Ваше царское величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не желаю; а ежели бы вы приказали посреди вашего царского двора построить кузницу, то сковал бы я вам столб до самого неба». Царь увидел, что этого Семиона учить не для чего, потому что он и так уже кузнечное ремесло довольно искусно знает; однако не верил, чтоб он мог сковать столб до самого неба, и потому приказал в скором времени посреди своего царского двора построить кузницу.

Потом спрашивал другого Семиона: «А ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь, в такую я тебя и отдам». На сие Семион ему сказал: «Ваше величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не хочу; а ежели большой мой брат скует железный столб до неба, то я по тому столбу взлезу на самый верх и стану смотреть во все государства и буду тебе сказывать, что в котором государстве делается». Царь рассудил, что и того Семиона учить не надобно, потому что он и так мудрен.

После спрашивал третьего Семиона: «Ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь?» Семион на то ему сказал: «Ваше величество! Я никакой науке, ни художеству учиться не хочу; а ежели бы мой большой брат сковал мне топор, я тем топором тяп да ляп — тотчас бы сделал корабль». Король на то ему сказал: «Мне корабельные мастера надобны, и тебя ничему иному учить уже больше не должно».

Потом спросил он четвертого Семиона: «Ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?» — «Ваше величество! — сказал он на то ему. — Я никакой науке учиться не желаю, а ежели бы мой третий брат сделал

корабль и когда бы тому кораблю случилось быть в море и напал бы на него неприятель, то б я взял корабль за нос и повел бы его в подземельное государство, и когда бы неприятель ушел прочь, то тогда б я опять корабль вывел на море». Царь удивился таким великим четвертого Семиона чудесам и сказал ему: «И тебя учить не надобно!»

Потом спросил пятого Семиона: «А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?» — «Я ничему учиться не желаю, ваше величество! — сказал Семион. — А ежели большой мой брат скует мне ружье, то я тем ружьем, ежели увижу птицу — хотя за сто верст, то ее подстрелю». — «Ну, так ты исправный будешь у меня стрелец!» — сказал ему царь.

После спросил шестого Семиона: «Ты, Семион, в какую науку вступить желаешь?» — «Ваше величество! — сказал ему Семион. — Я ни в какую науку, ни в художество вступить не желаю, а ежели мой пятый брат подстрелит птицу на лету, то я ее до земли не допущу и, подхватя, принесу к тебе». — «Великий искусник! — сказал ему царь. — Ты у меня вместо легавой собаки в поле можешь служить».

После спросил царь последнего Семиона: «А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?» — «Ваше величество! — отвечал он ему. — Я никаким наукам, ни художествам учиться не желаю, потому что я и так ремесло имею предорогое!» — «Да какое ж ты имеешь ремесло?» — спросил его царь. — «Скажи мне, пожалуй!» — «Я хорошо умею воровать, — сказал ему Семион, — и так, что никто против меня не сворует». Царь весьма осердился, услыша о таком дурном его ремесле, и говорил потом к своим боярам и думным дьякам: «Господа мои! Чем присоветуете мне наказывать сего вора Семиона, и скажите, какою казнию казнить его должно?» — «Ваше величество! — сказали ему все они. — На что его казнить? Может быть, он вор с именем, и такой, который в случае будет надобен». — «Да почему это?» — спросил царь. «А вот потому, что ваше величество уже десятый год как достаете себе в супруги царевну Елену Прекрасную, а достать не можете, и

притом много силы и войска потеряли и множество казны и прочего издержали; и этот Семион-вор, может быть, царевну Елену Прекрасную вашему величеству как-нибудь украдет». Царь на то им сказал: «Друзья мои, вы правду мне говорите!»

Потом обернулся он к Семиону-вору и сказал ему: «Что, Семион, можешь ли ты съездить за тридевять земель в тридесятое государство и украсть мне царевну Елену Прекрасную, а я в нее весьма крепко влюблен; и ежели ты мне ее украдешь, то я тебе сделаю великое награждение». — «Это наше дело, ваше величество, — отвечал седьмой Семион, — и я вам ее, ежели только прикажете, украду». — «Не только чтобы тебе приказывать, — сказал ему царь, — но я еще о том и прошу; и теперь не медли больше при дворе моем и бери себе силы-войска и золотой казны, сколько тебе надобно». — «Мне ни силы, ни войска, ни золотой казны не надобно, — отвечал он. — Отпусти нас всех братьев вместе, и я тебе царевну Елену Прекрасную достану».

Царю не хотелось со всеми Семионами расстаться, однако, хотя то и жалко ему было, но принужден был отпустить их всех вместе.

Между тем кузница на царском дворе была устроена, и большой Семион сковал железный столб до самого неба, а другой Семион взлез по тому столбу на самый верх и смотрел в ту сторону, где было государство отца царевны Елены Прекрасной, и после закричал он с вершины столба царю Адору: «Ваше величество! Вижу, за тридевять земель в тридесятом государстве царевна Елена Прекрасная сидит под окошечком, и у ней из косточки в косточку мозжечок переливается».

Тогда царь еще больше красотою ее прельстился и потом вскрикнул к Семионам громким голосом: «Друзья мои, отправьтесь в путь как можно скорее, ибо я не могу жить без прекрасной царевны Елены!» Почему большой Семион сковал третьему Семиону топор, а пятому сделал ружье; и после того взяли с собою несколько хлеба на

дорогу, а Семион-вор взял с собою кошку, и потом пошли в путь свой. Кошку ту Семион-вор так к себе приучил, что она везде за ним бегала, как собака, и ежели он останавливался на дороге или в ином каком месте, то кошка становилась на задние лапы, а потом терлась около него и мурлыкала.

И так шли они путем-дорогою несколько времени и, наконец, пришли к морю, чрез которое надо было им переехать, а не на чем. Они ходили долго по морскому берегу и искали какого-нибудь дерева, чтоб сделать себе судно, и после нашли один дуб превеликий. Третий Семион взял свой топор и срубил тот дуб по самый корень, а потом по нем же тяп да ляп — сделал тотчас корабль, который был оснащен, а в корабле очутились разные дорогие товары. Все Семионы сели на тот корабль и поплыли в путь и чрез несколько месяцев прибыли благополучно в то место, в которое им надобно было. Как скоро въехали они в корабельную пристань, то тотчас бросили якорь.

На другой день Семион-вор взял свою кошку, и пошел в город, и пришедши к царскому двору, остановился против окон царевны Елены Прекрасной; в то ж самое время кошка села на задние лапы, а потом начала тереться и мурлыкать. Надобно знать, что в том государстве совсем не знали и не слыхали, что есть за зверь кошка.

Царевна Елена Прекрасная в то самое время сидела под окошечком и, увидя кошку, тотчас послала своих нянюшек и мамушек, чтоб спросить у Семиона, что то был за зверек, не продаст ли он его, и ежели продаст, то какую за него просит цену? Нянюшки и мамушки тотчас выбежали на улицу и спрашивали Семиона: какой это у него зверек и не продаст ли его? Семион на то им отвечал: «Государыни мои, извольте доложить ее высочеству Елене Прекрасной, что этот зверек называется кошкою и что я его не продаю, а ежели она пожелает этого зверька иметь у себя, то оного дарю ей без всякой платы». Нянюшки и мамушки тотчас побежали в палаты и донесли о том ей, что от Семиона слышали. Царевна же Елена Прекрасная обрадо-

валась чрезвычайно, и выбежала сама из палат, и спрашивала Семиона: не продаст ли кошки? Семион ей сказал: «Ваше высочество! Я сей кошки не продаю; а если она вам угодна, то вам ее дарую». Царевна, взяв кошку к себе на руки, пошла в палаты, а Семиону приказала идти за собою. Когда они пришли в палаты, царевна пошла к своему батюшке царю Саргу, и показала ему кошку, и объявила, что ей подарил некий чужестранец. Царь, увидя такого чудного зверька, весьма обрадовался и приказал призвать к себе Семиона-вора, и когда он к нему пришел, то царь хотел его наградить казною за кошку, но как Семион не хотел принять от него, то сказал ему: «Друг мой! Живи покуда в моем доме, и между тем временем кошка при тебе лучше может привыкнуть к моей дочери». На сие Семион также не согласился и сказал царю: «Ваше величество! Я бы с радостию великою мог жить в вашем доме, когда бы не было у меня корабля, на котором я в ваше государство приехал и который препоручить мне некому; а ежели прикажете мне, то я буду ходить к вашему величеству всякий день и стану кошку приучать к вашей любезной дочери».

Итак, царь приказал Семиону, чтоб ходил он к нему всякий день. Семион начал ходить к царевне Елене Прекрасной, и в некоторый день он ей сказал: «Милостивая государыня! Я уже давно к вам хожу, а вижу, что вы никуда прогуливаться не изволите; хотя бы ко мне на корабль пожаловали; я бы показал вам такие дорогие парчи, которых вы никогда еще не видывали». Царевна тотчас пошла к своему батюшке и начала проситься погулять на корабельную пристань. Царь ее отпустил и сказал, чтоб она взяла с собою нянюшек и мамушек, и пошла с Семионом.

Как скоро пришли они на корабельную пристань, то тотчас Семион просил царевну на свой корабль, и когда она на оный вошла, то Семион-вор и прочие его братья начали царевне показывать разные дорогие парчи. После того Семион-вор сказал Елене Прекрасной: «Ваше высочество! Теперь извольте приказать своим нянюшкам и мамушкам

СКАЗКА О СИЛЬНОМ И ХРАБРОМ НЕПОБЕДИМОМ БОГАТЫРЕ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО СУПРУЖНИЦЕ ЦАРЬ-ДЕВИЦЕ

сойти с моего корабля, потому что я хочу вам показать такие дорогие товары, которых не должны они видеть». Царевна тотчас приказала своим нянюшкам и мамушкам сойти с корабля, и как скоро они сошли, то в то же самое время Семион-вор велел тихонько своим братьям отрубить якорь и пуститься в море на всех парусах; а сам между тем начал царевне показывать дорогие товары, из которых и подарил ее некоторыми.

Прошло уже часа с два времени, как он показывал царевне свои товары: наконец она ему сказала, что ей время уже и домой идти, потому что царь, ее отец, будет дожидаться ее обедать. Потом вышла она из каюты и видит, что корабль на ходу и что берегов уже не видно. Тогда она ударила себя в грудь и вдруг оборотилась лебедем и полетела. Пятый Семион взял тотчас свое ружье и подстрелил лебедя, а шестой Семион и до воды ее не допустил и принес ее опять на корабль, где царевна стала по-прежнему девицею.

Нянюшки же и мамушки, которые стояли на корабельной пристани, увидя, что корабль отвалил от берега с царевною, тотчас бросились все к царю и пересказали ему о том Семионовом обмане.

Царь тогда ж нарядил целый флот за ними в погоню, и когда тот флот начал нагонять Семионов корабль гораздо близко, тогда четвертый Семион взял свой корабль за нос и увел его в подземельное государство. Когда же корабля совсем стало не видимо, то начальники флота, увидя, как он ушел на дно, думали, что корабль потонул и с царевною Еленою Прекрасною, почему и возвратились назад и донесли царю Саргу, что Семионов корабль и с Еленою Прекрасною потонул.

Семионы же благополучно в свое государство прибыли, вручили царевну Елену Прекрасную царю Адору, который за такую великую Семионов услугу отпустил их всех на волю и дал им довольно золота, и серебра, и драгоценного камня, а сам женился на Прекрасной Елене и жил с нею многие лета благополучно и мирно.

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь по имени Ахридей, и тот царь жил с своею супругою Дарьею много лет, а детей не имел. Уже приходили они к старости, и начали богу молиться, чтобы даровал им детище. Скоро после того царица Дарья обременела, и чрез обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую назвали Луною; чрез год родила она другую дочь — еще краше и лучше первой: назвали ее Звездою. Царевны выросли, и когда большая сестра была по пятнадцатому году, а меньшая по четырнадцатому, то в некое время пошли они в зеленый сад гулять с своими нянюшками и мамушками и гуляли там долгое время. Вдруг поднялся превеликий вихрь и унес обеих царевен. Нянюшки и мамушки испугались, побежали к царице Дарье и сказали ей про ту беду. Царица Дарья чуть не умерла с той горькой ведомости, а царь Ахридей начал клич кликать: кто същет царевен, за того отдам любую из них замуж. Ни один богатырь не вызвался. Царь собрал волхвов, стал у них выспрашивать: не знают ли, где его дочери? Но и те откликлись от этого дела.

Вот царь Ахридей потужил немалое время и напоследок начал опять просить бога, чтобы даровал ему при старости наследника, и роздал великие и щедрые милостыни на бедных и по церквам и по монастырям. Бог услышал молитву, даровал ему сына, Ивана-царевича. Иван-царевич рос не по годам, а по часам, так, как пшеничное тесто на опаре киснет, и, когда пришли его совершенные лета, то обучился разным наукам. И проведал Иван-царевич, что были у него две сестры родные, да без вести пропали, и вздумал проситься у отца своего, у матери, чтоб позволили ему идти в дальние государства и проведать о сестрах;

пришел к своему родителю, и поклонился до земли, и стал говорить: «Милостивый батюшка! Я пришел к тебе не пир пировать, не совет советовать, не крепкую думу думать, а пришел просить у тебя благословения; хочу я идти в дальние государства и проведать о моих любезных сестрицах, что без вести пропали!» — «Ох ты гой еси, молодой юноша Иван-царевич!» — сказал ему царь Ахридей. — Куда тебя бог несет и в какую пойдешь ты сторону? Ведь ты еще млад и к дорожным трудам непривычен». Но Иван-царевич просил так неотступно и со слезами, что отец не выдержал — отпустил его. Царевич богу помолился, на все на четыре стороны поклонился, с отцом, с матерью попрощался и пошел один, как перст, без провожатого.

Идет царевич путем-дорогою несколько месяцев, и случилось ему в некое время идти чрез густой, дремучий лес. Услыхал он в стороне большой шум, направился на тот шум с великим торопом и увидел, что дерутся промеж себя два лешие. Подошел к ним. «Послушайте, — спрашивает, — за что вы деретесь? Скажите-ка мне, я вас помирю». Отвечал ему один леший: «Добрый человек! Рассуди, пожалуй, нашу ссору; вот посмотри, шли мы двое дорогою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку: стоит только развернуть скатерть, тотчас выпрыгнут из нее двенадцать добрых молодцев да двенадцать красных девиц, принесут разных кушаньев и напитков и начнут потчевать. Из этой находки сапоги да шляпу беру я себе, а скатерть отдаю моему товарищу; а он хочет всем овладеть и для того вступил со мной в драку». — «Хорошо, — сказал Иван-царевич, — я ваше дело разберу, только дайте и мне долю». Лешие согласились. Тогда Иван-царевич сказал им: «Бегите по этой дороге изо всей мочи, и кто кого на трех верстах опередит, тому и достанется вся находка». Оба лешие с радостью побежали по указанной дороге, и скоро совсем из виду скрылись; Иван-царевич надел на себя сапоги-самоходы и шляпу-невидимку, скатерть-самобранку взял под мышку и пошел дальше. Когда лешие воротились назад, то не нашли ни Ивана-царевича,

ни своих находок и бросились искать его по лесу. Однако хотя и находили на царевича, но не могли его видеть, потому что на нем была надета шляпа-невидимка.

Избегавши попусту весь лес, они напоследок разошлись по своим местам; а Иван-царевич шел несколько дней и увидел: стоит на дороге малая избушка к лесу передом, а к нему задом; подошел к ней и молвил: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне обернись передом». Вдруг избушка обернулась к лесу задом, а к нему передом. Царевич вошел в избушку; там на полу сидела баба-яга, ноги в потолок уперши, и пряла шерсть. Увидя Ивана-царевича, баба-яга сказала: «Фу-фу-фу! Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а нынче русский дух воочью совершается. Зачем ты, добрый молодец Иван-царевич, сюда зашел, волею или неволею? Я здесь живу уже сорок лет, а никакой человек мимо меня не проаживал, не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а ты как сюда забрел?» — «Ох ты, глупая старая баба! — в ответ сказал Иван-царевич. — Ты прежде меня, доброго молодца, напой-накорми, да тогда и спрашивай». Яга-баба тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила царевича и в бане выпарила и стала опять спрашивать: «Как ты сюда зашел, добрый молодец, волею или неволею?» Ответ держал Иван-царевич: «Сколько волею, а вдвое того неволею. Иду я искать моих родных сестриц Луну и Звезду; а где их сыскать — сам не ведаю». — «Добро, Иван-царевич! — молвила баба-яга. — Молись богу и ложись спать: утро вечера мудренее». Царевич лег спать и от дорожного труда заснул крепко. Поутру, чуть только на дворе рассветать стало, яга-баба начала его будить: «Добрый молодец! Пора тебе в путь идти». Встал царевич, умылся, оделся, помолился, на все четыре стороны поклонился и начал с ягою прощаться. Тогда яга-баба ему сказала: «Что ж ты, царевич, со мною прощаешься, а не спросишь, куда тебе надобно — в какую сторонушку? Ступай-ка ты, добрый молодец, вот по этой дороженьке и увидишь в чистом поле палаты белокаменные; в тех пала-

тах живет твоя большая сестра Луна. Только трудно тебе взять ее, потому что живет с нею нечистый дух; приходит он в палаты медведем, а как войдет — тотчас оборачивается человеком».

Царевич простился с ягою, надел на себя сапоги-самоходы и пошел в путь. На третий день увидел он в чистом поле белокаменные палаты, покрылся шляпою-невидимкою и вступил в спальню к любезной своей сестрице, прекрасной царевне Луне. В то время царевна Луна лежала на кровати и опочивала крепким сном. Царевич подошел к кровати, начал ее будить и скинул с себя шляпу-невидимку; царевна пробудилась: «Кто ты таков и зачем сюда пришел?» — «Любезная моя сестрица, прекрасная царевна Луна! — отвечал царевич. — Я твой брат единокровный Иван-царевич; принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей Дарьи: они вельми по тебе и по сестрице Звезде сокрушаются». Прекрасная царевна Луна тотчас вскочила с постели и во слезах начала обнимать царевича; долгое время они целовались, миловались, а после того царевна сказала: «Любезный мой братец! Я несказанно рада, что вижу тебя; но опасаясь, чтоб не пришел Медведь и не съел бы тебя». — «Не крушись о том, — молвил ей царевич, — я этого не боюсь!»

Скоро поднялся сильный вихрь. Тогда прекрасная царевна сказала царевичу в великом страхе: «Любезный братец Иван-царевич! Скоро Медведь прибежит; спрячься куда-нибудь, не то съест тебя». — «Не бойся!» — сказал ей царевич, потом надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Медведь вошел в комнату и закричал человеческим голосом. «Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет». — «Ах, мой свет, — сказала Луна, — тебе стыдно о том и говорить; откуда здесь быть русскому духу? Ты по Руси бегаешь и там русского духу набрался; так тебе и здесь то же чудится». — «Да не пришел ли брат твой Иван-царевич?» — спросил Медведь — Ведь он давно уж

родился». — «Я сроду брата не видела и того, есть ли у меня брат, не ведаю. А что если бы брат пришел, ведь ты бы съел его?» — «Нет, — отвечал Медведь, — я никогда того не сделаю. Ведь я знаю, что он тебе мил; а по тебе и мне мил». — «Покались прежде!» — «Изволь, клянусь тебе, чем сама хочешь». — «Когда так, — сказала царевна Луна, — то брат мой здесь и сидит возле тебя». — «Что ты! Как же я его не вижу?» — сказал Медведь, встал, ударился о сырую землю и сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и молвил: «Иван-царевич! Не прячься от меня; я для тебя не злодей, ничего тебе худого не сделаю».

Тут царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Медведю. Медведь разговаривал с царевичем ласково, потчевал его всякими кушаньями и напитками. Иван-царевич попробовал того-другого и говорит Медведю: «Не хочешь ли моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Луну и Медведя потчевать. Медведь удивился такому чудному делу и спрашивал у Ивана-царевича, откуда он взял такую скатерть? Он про все ему рассказал. Вот таким-то образом жил царевич у Медведя три месяца, а потом собрался в путь и стал спрашивать про меньшую свою сестру, царевну Звезду, где она проживает. «Она живет не очень далеко, — сказала царевна Луна, — только, братец, не чаю, чтоб ты ее увидел, потому что живет она с Морским Чудовищем в медном замке, а вокруг того замка стоит стража великая — все водяные черти; они тебя убьют до смерти». — «Что делать! Хоть сам помру, а сестрицу увижу». Простился Иван-царевич с прекрасною царевною Луною и с Медведем и пошел в путь.

На другой день увидел он медный замок, подошел в ворота; у ворот стоят два водяных черта, на плечах пушки держат, никого в замок не пропускают. «Пропустите меня, — сказал царевич, — ведь я нарочно пришел всех вас с

караула сменить». — «Нет, брат, обманываешь! Если хочешь, полезай через каменную стену, а в ворота ходить не приказано. Да смотри, полезай осторожнее: по ту стороны стены подведены струны: если чуть-чуть до струны дотронешься, то пойдет гром по всему замку и по морю. Морское Чудовище услышит, выйдет из моря и тебя жива не оставит!» Царевич ничего не уstraшилcя и полез в сапогах-самоходах через каменную стену; не задел за струны ни рукою, ни ногою, только платьем слегка зацепил — и в ту ж минуту раздался великий гром по всему замку. Царевич вошел с торопом в палаты, нашел прекрасную царевну Звезду в постели и разбудил ее от крепкого сна. Она проснулась и закричала: «Кто ты и зачем пришел?» — «Любезная сестрица, прекрасная царевна Звезда! — отвечал царевич. — Я твой брат родной Иван-царевич, принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей царицы Дарьи; они вельми по тебе сокрушаются».

Прекрасная царевна Звезда вскочила с постели, начала его целовать, миловать и потом говорит: «Любезный братец, спрячься куда-нибудь! Скоро придет сюда Морское Чудовище и как тебя увидит — тотчас съест». — «Не крушись, — молвил царевич, — я не боюсь!» Надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Вошел Морское Чудовище и закричал человеческим голосом: «Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет. Кто у тебя, царевна, в гостях?» — «Ах, мой свет, — отвечала царевна Звезда, — кому у меня быть? Да русский и зайти сюда не может. Сам ты по Руси бегаешь, набрался там русского духу, так он тебе и здесь чудится!» — «Полно, не пришел ли брат твой Иван-царевич? Ведь он давно уж родился». — «Я сроду никакого брата не видала, и есть ли у меня брат — и того не ведаю. А что если б Ивану-царевичу случилось зайти сюда, ведь ты бы съел его?» — «Нет, — отвечал Чудовище, — я никогда того не сделаю. За что я его съем? Ведь он мне ничего худого не сделал. Знаю и то, что он тебе мил; а по тебе и мне мил». — «Нет, я по тех пор

не поверю, покуда ты клятвы не дашь». — «Изволь! Клянись тебе всем, чем сама хочешь». — «Когда так, — молвила царевна Звезда, — то брат мой здесь и сидит против тебя». — «Что ты врешь?» — сказал Морское Чудо. — «Как же я его не вижу?» — «Он, право, здесь!» — отвечала Звезда. Тогда Чудовище ударился о сырую землю и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и закричал: «Иван-царевич, не прячься! Я тебе не злодей, ничего худого не сделаю и завсегда рад тебя гостем видеть».

Царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Чудовищу. Чудовище разговаривал с ним ласково, потчевал всякими питьями и кушаньями. Царевич попробовал того-другого и говорит Чудовищу: «Не хочешь ли ты моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Звезду и Морское Чудо потчевать. Чудо подивился той скатерти, и спрашивал у Ивана-царевича, где он взял ее. Иван-царевич обо всем ему рассказал, и когда они напились и наелись, то царевич свернул свою скатерть, и стали они веселиться, всякими забавами потешаться.

Прожил царевич у меньшей сестры своей близ года. Когда Чудовища не было дома, стал он говорить царевне Звезде, чтоб она ушла с ним к отцу, к матери. «Что ты, братец! — отвечала она. — Морское Чудо нагонит нас, лютой смерти предаст». — «Как же мне тебя и сестру нашу выручить?» — «Ежели хочешь меня и сестру нашу выручить, то ступай за тридевять земель, в тридесятое государство. Там есть широкая река, через реку каменный мост, под тем мостом живет двенадцатиглавый змей; не пропускает он ни конного, ни пешего, всех пожирает. Кому удастся убить двенадцатиглавого змея, за того Царь-девица замуж выйдет: а с ее помощью можно и меня и сестру выручить». Царевич выслушал эти речи, простился с сестрою и пошел за тридевять земель.

Он надел сапоги-самоходы и в три дня поспел к калиновому мосту. Зашел в кузницу и велел сковать себе меч-кладенец и палицу боевую в сорок пуд; кузнецы сковали ему и меч и палицу. Царевич заплатил за работу и пошел к мосту со змеем биться. Змей тотчас выбежал, бросился на царевича — хочет совсем проглотить его; но царевич приостерегся, махнул палицей и за один раз отсек змею три головы. Змей опять на него бросился, царевич вторично ударил его палицею и сшиб шесть голов. Тут змей выпустил из себя пламя огненное — хочет сжечь царевича; царевич быстро увернулся, ударил змея мечом и рассек его надвое, потом наклак костер дров, зажег и положил все змеинные головы и туловище на огонь, а сам пошел через мост на другую сторону.

Видит он — вылетело из градских ворот двенадцать голубиц; прилетели они к калиновому мосту, ударились о сырую землю и сделались красными девицами. Разделись красные девицы донага и стали купаться; а царевич надел шляпу-невидимку, любитесь на их красоту и ждет, что после будет. Девицы выкупались и оделись; Иван-царевич скинул с себя шляпу, подошел к ним, поклонился и сказал: «Честные девицы, скажите мне, кто этим царством владеет?» — «Этим царством владеет прекрасная Царь-девица; а ты, добрый молодец, как сюда зашел?» — «Я пришел чрез калиновый мост, — отвечал царевич, — и по ту сторону убил змея о двенадцати головах». Только выговорил он эти слова, как двенадцать девиц подхватили его под руки и сказали: «Если ты убил двенадцатиглавого змея, то должен быть нашим государем!» — и повели его к Царь-девице. Царь-девица вышла встречать царевича, принимала его за белые руки, сажала за столы дубовые, за скатерти браные и разговаривала любовно; в тот же день царевич на ней и женился

Прошло несколько дней после свадьбы, начал царевич просить свою супругу, чтоб освободила его сестер, царевен Луну и Звезду. Царь-девица закричала громким голосом: «Приведите ко мне проклятого духа, что сидит в темном

погребу». Приводят к ней того заключенника — ростом превеликий, собой страшный! Говорит ему Царь-девица: «Достань и принеси сюда царевну Луну да царевну Звезду; если сослужишь мне эту службу — на волю тебя выпущу, а не сослужишь — навек тебя заключу в темном погребу». Проклятый дух тотчас помчался буйным вихрем и в скором времени принес обеих царевен; Царь-девица отпустила его на волю, царевну Луну и царевну Звезду отправила к отцу, к матери, а сама стала жить с Иваном-царевичем в любви и совете.

СКАЗКА О ТРЕХ КОРОЛЕВИЧАХ

В некотором царстве, в некотором государстве жил король; у него было три сына: Василий-королевич, Федор-королевич и Иван-королевич. «Любезные дети! — говорил им отец. — Вы видите, что я стар; а слышно, что за тридцать земель в тридцатом царстве, в подсолнечном государстве есть живая и мертвая вода и яблонь, на которой растут такие яблоки, что и старому можно от них сделаться молодым. Как бы добыть этой воды и этих яблок?» Василий-королевич приказал оседлать себе коня и поехал в путь; ехал он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и заехал в такие горы и пропасти и леса непроходимые, что стал опасаться потерять дорогу; воротился назад и сказал отцу, что подсолнечного государства нигде не нашел. Поехал Федор-королевич, и с ним случилось то же.

Тогда вздумал попытать счастья меньшей брат, Иван-королевич; он поехал по новой дороге, ехал-ехал и видит: стоит избушка на курьих ножках, а в избушке баба-яга. Спрашивает его яга-баба: куда едет и волею али неволею? «Сколько неволею, — отвечал Иван-королевич, — а вдвое того своею охотою!» — и рассказал ей, куда и зачем путь держит. Яга-баба дала ему нового коня и послала к своей сестре; эта тоже переменяла ему коня и послала к третьей

сестре, которая, узнавши в чем дело, повела королевича в конюшню и сказала: «Вот тебе конь; поезжай на этом, а своего оставь у меня. А вот и дорога, что ведет в государство, в котором есть живая и мертвая вода и моложавые яблоки. Туда нельзя проехать иначе, как ночным временем. Там увидишь ты высокую стену, перескочи ее и поезжай прямо к садовым воротам; в саду найдешь яблонь, на которой растут моложавые яблоки, и подле два колодезя с живою и мертвою водою. Да как поедешь назад, берегись, чтобы конь твой не зацепил ни за одну струну из тех, что проведены к стене».

Иван-королевич так все и сделал; перескочил через стену и въехал в сад, нарвал моложавых яблок и налил в склянки живой и мертвой воды, да как стал ворочаться — не уберется: прыгая через стену, конь его зацепил за струны, и от того поднялся во всем городе колокольный звон, барабанный бой и пушечная пальба; все встревожилось. Царь-девица, которой принадлежали и моложавые яблоки, и живая и мертвая вода, приказала оседлать коня и тотчас же пустилась за Иваном-королевичем в погоню; но не догнала. Иван-королевич брал у каждой бабы-яги по свежей лошади; а царь-девица как приехала к первой яге и стала о нем спрашивать: «Не видала ль где, баба-яга, такого-то человека?» — «Не видала», — отвечала яга, а сама стала просить царь-девицу, чтоб побыла у нее и успокоилась от такого дальнего пути. Царь-девица пробыла у яги-бабы целый день и целую ночь; то же случилось и у других двух сестер яги-бабы. Когда царь-девица стала нагонять Ивана-королевича, он въехал уже в свое государство. «Счастливы ты, королевич, — сказала царь-девица, — что не попался в мои руки; но постой, я буду к тебе в гости!»

Иван-королевич приехал домой, вынул склянки с живою и мертвою водою, положил на блюдо моложавые яблоки и все это поднес своему отцу. Король весьма обрадовался, съел несколько яблок и помолодел. Стали они себе жить да веселиться. Раз вздумал король взглянуть в окошко и увидел в заповедном своем лугу раскинутую

палатку; тотчас же послал он осведомиться, кто таков осмелился раскинуть свою палатку в королевском заповедном лугу? А в палатке была царь-девица, и говорила она: «Приехала-де я за тем, чтоб король выдал мне из своих сыновей виноватого; а не выдаст — я весь город разорю». Пошел к ней Иван-королевич. «Что мне с тобой делать?» — сказала она. — Коли ты был столько смел, что похитил у меня чудесную воду и моложавые яблоки, то хочу быть твоею женою». Королевич женился на царь-девице и поехал жить в ее государство.

О ИВАНУШКЕ-ДУРАЧКЕ

Был-жил старик, у него было три сына: двое умных, а третий Иванушка-дурачок. Умирая, отец приказал им три ночи сряду ходить по очереди на его могилу и ночевать там. Когда умер старик и его похоронили, большому брату не захотелось идти на отцовскую могилу. «Дай дураку пирог, — сказал он своей жене, — пусть пойдет за меня, ночует на могиле». Дурак взял пирог, положил на плечо дубину и пошел на отцовскую могилу. В самую полночь вдруг свалился с могилы камень, земля раскрылась, встал старик (он был колдун) и спросил: «Кто пришел ночевать?» — «Я, батюшка, твой сын дурак». — «Ну, дурак, коли ты пришел, подарю тебе за то подарок».

После того старик свистнул-гаркнул богатырским посвистом, молодецким покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышет; и как прибежал, то и стал перед стариком как вкопанный. «Вот тебе конь, — сказал отец, — владей по смерти свою»; потом показал ему весь прибор: копьё, палицу боевую и меч-кладенец, и как скоро пропели петухи — свалился в могилу. Поутру пошел дурак домой. «Что тебе привиделось ночью?» — спрашивали его братья. «Ничего, — отвечал он, — я проспал до рассвета». На другую

и на третью ночь опять ходил дурак на отцовскую могилу, и оба раза случилось то же.

В это время один царь велел отвести лобное место и на том месте поставить двенадцать венцов и кликать клич: кто перескочит на коне все двенадцать венцов, тот получит в жены прекрасную царевну. Стали собираться короли и королевичи, цари и царевичи и сильные, могучие богатыри; поехали и братья Иванушки-дурачка. «Братцы, возьмите и меня с собою!» — сказал Иванушка-дурачок. «Куда тебя, дурака, нелегкая несет! — закричали братья. — Оставайся дома да лежи на печи». Только они уехали, дурак слез с печи и говорит своим невесткам: «Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду да грибов наберу». Невестки дали ему лукошко; дурак пошел в чистое поле, положил лукошко под кустик, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Прибежал конь и стал как вкопанный.

Дурак в одно ушко коню влез, напился там, наелся, хорошенько нарядился, а в другое вылез, и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Сел на коня и поехал прямо к городу; нагнал своих братьев, поравнялся и начал их бить плетью, чтоб посторонились и дали ему дорогу. И как приехал к лобному месту, ударил коня по крутым бедрам. Его конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, и перепрыгнул шесть венцов. Тут закричали: «Держи, держи!» Но Иванушка поворотил назад, ускакал в чистое поле, влез своему коню в одно ушко, нарядился, вылез в другое и стал по-прежнему дурак дураком. Взял свое лукошко, пошел по лесу, набрал мухоморов и всяких грибов, что никуда не годятся, и принес домой. Невестки рассердились. «Что ты, дурак! — говорили они. — Разве тебе одному есть эти грибы!» А дурак сказал: «Вот еще! Поди набери грибов, да и то не угодишь».

Воротились домой братья и стали рассказывать о молодце, что нагнал их дорогою, да такой озорник — больно прибил за то, что они не посторонились. Дурак, сидя на

печи, говорил: «Полно, не я ли вас бил, братцы?» — «Что ты врешь, дурак!» — закричали на него братья. В другой раз Иванушка-дурачок перепрыгнул на своем коне десять венцов, а в третий раз и все двенадцать венцов; царевна в ту ж минуту влепила ему в лоб алмазную звезду, а сама закричала: «Держи, лови, лови его!» Но дурак ускакал. Завязал себе голову тряпицею и засел на печи. Царь велел всем собираться к себе на пир, и как собрались, стала царевна обносить всех напитками; подошла к дураку и спросила: «Что у тебя лоб-то завязан?» — «Ходил я, — говорит дурак, — в лес за грибами, упал да зашибся». Царевна развязала тряпицу, и вдруг осветилась вся палата. Дурак женился на царевне.

После того услышал царь, что в его заповедных лугах бегает олень золоторогий, и приказывает зятям своим поймать его. Иванушка-дурачок взял вместо доброго коня коростовую кобылу, сел на нее задом к голове, а передом к хвосту, взялся за хвост и поехал с царского двора; выехал в чистое поле, содрал с лошади кожу, повесил на шест, а сам закричал: «Сбегайтесь, серые волки! Слетайтесь, сороки, вороны! Вот вам гостинец от царя». Свистнул и призвал сивку-бурку, клал на коня седельцо черкасское, двенадцать подпрут шелку шемаханского: шелк не рвется, булат не трется, аравитское золото в грязи не ржавеет; поскакал, как птица, и добыл оленя золоторогого. После того добыл дурак свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами и ветку с золотой сосны, что растет за тридцать земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, а ветки на ней серебряные, и на тех ветках сидят птицы райские, поют песни царские; да подле сосны стоят два колодца с живою водою и мертвою.

СМИРНЫЙ МУЖ И ДРАЧЛИВАЯ ЖЕНА

Мужичок некий жил с своею женою в великой скудости. Он был так смирен, как теленок, а жена его так зла, как змея лютая; она мужа своего всегда ругала и была за

самую малую безделицу. В некое время злая жена выпросила у соседа на один хлебец ржи и послала своего мужа, чтобы пошел он к мельнику смолоть рожь. Мельник пустил его, ради бедности, на свою мельницу и дал ему смолоть рожь. Смоловши, пошел мужик домой. Вдруг сделался такой сильный ветер, что в одну минуту сдунул всю муку из чашки, в которой нес ее мужик. Пришел мужик домой и сказал о том своей жене; а жена, услышав то, начала его бранить и бить немилосердно, и била до тех пор, пока устала, а потом стала посылать его к Ветру, который развеял у него муку, чтобы взять с Ветра за муку деньги или столько же муки, сколько в чашке было.

Мужик, претерпев от жены своей толикие побои, пошел, заплакавши, из своего дома и шел не зная куда; зашел он в дремучий лес и ходил по тому лесу дремучему. Попалась ему навстречу старуха и спросила мужика: «Добрый человек! Куда идешь, куда путь держишь? Как тебя занесло в сию сторонушку? Ведь сюда мало птица залетает и редко зверь забегает». — «Матушка старушка! — отвечал он. — Завела меня сюда неволя. Ходил я на мельницу рожь молоть, и, смоловши, высыпал муку в чашку, и пошел домой; на ту пору вдруг подул такой сильный ветер, что всю мою муку из чашки сдунул. Я пришел домой без муки и сказал о том своей жене; а она прибила меня и послала к Ветру, чтоб он отдал мою муку или заплатил за нее деньги. Теперь же я хожу, ищу Ветра и не знаю, где его найти». — «Поди за мною, — сказала ему старуха, — я мать Ветрова, но у меня их четыре сына: первый — Ветер Восточный, второй — Полуденный, третий — Западный, а четвертый — Полуночный. Так скажи же мне теперь, который Ветер раздул муку?» — «Полуденный, матушка!» — молвил мужик.

Старуха повела старика в лес далее и привела его в небольшую хижину и сказала: «Вот, мужичок, я здесь живу. Полезай же ты на печь и окутайся хорошенько, как можно; мои дети скоро будут». — «Для чего же мне кутаться?» — спросил мужик. «Для того, — сказала старуха, — что сын мой, Полуночный Ветер, очень холоден; он зазно-

бит тебя скоро». После того старухины дети стали собираться. Когда пришел Полуденный Ветер, то старуха, кликнув с печи мужика, стала говорить своему сыну: «Сын мой любезный, Полуденный Ветерочек! На тебя есть жалоба. Зачем ты бедных людей обижаешь? Ты у этого мужика муку развеял, которую он нес в чашке; теперь заплати ему за муку хоть деньгами или чем хочешь». — «Хорошо, матушка! — сказал ей Ветер. — Я ему заплачу за муку».

Ветер кликнул к себе мужика и сказал ему: «Слушай, мужичок! Возьми себе эту коробочку; в ней все есть, что только вздумаешь. И когда тебе что захочется: денег ли, хлеба ли, кушанья ли, питья ли какого, скота ли или что тебе вздумается — то скажи только: «Коробочка, дай мне вот то и то-то!» Она тотчас тебе и даст. Поди же теперь домой; вот тебе платеж за твою муку». Мужик, поклонясь Ветру и поблагодарив его за коробочку, пошел домой. Когда он принес коробочку домой, то отдал ее своей жене и сказал: «Вот тебе, жена, коробочка! В ней все есть, что тебе надобно, только лишь попроси у нее». Жена, взяв коробочку, сказала: «Коробочка! Дай мне хорошей муки на хлебы». Коробочка тотчас ей дала, сколько надобно было. Она попросила у коробочки еще кое-что, а коробочка все ей давала в ту же минуту.

Через несколько дней случилось мимо мужиковой избы ехать знатному помещику. Увидевши его, жена мужикова тотчас сказала своему мужу: «Поди и зови его к себе в гости, а ежели не зазовешь его к себе в гости, то я прибью тебя до полусмерти». Мужик, убоясь побой от жены своей, пошел звать дворянина к себе на пир; а жена его в то время набрала у коробочки всякого кушанья и напитков и, собрав на стол, села под окном; сложивши руки, дожидалась она к себе в дом пришествия дворянина, которого мужик нагнал на дороге и стал звать к себе на пир. Удивясь такому зову, он лишь смеялся и, не хотя к нему ехать, приказал своим людям, которые при нем были, ехать к мужику и после рассказать, как он угостил их. Люди поехали к мужику в гости и, приехав туда, весьма удивились, что,

судя по хижине, должно быть ему весьма бедным человеком, а по кушанью, которое поставлено на столе, — знатным господином. Кушанья и напитков было поставлено на столе великое множество. Они сели за стол, пили, и ели, и прохладжались, и заметили, что мужикова жена — в чем имела надобность, то просила у коробочки, и коробочка ей все то давала.

Не выходя из избы, они послали одного из товарищей, чтоб заказал сделать точно такую же коробочку в самое короткое время, которую бы немедленно принесли к ним так, чтобы ни мужик, ни жена его того не заметили. Посланный побежал тотчас и велел сделать такую же коробочку, и как ее принесли, то гости сии взяли тихонько мужикову коробочку, а свою поставили на ее место, и потом все поехали от мужика и рассказали, как мужик их потчевал. Жена же мужикова в тот день к вечеру и выбросила все кушанья вон — затем, чтоб на другой день наварить свежего. Наутро пришла к коробочке и стала у нее просить того, что ей было надобно, и, видя, что коробочка ничего больше ей не дает, призвала своего мужа и сказала: «Старый хрыч! Какую ты принес мне коробочку? Она, видно, служила нам только на время. Поди опять к Ветру и проси у него, чтоб отдал нашу муку, а не то так я прибью тебя до смерти!»

Бедный мужик пошел опять к Ветру и, пришедши к старухе, его матери, жаловался на свою жену. Старуха сказала ему: «Подожди моего сына; он скоро будет». Вскоре пришел Полуденный Ветер, и мужик начал ему жаловаться на свою жену, а Ветер ему сказал: «Жаль мне тебя, старика, что жена у тебя так зла; однако я тебе в том помогу, и жена тебя бить больше не станет. Возьми эту бочку, и когда придешь домой, а жена твоя будет тебя бить, то стань позади бочки и скажи: «Пятеро из бочки, бейте мою жену!» А когда они ее поколотят довольно, то скажи: «Пятеро опять в бочку!» Мужик, поклонясь Ветру, пошел домой и, пришедши, сказал жене: «Вот тебе, жена, вместо коробочки бочка!» Жена осердилась на своего мужа и

сказала: «Что мне в твоей бочке? Для чего не принес муки!» И выговоря сии слова, ухватила ухват и хотела бить своего мужа. Мужик тотчас стал за бочку и сказал: «Пятеро из бочки, бейте мою жену хорошенько!» Вдруг выскочили из бочки пять молодцов и стали бить мужикову жену. Мужик, видя, что поколотили ее довольно и она стала просить его, чтоб помиловал ее, сказал: «Пятеро опять в бочку!» С тех пор жена его стала помирнее.

Потом мужик стал помышлять о своей коробочке и начал подозревать гостей своих, не подменили ли они его коробочки. Он начал советоваться с своею женою о том, как бы им опять достать свою коробочку. Жена ему на то сказала: «Когда теперь у тебя есть такая диковинная бочка, что можешь ты не только с одним человеком, но даже и с великими тысячами управляться, то поди — вызови дворянина на поединок и требуй, чтобы он велел отдать тебе коробочку!»

Мужик принял сие за хороший совет, пошел к дворянину и, пришедши к нему, стал вызывать его на поединок. Он же смеялся мужикову дурачеству, не хотел ему в том отказать, а вздумал над ним посмеяться и для того приказал мужику выйти в поле.

Мужик взял свою бочку, пошел и дожидался господина, который собрал с собою много людей и поехал к мужику, и как скоро к нему подъехал, то приказал служителям, чтоб его будто шуткой хорошенько поколотили. Мужик, видя, что над ним смеются, да уже и бить стали, осердился на дворянина и на его людей и молвил: «Эй, барин! Вели отдать мою коробочку, а не то худо всем будет!» Но, видя, что бить его не перестают, он закричал: «По пяти на каждого из бочки, бейте хорошенько!» Тотчас выскочили из бочки на каждого человека по пяти молодцов и стали бить всех немилостиво. Дворянин, убоясь, чтоб его не убили, закричал во весь голос: «Мужичок! Перестань бить, я велю отдать твою коробочку». Мужик, услышав то, крикнул: «Эй, эй, молодцы! Ступайте все в бочку». Тотчас все молодцы перестали бить и ушли в бочку. Дворянин же

приказал своим людям отдать коробочку, что по повелению его и учинено. А мужик, взяв свою коробочку, принес домой и стал жить с своею женою в великом удовольствии и тишине.

СКАЗКА ПРО ПЕРСТЕНЬ О ДВЕНАДЦАТИ ВИНТАХ

Жил-был себе в одном селе сын с матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына Иван-дурак. Жили они в убогой избенке об одном оконце и в великой бедности: такая бедность была, что окромя хлеба черствого, почитай, и не едали ничего, а иной раз и того еще не было. Мать сидит, пряжу прядет, а Иван-дурак на печи сидит, в золе копаются да знай сопит себе. Вот только мать и говорит ему: «Что ты, Иванушка, сидишь да сопидишь себе на печи-то в золе? Шел бы ты куда, к корчме, что ли; авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя к себе в батраки — все хоть какой-нибудь кусок хлеба был! А дома-то кормиться нам нечем». — «Ну, ладно, я пойду!» — говорит дурак; взял и пошел себе к корчме. Навстречу ему человек попадает: «Куда идешь, Иван-дурак?» — «В службу иду наниматься». — «Ступай ко мне служить: вот тебе столько-то я жалованья положу и все прочее». Согласился Иван, пошел к нему в службу. А у того человека сука была, и оценилася эта сука; Иванушке очень уж понравился один щенок, и выходил он этого щенка. Проходит год, пора и к расчету за службу. Дает хозяин Ивану деньги, благодарит его, а Иван и говорит ему: «Не надо мне ваших денег, а дайте вы мне лучше того щеночка, что я у вас выходил». Тот и рад, что денег-то платить не надобно, отдал ему щенка.

Пришел Иван домой; мать как узнала, давай него плакаться: «Все люди, как люди, один ты у меня дурак! И то есть было нечего, а теперь еще одна лишняя душа — чем кормить собаку-то будем?» Иван-дурак ничего себе не

отвечает, сидит себе на печи, сам сопит да знай только в золе копаются; и собачка его с ним. Проходит мало ли, много ли времени, опять мать говорит ему: «Что сидишь-то без толку? Шел бы к корчме, авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя в батраки». — «Ну, ладно, я пойду!» — говорит дурак, взял собачку свою и пошел. Навстречу другой хозяин ему: «Куда идешь, Иван-дурак?» — «В службу, — говорит, — наниматься». — «Ступай ко мне служить!» — «Ладно!» Договорились они, и пошел дурак опять в батраки. А у хозяина у этого кошка была; вот она и окотилась. Полюбился дураку один котеночек, он и выходил его. Приходит время к расчету. Иван-дурак и говорит хозяину: «Не надо мне ваших денег, а отдайте мне того котеночка». — «Изволь!» — говорит. Вот пришел дурак домой, мать еще пуще того стала плакаться: «Все-то люди, как люди, один ты у меня дурак уродился! И то есть было нечего, а теперь еще две лишние души кормить надобно».

Горько стало Ивану слушать это, взял он свою собачку да кошечку и пошел себе в поле. Видит посеред поля костер горит и большущий костер такой — пребольшущий! Как подходит он ближе к этому самому костру, видит: в нем змея корчится и горит на каленых угольях. Сама горит, а сама кричит ему человеческим голосом: «Эй, Иван-дурак, спаси ты меня! Я тебе большой выкуп дам за свою душу». Взял Иван палицу и палицей той выкинул змею из костра. Как выкинул он ее, глядит — а перед ним не змея, а красная девица стоит и сама говорит ему: «Ну, спасибо тебе, Иванушка! Сослужил ты мне великую службу, сослужу я тебе еще и больше того! Пойдем, — говорит, — к моей матери; будет она тебе давать медные деньги — ты не бери, потому это уголье, а не деньги; будет давать серебряные — также не бери, то будут щепки, а не серебро; будет выносить тебе золото — и того не бери, потому что вместо золота там будет черепаха да кирпич; а проси ты у нее в награду перстень о двенадцати винтах: тяжело ей будет отдать, иначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдаст его». Вот все так и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только отдала ему перстень.

Вот идет Иван полем и думает себе: «Что же я теперь с этим перстнем буду делать?» Только глядит, догоняет его эта самая дочка и говорит: «Ты, Иван, чего ни пожелаешь только, — все это тебе будет; стань ты только вечером на пороге, отвинти все двенадцать винтов — и явятся перед тобою двенадцать тысяч человек, что захочешь, то им и приказывай, — все тебе будет исполнено!» Пришел Иван домой, ничего не сказал матери, а сам сел себе на печь, сопит да в золе копается. Вот пришел вечер, легли они спать; Иван выждал время, выходит на порог, отвинтил в перстне все двенадцать винтов — и явились перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» И говорит им Иван: «Сделайте вы мне, чтобы на этом самом месте стоял дворец, какого и в свете нет, и чтобы я спал на золотой кровати, на лебяжьей перине, и мать моя то же само, и чтобы кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мне». — «Ложись себе с богом, — говорят ему люди, — все будет по слову твоему исполнено».

Просыпается Иван-дурак наутро и даже сам испугался; смотрит: спит он на золотой кровати, на лебяжьей перине, и стоят тут высокие хоромы и такие богатые, что даже и у царя-то ихнего нет таких, а по двору ходят кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди и служат ему. Подивился дурак, думает: «Ладно!» Глянул в зеркало — самого-то себя не узнать: стал таким красавцем, что ни пером описать, ни в сказке сказать; как след (следует), по хоромам и господин! Вот только просыпается тем часом и царь (а в том месте царь ихний жил), смотрит он: стоят супротив его дворца высокие хоромы, и стоят они — сами словно жар горят золотом. Посылает царь проведать: «Чьи такие? И пускай, мол, ко мне приедет показать себя, каков он такой есть». Докладывают Ивану. «А сказать ему, — говорит, — что Ивана-царевича хоромы; а коли хочет видеть меня, так не велик господин, пускай сам приедет!» Нечего делать, поехал царь к Ивану-дураку; по-

знакомились они, и опосля этого поехал и Иван-дурак к царю-то. А у царя распрекрасная дочка-королевишна была. И она, эта дочка, угощения Ивану подносила, и тут больно уж полюбилась ему. Стал просить царя, чтобы замуж за него отдать.

Вот теперь и царю в свой черед тоже поломаться захотелось: «Отдать-то, — говорит, — отчего и не отдать; только ты, Иван-царевич, сослужи мне прежде того службу. Дочь моя роду не простого, и потому венчаться ей надо как ни на есть лучше во всем народе. Сделай ты мне, чтоб от твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла; а через реку чтобы был у меня мост, да не простой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона — серебряная полоса, и на реке чтобы плавали всякие птицы редкие, гуси и лебеди; а по ту сторону реки пускай церковь стоит, да не простая, а вся восковая, и вокруг нее пускай зацветают восковые яблони и спелые яблоки родят. Коли ты мне, — говорит, — сделаешь все это, быть дочери за тобою, а не сделаешь — на себя пеняй!» Думает царь, что ну вот теперь уже вволю насмеялся над Иваном, а Иван и в ус себе не дует. «Ладно, — говорит, — извольте; готовьте к завтраму свадьбу!» С тем и уехал.

Вечером, как все спать улеглись, стал он на пороге, отвинтил в перстне все двенадцать винтов — встали перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» — «Так и так, — говорит, — нужно мне то-то и то-то». — «Ладно, — говорят, — ложись себе с богом».

Просыпается царь наутро, подходит к окну, а глаза ему так и ослепило — ажно отскочил на три сажени: это, значит, мост-то, одна полоса серебряная, другая золотая, так и горит и светится; на реке гуси и лебеди и всякая птица редкая, а на том берегу церковь белая восковая, и вокруг церкви яблони стоят, только без листьев, голые прутья торчат. — «Ну, — думает царь, — дело-то неладное, надо снаряжать дочку к венцу». Снарядили и поехали. Выехали из дому, а на яблоньках почки проступили; едут по мосту, а

яблоньки листвою одеваются; подъезжают к церкви, а на яблоньках белые цветочки распускаются; как только что время выходить им от венца, а тут встречают их слуги и всякие люди и на золотом блюде подают спелые яблоки. Так они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и был там пир у них три дня и три ночи.

После того мало ли, много ли времени прошло, стала королевишна приставать к Ивану: «Скажи ты мне, супруг мой любезный, как ты все это делаешь, что и мост в одну ночь строишь и церковь восковую ставишь?» Иван-дурак долго не хотел говорить ей; иначе так как уж очень ее любил и очень она у него просила, так он и сказал ей, что у меня-де перстень о двенадцати винтах и так-то вот надо обходиться с ним.

Ну, вот так и живут они; только на беду полюбился королевишне один лакей ихний, из себя видный, здоровый и красивый такой; она с ним и сговорилась, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а самим уйти бы жить за море.

Вот только как пришел вечер, вынула она потихоньку перстень, стала на пороге, отвинтила все двенадцать винтов — и явились перед нею двенадцать тысяч человек: «Ты — наша госпожа, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» Она говорит им: «Возьмите вы этот дворец и как есть со всем перенесите его за море, а на сем месте пускай станет прежняя избушка с моим муженьком Иваном-дураком». — «Ложись себе с богом, — говорят ей люди, — все будет по слову твоему исполнено».

Наутро Иван просыпается — смотрит: лежит он на рогожке, дырявым зипуном покрыт, а хором и следа нет. Горько восплакался он и пошел к царю, своему тестюшке, приходит во двор, просит доложить, что пришел-де зять. Тот как увидел его: «Ах, ты, такой-сякой, беспорточный! Какой ты мне зять? У меня зятя в золотых хоромах живут, в серебряных каретах катаются. Взять его и замуровать в каменный столб?» Сказано — сделано: взяли и замуровали Ивана в каменный столб; а собачка с кошеч-

кой от него не отстают, тут же сидят вместе с ним, и прорыли они себе лазейку и через нее поесть ему пищу приносят.

Только вот раз и вздумали они себе: «Что ж это мы с тобою, собачка, сидим здесь сложа руки! Сбегаем-ка мы за море да достанем перстень». Как надумали они себе это, так и сделали. Переплыли через море, видят: стоит ихний терем, и королевишна с тем лакеем по саду гуляет, мужа своего судачит. «Ну, собачка, пообожди ты пока здесь, а я проберуся в терем да кольцо достану», — говорит кошечка и пошла себе. «Мяу-мяу!» — под дверью. Услыхала королевишна: «А, это кошка того мерзавца, — говорит, — впустите да накормите ее!» Вот ее впустили и накормили, а она все ходит по комнатам да высматривает перстня, только и видит, стоит печка, а на печке стеклянная банка, а в банке той перстень. Обрадовалась кошечка. «Ну, — думает, — слава богу! Теперь только бы дожидаться ночи, а там достану перстень — и домой». Только как все улеглись, она вскочила на печку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка подхватила перстень в рот и притаилась под дверью. В доме все проснулись, сама королевишна встала; увидала, что банка-то разбита. «Ах, — говорит, — это, верно, кошка того мерзавца разбила; выгнать ее вон!» Выгнали кошечку вон, а она и рада, бежит к собачке: «Ну, брат собачка, достала перстень! Теперь только поскорей бы домой».

И поплыли они через море; плывут-плывут себе, долго плывут. Коли устанет собачка — сядет она на кошечку, а коли кошечка устанет — сядет на собачку; так они и обходятся. Уж недалеко и до берега им осталось, только собачка стала изнемогать; кошечка видит это и говорит ей: «Садись ты на меня, ты уж устала!» Как сказала она это, а перстень-то изо рта у ней бултых в воду! Что тут делать? Доплыли до берегу, ходят себе да слезно плачут, а сами уж тем часом и проголодались. Собачка бегаёт по полю, ловит птичек-воробьшков, и кошечка ходит по берегу, ловит мелкую рыбицу, которую волной выбивает; тем они и кормятся. Только вдруг кошечка и кричит: «Ой ты, собачка,

ступай скорее ко мне! Я-то ведь перстень нашла! Поймала рыбку, стала ее есть, а в рыбке-то и был этот перстень». Ну, вот обрадовались они сильно, побежали к Ивану и принесли ему перстень.

Иван дождался вечера, отвинтил все двенадцать винтов — и явились перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» — «Разнесите, — говорит, — сейчас же этот каменный столб, чтобы и праху от него не осталось, а из-за моря перенесите мои хоромы со всеми, кто там есть и как кто там спит, и поставьте их на прежнее место!» Тотчас же все так и случилось. Наутро едет Иван к своему тестю-царю. Тот его встречает, на первое место сажает: «Где, любезный зятюшка, побывать изволил?» — «Я, — говорит Иван, — был за морем». — «То-то, — говорит, — за морем! Видно, по спешному делу, что к тестю и проститься даже не заехал... А тут без тебя приходит ко мне какой-то голоштанник и называется моим зятем; я его приказал в каменный столб замуровать, там он, — говорит, — и сгинул, верно! Ну, а ты, любезный зятюшка, где побывать изволил, какие виды видывал?» — «А видывал я, — говорит, — разные виды; за морем одно такое дело было, что никто не знает, как и рассудить». — «Какое ж такое это дело?» — «А вот какое! И коли ты теперича умный человек, так вот и рассуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, от живого мужа завела себе душеньку, обокрала с этим душенькой мужа-то и ушла было с ним за море, а теперь спит с ним на одной кровати. Что по-твоему надо сделать с такою женой?» — «По своей царской мудрости я, — говорит, — скажу такое слово: взять их обоих, привязать к конским хвостам и пустить в чистое поле: тут им и казнь!» — «Ну коли так, так ладно же!» — говорит Иван. — Поедем ко мне в гости, я тебе покажу другие виды и другое диво». Поехали они, входят в спальню: а там королевишна, обнявшись с тем лакеем, спит на золотой кровати, на лебяжьей перине, и знать ничего не знает. Ну, уж тут нечего делать — по царскому слову

взяли привязали их к конским хвостам и пустили жеребцов в чистое поле: тут им и казнь была! А Иван опосле женился на той красной девице-раскрасавице, которую он из огня спас, и стали они жить да поживать да добра наживать.

СКАЗКА О БЕССЧАСТНОМ СТРЕЛКЕ

Жил-был стрелок. Когда ни случалось, что в лес он пойдет стрелять птиц, все не было удачи, возвращался в свой дом с пустым мешком и прозван был Бессчастливым стрелком. Дошло до того у стрелка, что не осталось ни хлеба в суме, ни гроша в котоме. Бедный Бессчастный трое суток не ел, по лесу бродя; дрожал от холода, и пришло ему хоть умирать с голода. Лег он на траве, собираясь нацелить ружье себе в лоб; но перекрестился, остановился, отбросил ружье, и вдруг он услышал шорох при ветерке, шепот невдалеке. Шепот выходил, казалось, из густой лесной травы. Встал стрелок и, подойдя к тому месту, наклонился; увидел, что трава закрывала глубокую пропасть, из той пропасти высунулся камень, а на камне кубышечка лежала. Тут стрелок услышал слабый голос: «Добрый человек прохожий! Освободи меня».

Тот голос выходил из кубышечки, и стрелок, неустрашимо с камня на камень ступая, над пропастью сам очутился: взял он кубышечку тихо и слышит — в кубышечке голос, словно кузнечик, стрекочет: «Освободи ты меня! Я тебе послужу». — «Кто ты, дружок?» — спросил Бессчастный стрелок и слышит шепот в ответ: «Мне имени нет, и меня глаза не видят, а кличь, если хочешь: Мурза! Чудодей-чародей посадил меня в эту кубышку и, запечатав Соломоновым перстнем, бросил сюда, и лежал я здесь семьдесят лет, пока ты не пришел». — «Хорошо, — сказал Бессчастный стрелок, — выпущу тебя на волю; посмотрю, как исполнишь, что ты обещаешь». Стрелок сорвал печать и раскрыл кубышку, но в ней ничего не видал. «Эй, где ж ты, при-

ятель?» — спросил Бессчастный стрелок. «Возле тебя», — кто-то ему отвечал. Стрелок оглянулся вокруг, но возле него нет никого! «Эй, Мурза!» — «Что прикажешь? Я слуша тебе на три дня и все, чего хочешь, доставлю; молви только: поди туда — не знаю куда и принеси то — не знаю что!» — «Хорошо, — сказал стрелок, — видно, ты лучше знаешь, что надобно; поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!»

Лишь только молвил Бессчастный стрелок, как глядит — откуда ни взялся стол на лугу, тарелки и блюда из травы налетели, всяким кушаньем по края полны, как будто бы с царского пира. Стрелок сесть за стол спешил, голод утолил, встал, помолился, на обе стороны поклонился и молвил: «Спасибо!» Стол исчез, как не бывало; а стрелок свой путь продолжал. Дорогою стрелок приустал, а на ту пору шел через лес плутоватый цыган и коня продавал. «Вот если бы деньги, купил бы я лошадь, — подумал Бессчастный стрелок, — хорошо бы, когда б не был тощ кошелек. Дай скажу приятелю... Мурза!» — «Что угодно?» — «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!» Не прошло минуты, как стрелок послышал бречанье денег в суме своей; невидимо откуда в нее золото сыпалось. «Спасибо на слове без обмана!» — сказал стрелок и стал торговать коня у цыгана. Купив коня, начал отсчитывать деньги; а цыган разинув рот, дивовался, сколько в суме у стрелка было золота.

Отъехав от стрелка, плутоватый цыган зашел в лес и свистнул. На свист не отвечали. «Видно, спят!» — подумал цыган и вошел в пещеру, в которой разбойники отдыхали, на разостланных кожах лежали. «Что, братцы, спите? Шевелитесь, встряхнитесь, — крикнул он, — а не то прозеваеете сокола; сам-один в лесу, а сума набита золотом. Вставайте скорей!» Разбойники на коней и за стрелком поскакали. Слышит топот Бессчастный стрелок, видит он, что скачут на него со всех сторон, и крикнул: «Мурза!» — «Я здесь!» — услышал он возле себя. «Поди туда — не знаю куда!» И вот смотрит стрелок — в лесу зашумело и на разбойников что-то налетело из-за деревьев: одного

взбросит, другого вскинет; а кто нападает — никого не видеть! Разбойники попадали с коней, не могли и подняться с земли; а стрелок дальше поехал, песню напевая да присвистывая, из темного леса в чистое поле и добрался полем до города.

Под городом шатры раскинуты, стоит в шатрах дружина ратная. На вопрос стрелку отвечали, что под город тогда подступала татарского хана несметная сила; сватался хан за царевну Миловзору Прекрасную; рассердясь за отказ, пришел под царство с татарами. Бывало, Бессчастный стрелок на охоте видал Миловзору; царевна на статном коне скакала с копьем золотым; колчан, полный стрел, за плечами блестел; а откинет с лица покрывало, то солнышком вешним сияла — очам светло и душе тепло! Стрелок призадумался, кликнул: «Мурза!» И вмиг очутился в наряде богатом, сукно стало бархат, кафтан облит золотом, с плеча епанча, колпак — шишаком, с шишака развеваются перья страуса-птицы, а прикреплены запонкой, в той запонке яхонты, вокруг яхонтов жемчуга. И стрелок во дворец, стоит пред царем и сам весть подает, что пришел отразить силу вражескую, если царь согласится выдать за него царевну Миловзору Прекрасную.

Царь удивился, отказать не решился и спросил незнакомца об имени, роде и владеньях его. «Я называюсь Бессчастный стрелок, повелитель Мурзы невидимого». Царь подумал: не рехнулся ль молодец, хоть и с виду удалец? Но придворные видали Бессчастного и сказали царю, что пришел незнакомый походит лицом на Бессчастного стрелка, но неведомо, откуда дался ему клад. Тогда царь сказал стрелку: «Слышишь, что говорят? Если глал предо мною, то простись с головою. Посмотрю я, как с невидимкой Мурзой ты начнешь с неприятелем бой». — «Царь-надежа! — стрелок отвечал. — Я лишь слово скажу — все готово!» — «Поглядим, — молвил царь, — если правду сказал, отдам тебе дочь, или голову прочь». А стрелок себе гадал: либо пан, либо пропал, и шепнул: «Мурза! Поди туда — не знаю куда, сделай то — не знаю что».

Прошло несколько минут, ничего не было ни слышно, ни видно. Стрелок побледнел, гневный царь повелел заковать стрелка в цепи, как вдруг раздались пред дворцом и пальба и стрельба; царь и придворные на крыльцо побежали. Не четыре реки вытекали, а с правой и с левой руки шли полки со знаменами строем, отдавали честь боем; все красой удивляло, войска такого и у царя не бывало. Царь не верил глазам. «Нет тут ошибки, это полки невидимки!» — молвил Бессчастный стрелок. «Пусть же прогонят врагов, чтоб силы противной не осталось следов!» Стрелок махнул платком, воины налево кругом; марш походный заиграл; поднялся туман, полки вскачь летят, а очистился туман — как и не было их! Позвали стрелка к обеду, в царскую беседу, и расспрашивал царь о Мурзе-невидимке. Лишь обед начался, за второй сменой блюд весть пришла, что неприятель бежит, наголову разбит; татары от города, как птицы от холода, в страхе летели, шатры опустели. Царь стрелка благодарил, дочери объявил, что нашел ей жениха. Миловзора, услышав, смутилась, покраснела, в лице изменилась, слезки из глаз побежали, жемчугом падали, алмазом сверкали; стрелок, сам не свой, что-то шептал про себя... Бросились придворные слезки подбирать — все алмазы да жемчуга! Миловзора рассмеялась и руку стрелку подала; сама она — радость, в глазах ее — ласка. Тут пир начался, и кончилась сказка.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО

Жил в Заонежье старик со старухой, кормился охотой, и была у него собака — цены ей нет! Раз попался ему навстречу хорошо одетый человек. «Продай, — говорит, — собаку, а за расчетом приходи завтра вечером на Мянь-гору». Старик отдал собаку, а на другой день пошел на гору. Поднялся на верх горы — стоит большой город, где живут лембои*; пришел в дом того, что купил собаку: тут

* Черти (карельское слово)

гостя накормили, напоили, в бане выпарили. Парил его молодец и, покончив дело, пал ему в ноги: «Не бери, дедушка, за собаку денег, а выпроси меня!» Дед послушался: «Отдай, — говорит, — мне добра молодца; вместо сына у меня будет». — «Много просишь, старик, да делать нечего, надо дать». Пришли домой, и рассказывает молодец старику: «Ступай ты в Новгород, отыщи на улице Рогатице такого-то купца». Старик пошел в Новгород, попросился к купцу ночевать и стал его спрашивать: «Были ль у тебя дети?» — «Был один сын, да мать в сердцах крикнула на него: «Лембой те возьми!» Лембой и унес его». — «А что дашь, я тебе ворочу его?» Добрый молодец, которого вывел старик от лембоев, и был тот самый купеческий сын. Купец обрадовался и принял старика со старухой к себе в дом.

СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕЧКЕ И НАЛИВНОМ ЯБЛОЧКЕ

Жил мужик с женою, и у них были три дочери: две — нарядницы, затейницы, а третья — простоватая, и зовут ее сестры, а за ними и отец и мать, дурочкой. Дурочку везде толкают, во всё помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на все готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уток кормит. Кто что ни спросит, все дура приносит: «Дура, поди! За всем, дура, гляди!» Едет мужик с сеном на ярмарку, обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит: «Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан»; другая дочь просит: «Купи мне алой китайки»; а дура молчит да глядит. Хоть дура, да дочь; жаль отцу — и ее спросил: «Чего тебе, дура, купить?» Дура усмеялась и говорит: «Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко». — «Да на что тебе?» — сестры спросили. «Стану я катать яблочком по блюдечку да слова приговаривать, которым научила меня старушка — за то, что я ей калач подала». Мужик обещал и поехал.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуру серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показывает. Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу — приговаривает: «Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!» Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки на полях, и гор высота и небес красота; солнышко за солнышком катится, звезды в хоровод собираются — так все красиво, на диво — что ни в сказке сказать, ни пером написать. Загляделись сестры, а самих зависть берет, как бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не променяет.

Злые сестры похаживают, зовут, подговаривают: «Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдем, земляничку соберем». Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сестрами бродит, ягоды собирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сестры заступ схватили, дурочку убили, под березкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят: «Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, ее не нашли, видно волки съели!» Жалко отцу — хоть дура, да дочь! Плачет мужик по дочери; взял он блюдечко и яблочко, положил в ларец да замкнул, а сестры слезами обливаются.

Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идет по леску овечку отыскивать, видит он бугорок под березкой в стороне, а на нем вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, и — диво дивное, чудо чудное — дудочка сама поет-выговаривает: «Играй, играй, дудочка! Потешай свята-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное

блюдечко, за наливное яблочко». Люди слышат — сбежались, вся деревня за пастухом оборотилась; пристают к пастуху, выпрашивают, кого загубили? От расспросов отбою нет. «Люди добрые! — пастух говорит. — Ничего я не ведаю, а искал в лесу овечку и увидел бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку, сама дудочка играет-выговаривает».

Случился тут отец дурочки, слышит пастуховы слова, схватил дудочку, а дудочка сама поет: «Играй, играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». — «Веди нас, пастух, — говорит отец, — туда, где срезал ты тростинку».

Пошел за пастухом он в лесок на бугорок и дивится на цветы прекрасные, цветы алые, лазоревые. Вот начали разрывать бугорок и мертвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал, и лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают, кто убил-загубил ее? А дудочка сама играет-выговаривает: «Свет мой батюшка родимый! Меня сестры в лес зазвали, меня бедную загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского». Две сестры завистницы затряслись, побледнели, а душа как в огне, и признались в вине; их схватили, связали, в темный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.

Скоро ли, долго ли — прибыл в тот город. К дворцу он приходит; вот с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Возговорит царь-надежа: «Возьми, старик, живой воды из царского колодезя; когда дочь оживет, представь ее нам с блюдечком, яблочком, с лиходейками-сестрами». Старик радуется, в землю кланяется и домой везет склянницу с живою водою; бежит он в лесок на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он sprыснул водой — встала дочь

перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались, наплакались. Поехал старик в престольный город; привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко, видит старика с тремя дочерьми: две за руки связаны, а третья дочь — как весенний цвет, очи — райский свет, по лицу заря, из очей слезы катятся, будто жемчуг падают. Царь глядит, удивляется; на злых сестер прогневался, а красавицу спрашивает: «Где ж твое блюдечко и наливное яблочко?» Тут взяла она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает: «Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки ль твои храбрые, корабли ли на море, чудные ль звезды на небе?»

Покатила наливным яблочком по серебряному блюдечку, а на блюдечке-то один за одним города выставляются, в них полки собираются со знаменами, со пищалями, в боевой строй становятся; воеводы перед строями, головы перед взводами, десятники перед десятнями; и пальба, и стрельба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечке море волнуется, корабли как лебеди плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба, и пальба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: в блюдечке все небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звезды в хоровод собираются. Царь удивлен чудесами, а красавица льется слезами, перед царем в ноги падает, просит помиловать. «Царь-государь! — говорит она. — Возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестер моих, за меня не губи ты их». Царь на слезы ее сжалился, по прошенью помиловал; она в радости вскрикнула, обнимать сестер бросилась.

Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руки, говорит ей приветливо: «Я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мне супругою, царству доброй царицею?» — «Царь-государь! — отвечает красавица. — Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье

родной матери; как отец велит, как мать благословит, так и я скажу». Отец в землю поклонился, послали за матерью — мать благословила. «Еще к тебе слово, — сказала царю красавица, — не отлучай родных от меня; пусть со мною будут и мать, и отец, и сестры мои». Тут сестры ей в ноги кланяются. «Недостойны мы!» — говорят они. «Все забыто, сестры любезные! — говорит она им. — Вы родные мне, не с чужих сторон, а кто старое зло помнит, тому глаз вон!» Так сказала она, улыбнулась и сестер поднимала; а сестры в раскаянье плачут, как река льются, встать с земли не хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел. Пир во дворце! Крыльцо все в огнях, как солнце в лучах; царь с царицею сели в колесницу, земля дрожит, народ бежит: «Здравствуй, — кричат, — на многие века!»

СКАЗКА О ЛЯГУШКЕ И БОГАТЫРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил король: у него было три сына. Раз он призвал к себе сыновей и сказал: «Любезные дети! Вы теперь на возрасте, время вам подумать о невестах. Сделайте себе по стрелке, ступайте в заповедные луга и выстрелите в разные стороны. В какой дом попадет чья стрела, в том и возьмет себе невесту». Королевичи сделали себе по стрелке, вышли в заповедные луга и выстрелили: большой брат в правую сторону, средний в левую, а меньшой, что назывался Иван-богатырь, пустил свою стрелу прямо. После того пошли они в разные стороны искать свои стрелки. Большой брат нашел свою стрелку у министра, а средний у генерала; королевичи и поженились на их дочерях-красавицах.

А Иван-богатырь долго не мог найти своей стрелки и был весьма печален; целые два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день зашел в болото и увидел большую лягушку, которая держала во рту пущенную им стрелу. Иван-богатырь хотел было бежать и отступиться от

своей находки, но лягушка закричала: «Ква-ква, Иван-богатырь! Поди ко мне, возьми свою стрелу; не то вечно не выйдешь из болота». Промолвив эти слова, лягушка перекувырнулась — и в ту ж минуту явилась раскрашенная беседка; Иван-богатырь вошел в беседку. «Я знаю, — сказала лягушка, — что ты третий день ничего не ел; не хочешь ли поесть?» Тут лягушка снова перекувырнулась — и тотчас явился стол со всяким кушаньем и напитками. Иван-богатырь сел за стол, наелся, напился. «Слушай, — сказала ему лягушка, — стрела твоя попала ко мне, ты должен взять меня замуж; а не возьмешь за себя — не выйдешь из этого болота!» Иван-богатырь опечалился и не знал, что делать: подумал и взял с собой лягушку и принес ее в свое государство. Братья и невестки стали над ним смеяться.

Наступил день, в который Иван-богатырь должен был жениться; он поехал в карете, а лягушку понесли во дворец на золотом блюде. Когда настала ночь, и жених с невестою пошли в свои комнаты, лягушка сняла с себя лягушечью кожурину и сделалась красавицею, а днем опять стала лягушкою. Иван-богатырь жил с нею благополучно и счастливо. Через несколько времени приказал как-то король призвать к себе сыновей и сказал им: «Любезные дети! Вы теперь все трое женаты; желалось бы мне износить от ваших жен, а моих невесток, по рубашке». Дал им по куску полотна и говорил, чтобы рубашки успели к завтраму. Большие братья принесли полотно к своим женам; а те стали кликать нянюшек, мамушек и сенных красных девушек, чтоб помогли им сшить по рубашке. Тотчас нянюшки их и мамушки прибежали и принялись за работу: которая кроила, которая шила.

Меж тем послали невестки девку-чернавку посмотреть, как лягушка станет шить рубашку. И как девка-чернавка пришла к Иван-богатырю в комнаты, в то время принес он полотно и с опечаленным видом положил его на стол. «Что ты, Иван-богатырь, так печален?» — говорила лягушка. А он ей отвечал: «Как мне не печалиться? Батюшка

приказал из этого полотна шить себе к завтраму рубашку». — «Не плачь, не тужи, — сказала лягушка, — ложись да засни, утро вечера мудренее, — все будет исправно!» Схватила ножницы, изрезала все полотно на мелкие лоскутки, потом отворила окно, бросила их на ветер и сказала: «Буйные ветры! Разнесите лоскуточки и шейте свекору рубашку». Девка-чернавка пошла и рассказала королевнам, что лягушка все полотно изрезала на маленькие лоскуточки и кинула за окошко. Они смеялись над лягушкою и говорили: «Что-то завтра принесет ее муж к королю!»

На другой день Иван-богатырь проснулся, лягушка подала ему сорочку: «Вот, любезный Иван-богатырь, отнеси-ка эту сорочку своему батюшке». Иван-богатырь взял сорочку и понес к своему отцу; принесли свои сорочки и старшие братья. Сперва поднес королю большой брат; король посмотрел и сказал: «Эта рубашка сшита так, как обыкновенно шьют». Посмотрел у другого сына и сказал, что и эта рубашка сшита не лучше. А как подал ему меньшей сын сорочку, то король не мог довольно надивиться: в сорочке нельзя было приметить ни одного шва, — и сказал: «Эту рубашку подавайте мне в самые большие праздники».

В другой раз призвал король сыновей и говорил им: «Любезные дети! Мне хочется знать, умеют ли ваши жены шить золотом и серебром; возьмите себе шелку, серебра и золота, и чтобы к завтраму было сделано по коври». Жены старших королевичей начали кликать нянюшек, мамушек и сенных девушек, чтоб пособили им вышивать ковры. Тотчас нянюшки, мамушки и сенные красные девушки пришли и начали вышивать ковры — кто серебром, кто золотом, а кто шелком. Девку-чернавку опять послали посмотреть, что станет делать лягушка. Иван-богатырь принес к себе золото, серебро и шелк и был весьма печален. Лягушка, сидя на стуле, говорила: «Ква-ква-ква! Что ты, Иван-богатырь, так запечалился?» — «Как мне не печалиться?» — отвечал он. — Батюшка велел к завтраму вышить из этого серебра, золота и шелку ковер». — «Не плачь и не тужи, —

сказала лягушка, — ложись-ка спать, утро вечера мудренее!» — А сама взяла ножницы, весь шелк изрезала, серебро и золото изорвала, бросила за окошко и сказала: «Буйные ветры! Принесите тот ковер, которым мой батюшка окошки закрывал». Невестки, выслушав все это от девки-чернавки, вздумали и сами так сделать. Долго ожидали они, но, видя, что ветры ковров им не приносят, послали купить серебра, золота и шелку и стали вышивать ковры по-прежнему.

Поутру, как только встал Иван-богатырь, лягушка подала ему ковер. Вот все три брата принесли свои ковры к отцу; он взял прежде от старшего, посмотрел и промолвил: «Этот ковер годится от дождя лошадей покрывать». Посмотрел у среднего и сказал: «Этот ковер можно в передней комнате постилать, чтоб обтирали об него ноги». Потом принял ковер от меньшого сына, вздивовался и сказал: «А этот ковер в самые торжественные дни постилать ко мне на стол». Ковер Иван-богатыря приказано спрятать и беречь, а другим сыновьям отдал король ковры назад. «Отнесите их, — сказал король, — к своим женам и скажите, чтоб берегли для себя!»

В третий раз говорил король своим сыновьям: «Теперь, любезные дети, хочу я иметь по хлебу, испеченному руками ваших жен». Как услышали о том от своих мужей королевны, они тотчас послали девку-чернавку посмотреть, как будет делать лягушка. В то время Иван-богатырь пришел в свои комнаты весьма печален. «Ква-ква-ква! Что ты запечалился?» — спросила его лягушка. «Как мне не печалиться? Батюшка приказал, чтоб ты испекла хлеб». — «Не плачь, не тужи, все сделаю!» — и велела принести квашню, муки и воды; всыпала муку в квашню, влила воду, растворила раствор, вылила в холодную печь, и заслонила заслонкой, и сказала: «Испекись, хлеб, чист, рыхл и бел, как снег!» Девка-чернавка воротилась к невесткам и сказала: «Не знаю, за что король так хвалит лягушку; она ничего не умеет делать!» Выслушав все, невестки вздумали и сами так же сделать, как лягушка, растворили муку на холодной воде и вылили в холодные печи; но, видя, что растворы их

расплылись, они приказали принести еще муки, замесили свои хлебы на горячей воде и посадили в топлённые печи. Они боялись не поспеть и так спешили, что у одной хлеб пригорел, а у другой вышел совсем сырой; лягушка же вынула свой хлеб из печи и чист, и рыхл, и бел, как снег.

Пришли братья к отцу и принесли свои хлебы. Король принял от большого сына хлеб, посмотрел и сказал: «Такой хлеб можно есть только от нужды!» Принял от среднего сына и промолвил: «Этот хлеб не лучше!» Потом взял от меньшого сына и велел, чтобы этот хлеб подавали ему за стол, когда будут у него гости. «Любезные дети! — продолжал король. — Жены ваши сделали для меня все, что я приказывал, и потому прошу вас вместе с женами приехать завтра во дворец на обед». Королевичи пошли к женам.

Иван-богатырь очень печалился и думал: «Как повезу я с собой лягушку?» А лягушка, сидя на стуле, спрашивает: «Ква-ква-ква! О чем, Иван-богатырь, ты так запечалился?» Иван-богатырь отвечал: «Как мне не печалиться? Батюшка приказал всем нам завтрашний день приехать к нему во дворец с женами; как я тебя повезу?» — «Не плачь, не тужи, — сказала лягушка, — утро вечера мудренее, ложись да спи!»

На другой день Иван-богатырь собрался и поехал во дворец; а невестки послали опять девку-чернавку смотреть, в чем поедет лягушка. В то время лягушка открыла окно и кликнула громким голосом: «Ох вы, буйные ветры! Полетите в мое государство и скажите, чтоб приехала богатая карета со всем прибором, с лакеями, гайдуками, скороходами и вершниками». После того она хлопнула окошком и села на стул. Все уж съехались во дворец, дожидались только лягушки — и вдруг увидели, что бегут скороходы, скачут вершники* и едет пребогатая карета. Король подумал, что едет к нему какой-нибудь иной король или королевич, и пошел встречать. «Не трудитесь, батюшка! — говорит Иван-богатырь. — Это, знать, моя лягушонка тащится в коробчонке».

* Верховые.

Подъехала карета, и вышла из нее жена Иван-богатыря такую красавицей, что все дивиться стали. Сели за стол; лягушка чего не допьет, то за рукав льет, а кости за другой кладет. Другие невестки увидали и стали то же делать: чего не допивали, то за рукав лили; чего не доедали, то за другой клали. Как встали из-за стола, заиграла музыка, и лягушка пошла танцевать: махнула одним рукавом — вдруг на аршин высоты стала вода, махнула другим рукавом — поплыли по воде гуси и лебеди, что видя, все не могли надивиться ее хитрости; а как перестала она танцевать — все исчезло: и вода, и гуси, и лебеди. Тогда пошли танцевать другие невестки и как махнули своими рукавами — то всех облили, обрызгали и костями чуть глаз не выбили! Тут Иван-богатырь пошел домой, схватил лягушечью кожу и тотчас сжег ее. Приехала его жена и бросилась искать своей кожурилки, не нашла и говорит: «Ну, Иван-богатырь, коли ты не мог потерпеть малое время, то ищи теперь меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, и знай, что зовут меня Василиса Премудрая». Сказала и вмиг исчезла.

Иван-богатырь заплакал неутешно и пошел искать Василису Премудрую; шел он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и пришел к избушке, которая стояла на курьих ножках и сама поворачивалась. Иван-богатырь сказал: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом!» — и по его речам избушка остановилась. Иван-богатырь вошел в избушку и увидел, что в переднем углу сидела баба-яга; говорит она сердитым голосом: «Доселева русского духу слыхом не слыхивано и видом не видывано, а нынеча русский дух в очах проявляется! Что ты, Иван-богатырь, волею али неволею?» Иван-богатырь отвечал, что сколько волею, а вдвое того неволею, и рассказал все, как было. «Жаль мне тебя, — сказала баба-яга, — изволь, я тебе услугу, покажу тебе Василису Премудрую: она каждый день прилетает ко мне отдыхать. Как прилетит она, ты старайся поймать ее за голову, и как поймаешь — она

начнет превращаться лягушкой, жабой, змеею и прочими гадами, а после всего превратится в стрелу. Ты возьми эту стрелу и переломи надвое: тогда она будет вечно твоя. Только смотри, как поймаешь свою жену — не выпускай ее!»

Потом баба-яга спрятала королевича, и только успела его спрятать, как прилетела Василиса Премудрая. Иван-богатырь подошел к ней тихонько и схватил ее за голову; она стала оборачиваться лягушкою, жабою и, наконец, змеею. Иван-богатырь испугался и отпустил руку; Василиса Премудрая в ту ж минуту пропала. А баба-яга сказала ему: «Когда не умел ты удержать, то больше никогда не увидишь ее здесь; а коли хочешь, ступай к моей сестре; к ней Василиса Премудрая также летает отдыхать». Иван-богатырь отправился к другой бабе-яге, и тут не удержал он Василисы Премудрой; пошел он к третьей сестре, бабе-яге. «Если теперь упустишь Василису Премудрую, — сказала она, — то уж больше никогда ее не найдешь». Как ни оборачивалась Василиса Премудрая, Иван-богатырь не выпускал ее из рук; наконец оборотилась она стрелою, Иван-богатырь взял стрелу и переломил надвое. В ту ж минуту явилась перед ним Василиса Премудрая и сказала: «Ну, Иван-богатырь, теперь отдаюсь я в твою волю!» Баба-яга подарила им ковер-самолет, и они полетели на ковре-самолете в свое государство; через три дня на четвертый опустился ковер прямо на дворец. Король встретил своего сына и невестку с великою радостью, сделал большой пир, а после сделал вместо себя королем Ивана-богатыря.

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-БОГАТЫРЕ, КРЕСТЬЯНСКОМ СЫНЕ

В некоей деревне был крестьянин не весьма богатый, и тот крестьянин жил со своею женою три года, а детища у них не было. На четвертое лето жена его понесла и родила сына, которого назвали Иваном. Когда Ивану минуло пять лет, а ходить он не мог, потому что был сидень, то отец его

и мать стали кручиниться и просили бога, чтоб дал сыну их здоровые ноги; однако сколько они ни молились, а сын их не мог ходить и сидел сиднем тридцать лет и три года.

В некое же время пошел крестьянин со своею женою к обедне, и в то же время подошел под окно их избы нищий и стал у Ивана крестьянского сына просить милостыню. Иван крестьянский сын на то ему сказал: «Я бы подал милостыню, да встать с места не могу». Тогда ему нищий молвил: «Встань и сотвори мне милостыню; ноги твои здоровы и исцелены». Иван крестьянский сын тотчас встал с места и несказанно обрадовался, что ноги его совсем стали здоровы и невредимы. Он кликнул нищего в избу и накормил. Тогда нищий попросил у него пива выпиться, а Иван тотчас пива принес; однако нищий пива не пил, а велел ему всю ендову* выпить, и он в том не отрекся и выпил. Тогда нищий спросил: «Что, Иванушка, много ли ты теперь в себе силы чувствуешь?» — «Много», — отвечал ему Иван. «Прости же теперь», — молвил нищий и, проговоря сии слова, стал невидим, а Иван остался в великом удивлении.

Вскоре после того пришел его отец с матерью и, увидя сына своего здрава всем, весьма удивились и стали его спрашивать, как он исцелился от болезни. Тогда Иван пересказал обо всем ясно, и старики подумали, что приходил к нему не нищий, а некий святой человек исцелил его от скорби, и начали пировать. А Иван пошел силу испытывать; вышедши в огород, он взял в руки кол, воткнул посредине огорода и повернул его так сильно, что вся деревня с колом повернулась.

После вошел он в избу и начал с стариками своими прощаться и просить у них благословения. Старики стали плакать горькими слезами и просили его, чтоб он пожил у них хотя малое время: но Иван, несмотря на их слезы, сказал: «Ежели вы меня не отпустите, то я и так от вас уйду». Тогда старики его благословили. И стал Иван крестьянский сын молиться, на все четыре стороны кланя-

* Ендова — чаша

ется, с отцом и с матерью прощается; и сошел с своего двора, повернул на правую сторону, пошел куда глаза глядят. И шел он ровно десять суток и пришел в некое государство. И лишь только что вошел в него, то поднялся вдруг крик и гам великий, от чего царь смутился и вельми бысть ужасен и велел клич кликать: ежели кто уымет тот крик и гам, тому отдаст он дочь свою в супруги и половину своего государства в приданое за нею.

Иванушка, услыша о том кличе, пошел на царский двор и, пришедши туда, велел о себе доложить царю, что он хочет унять тот крик и гам. Привратник, услыша от него те слова, пошел в царю и сказал ему о слышанном. Царь повелел тотчас призвать пред себя Ивана крестьянского сына; и как он к нему пришел, то царь ему говорил: «Друг мой! Правда ли то, чем ты хвалился привратнику?» — «Точно, я тем хвалился, — молвил ему Иван крестьянский сын, — и за то ничего больше от тебя не потребую, только отдай мне этот шум и гам». Тогда царь сказал ему, рассмеявшись: «Пожалуй, возьми, когда тебе надобно». Иван крестьянский сын поклонился царю и пошел от него, пришел к привратнику и потребовал сто человек рабочих людей; привратник дал ему работников.

Тогда Иван крестьянский сын привел их пред царский дом и велел рыть землю. Работники, рывши землю, увидели железную дверь с медным кольцом. И ту дверь Иван крестьянский сын одною рукою отломил и оттуда выбросил и увидел там доброго коня богатырского со всею сбруею и доспехами богатырскими. Конь увидел по себе седока, пал пред ним на колени и промолвил человеческим голосом: «Ох ты гой еси, добрый молодец, Иван крестьянский сын! Засажен я здесь сильным и храбрым богатырем Лукопером, и сижу здесь леты несчетные, и ждал сюда тебя ровно тридцать лет и три года, и насилу дождался. Садись на меня и поезжай куда тебе надобно; я служить тебе буду верой и правдою, как служил Лукоперу — сильному богатырю». Тогда Иван крестьянский сын седлает того доброго коня, надевает на него уздечку тесменную, накладывает

седелечко черкасское и подтягивает двенадцать подпрут шелку шемаханского; садится на доброго коня и бьет его по крутым бедрам, и тот конь осержается, от земли подымается выше леса стоячего, что пониже облака ходячего, долы и горы между ног пускает, великие реки хвостом устилает, из ушей своих выпускает густой дым, а из ноздрей кидает пламя великое.

И тогда Иван крестьянский сын попал в незнакомую сторонушку, и ехал он ровно тридцать дней и тридцать ночей, и приехал в китайское государство; слез с своего доброго коня и пустил его в чистое поле гулять, а сам пошел в город, купил себе пузырь, и надел на голову, и ходит около царского двора. И спрашивают его, откуда он пришел, и какого рода человек, и чьего отца и матери сын? А Иван крестьянский сын на все их вопросы отвечал только: «Не знаю». Тогда все почли его дураком и сказали о нем царю китайскому. И царь велел его к себе привести и стал его спрашивать: кто он, и откуда пришел, и как его зовут? Однако и царю отвечал: «Не знаю». Тогда царь повелел его согнать со двора; но прилучился на ту пору царский садовник и стал просить царя, чтоб того дурака ему отдал для садовой работы, и царь ему в том не отказал. Садовник взял его и повел в царский сад и стал ему приказывать, чтобы он сад чистил, и, отдавши ему такой приказ, ушел от него. Иван крестьянский сын лег под древо и уснул малое время, а после встал ночью, и начал деревья ломать в саду, и переломал все до единого. Поутру пришел в сад садовник, испугался крайне и стал Ивана крестьянского сына бранить, и журить, и спрашивать, кто переломал деревья. А он ему отвечал на то только: «Не знаю».

Садовник боялся о том царю сказать, дабы тем не прогневать его; однако царская дочь усмотрела то из окна своего и подивилась тому немало, спрашивала садовника, кто переломал в саду деревья. Садовник ей на то отвечал, что Незнайко все дорогие деревья исковеркал; просил царевну, чтоб не сказывала отцу своему, и обещался сад развести

лучше прежнего в скором времени. На другую ночь Незнайко не спал нимало, а все носил из колодца воду и поливал те ломаные деревья — и к утру те деревья стали вырастать, и как скоро взошло солнышко, то распустилися они и выросли еще лучше прежнего. Садовник пришел в сад, подивился тому немало и уже не хотел спрашивать Незнайку — затем что от него никогда не мог добиться толку. Царевна же, проснувшись и встав от ложа своего, увидела в окно сад свой в наилучшем против прежнего порядке, почему и велела опять призвать садовника и спрашивала его, каким образом сад исправлен в такое малое время. Садовник ей отвечал, что он совсем о том не знает, отчего так скоро исправлен; почему царевна познала великую мудрость в Незнайке и с тех пор стала его любить паче самой себя и посылала ему ествы всегда с своего стола.

У царя китайского было три дщери, прекрасные собою: большая называлась Дуазою, средняя Сиасою, а меньшая, которая полюбила Ивана крестьянского сына, называлась Лаотою. Царь призвал тогда всех дочерей и говорил им: «Вселюбезнейшие мои дщери, прекрасные царевны! Уже приспело время вам сочетаться брачным союзом, и для того я вас велел призвать пред себя, дабы о том сказать вам. И вы избирайте себе в женихи царевичей или королевичей, кто вам по мысли». Две большие выбрали себе по жениху царевичей, а меньшая стала просить своего родителя со слезами, чтобы отдал ее замуж за Незнайку. Царь изумился, услыша о том от своей дочери, и сказал: «Никак ты, дочь, в уме помешалась, что хочешь выйти за Незнайку-дурака, который и говорить-то не умеет!» — «Пусть он дурак, — отвечала она ему, — однако я прошу вас, государя моего родителя, чтобы выдать меня за него». — «Если так хочешь, — сказал ей царь с великим огорчением, — то, пожалуй, ступай за него замуж».

Вскоре повелено было от царя послать к тем царевичам, коих две царевны выбрали себе в женихи, указы, дабы приехали они в Китай для сочетания с его дочерьми браком. Как скоро получили они те указы, тотчас с великою

поспешностью прибыли в Китай; а по прибытии туда и сочтались браком с царевнами; также и царица Лаота с Иваном крестьянским сыном. Большие ее сестры смеялись, что меньшая сестра выбрала себе мужа дурака.

По некоем времени подступила под Китай-град сила великая, и требовал Полкан от царя любезную его дочь, прекрасную Лаоту, себе в замужество с великими угрозами и с наказом: ежели не отдаст дочь свою ему в супруги, то государство его огнем пожжет, а войско мечом посечет, а царя и с царицею засадит в темницу, а дочь их возьмет неволею. Царь, услыша такие угрозы от Полкана-богатыря, весьма испугался и велел собрать все свое войско. И как оно было собрано, то и вышло против Полкана-богатыря под начальством царевичей, и начали два войска сражаться, как две тучи грозные, и Полкан-богатырь побивал войско китайское. В то время пришла царица к своему мужу Ивану крестьянскому сыну и говорила ему: «Вселюбезнейший мой друг Незнаюшка! Ведь меня хотят у тебя отнять; подступил под наше государство неверный Полкан-богатырь и уже побивает наше войско грозным мечом своим».

Иван крестьянский сын велел царице оставить его в покое, а сам выскочил в окно, и пришел в чистое поле, и крикнул своим богатырским голосом: «Гей ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом, из ноздрей пламя пышет. Иван крестьянский сын влез в ушко, наелся, напился, нарядился и в другое ушко вылез: стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и, севши на своего коня, поехал на рать Полкана-богатыря, стал его войско рубить и прогнал его от своего государства. Тогда царь китайский подъехал к Ивану крестьянскому сыну и, не узнав его, стал просить его к себе во дворец. А он ему отвечал: «Я не твой слуга и не тебе служу!» — и, проговоря сии слова, уехал от него и пустил своего коня в чистое поле, а сам пошел к царскому дому, влез в окно и лег спать, надевши на голову пузырь. Царь от той великия радости сотворил пир великий на несколько дней.

Опять подступил под его царство Полкан-богатырь и просил дочь его себе в супруги с прежнею угрозою. Царь тотчас велел собрать свое войско и послал против Полкана сражаться. И Полкан опять стал побивать китайское войско. В то самое время Лаота опять пришла к крестьянскому сыну и говорила, что Полкан хочет у него отнять ее себе в жены. Тогда Иван крестьянский сын паки* высрал ее от себя, а сам выскочил в окно и, пришедши в чистое поле, кликнул своего коня. Сел на коня, поскакал на войско Полканово, и начал его рубить, и вскоре прогнал от своего государства. Царь опять подъехал к Ивану крестьянскому сыну и стал его просить во дворец; однако он не поехал, а поскакал от него прочь, отпустил своего коня и пошел спать. Царь паки стал торжествовать победу свою над Полканом, хотя и не знал, какой был то кавалер, который вступался за его государство и побивал Полканово войско.

По некоем времени подступил Полкан в третий раз под его государство и просил Лаоту-царицу себе в жены с пущими угрозами. Тогда царь велел собрать свое войско и послать против Полкана, и как сразились обе рати весьма крепко — начал Полкан побивать силу китайскую. В то самое время приходит царица к своему мужу и со слезами говорит, что Полкан хочет ее у него отнять. Иван крестьянский сын, удалясь с поспешностью, выскочил из окна и прибежал в чистое поле; кликнул своего коня, сел на него и поскакал на рать Полканову. Тогда конь проговорил человеческим голосом: «Ох ты гой еси, Иван крестьянский сын! Теперь-то пришла и мне и тебе служба великая; обороняйся от Полкана и стой против него крепко, а не то — так ты и все войско китайское погибнет». Иван крестьянский сын разъяряет своего доброго коня, и въезжает в рать-силу великую Полканову, и начал то войско рубить.

Полкан, увидя, что силы его уже много побито, осердается и нападает на Ивана крестьянского сына, словно лютей лев. И сразились два сильных богатыря, и все войско

* Снова, опять.

им подивилося; они билися долгое время, и ранил Полкан Ивана крестьянского сына в левую руку. Тогда Иван на Полкана осержается и направляет острое копьё — прободал ему сердце, а после срубил ему голову и все войско Полканово прогнал от Китая прочь. Тогда подъехал он к царю китайскому, и царь стал ему кланяться до лица земли и просил его к себе во дворец. Лаота-царевна увидела у него кровь на руке, обвязала рану своим платком и начала его просить в царский дом. Однако Иван крестьянский сын не послушался, ускакал от них и отпустил своего доброго коня, а сам пошел — лег спать. Тогда царь повелел великий пир сотворити.

В то самое время царевна пришла к своему мужу по приказу своего отца и стала его будить, однако разбудить не могла; и увидела царевна у него на голове золотые власы и подивилась тому; а после увидела свой плат, которым завязала его руку: тогда узнала она, что это он трикраты победил Полкана и напоследок умертвил его. Тотчас побежала к отцу и привела его к своему мужу, сказав: «Вот, государь батюшка, вы мне говорили, что я вышла за дурака; поглядите пристальнее на него, осмотрите его волосы и ту рану, что получил от Полкана». Царь узнал тогда, кто защищал его государство от Полкана, и пришел от того в великую радость. Как скоро Иван крестьянский сын проснулся, то царь принял его за белые руки, повел в свои чертоги и благодарил за защиту от Полканова нападения; а как царь уже был в престарелых летах, то и возложил венец свой на главу Ивана крестьянского сына. Иван принял престол, начал управлять Китаем и стал жить со своею супругою весьма любовно и мирно — и скончали век свой благополучно.

ЛИХО

Жил да был человек и не знал, что то есть на свете лихо; слышит — люди часто его поминают, и решился во что бы то ни стало увидеться с ним. Взял сумку на плеча

и пошел. Шел-шел, под лесом стоит железный замок, кругом частокол из человеческих костей, черепа воткнуты сверху. Подходит к замку. «Чего надо?» — «Лиха; его ищут!» — «Лихо здесь». Вошел в горницу, а там лежит громадный и тучный великан; голова на покути, ноги на печке; ложе под ним — людские кости. Это Лихо, а вокруг него сидят Злыдни и Журба. Подало ему Лихо человечесью голову и потчует, а само Лихо слепое. Взял гость голову да под лавку. «Что, скушал?» — спрашивает Лихо. «Скушал». — «А где ты, головка-мотовка?» — «Под лавкою». Жаром и холодом обдало гостя. «Скушай, голубчик, ты сам вкусней для меня будешь». Он взял голову и спрятал за пазуху. А Лихо: «Где ты, головка-мотовка?» — «Подле желудка». — «Значит, съел, — подумало Лихо. — Ну, теперь твоя очередь». Гость улучил минуту да бегом. Дверь железная закрипела; Лихо узнало побег и закричало: «Двери, держите, уйдет!» Но он уже был за дверью; только правую руку не уберег, в дверях оставил, да тут и сказал: «Оце лихо!»

НУЖДА

Богатый брат выстроил новый дом, задумал сделать влазины* и позвал к себе в гости и бедного брата с женою. «Куда нам, баба, с богатыми знаться!» — говорит бедный жене. «Что ж, давай сходим, нам от этого бесчестья не будет!» — «Да ведь на влазины надо гостинцы несть, а мы что понесем?» Разве занять у кого, да кто нам поверит?» — «А Нужа-то! — сказала баба с горькой усмешкою. — Ужли она выдаст? Ведь мы с нею век в ладу живем». Отвечает тут Нужа из-за печки: «Возьмите-ка праздничный сарафан да продайте, на те деньги купите окорок и отнесите брату». Переглянулись мужик с бабою, не знают, что и подумать; посмотрели за печь — не видать никого. «А давно ли ты, Нужа, живешь с нами?» — спро-

* Новоселье.

сил мужик. «Да с тех самых пор, как ты с братом разделился». — «И привольно тебе со мною?» — «Благодаренье богу, живу помаленьку!» — «Отчего ж мы тебя никогда не видали?» — «А я живу невидимкою». Мужик продал сарафан, купил окорок и явился с женою к богатому брату на влазины. Скоро наехали туда важные гости и мало-помалу вытеснили их совсем из избы. Идет бедный к своему двору и думает: «Понесла же нас нелегкая!» Глядь — стоит поперек дороги лошадь с двумя большими сумками, через спину накинутыми; ударил мужик ее рукавицею — лошадь вмиг исчезла, и остались на земле две сумки — полнехоньки золотом. Дался бедному брату большой клад; забрал он золото, пришел домой и спрашивает бабу: «Ты где спать ляжешь?» — «Я в печь залезу». — «А ты, Нужа, где уляжешься?» — «В корчаге, что на печи стоит». — «Ну, ладно!» Мужик, выждавши время, опять спрашивает: «Баба, ты спишь?» — «Нет еще!» — «А ты, Нужа, спишь?» — Та и голосу не подает — заснула. Мужик взял последний женин сарафан, завязал корчагу и забросил ее вместе с Нуждою в прорубь. (Окончание такое же, как в сказке о Горе.)

СКАЗКА О СИЛЕ-ЦАРЕВИЧЕ И ОБ ИВАШКЕ БЕЛОЙ РУБАШКЕ

Жил-был царь, по имени Хотей; у того царя было три сына. Меньшого звали Сила-царевич. Старшие братья стали проситься у отца поехать-погулять в иные государства, людей посмотреть и себя показать; царь дал им по кораблю и отпустил. И Сила-царевич пришел к отцу и стал проситься со слезами отпустить и его вместе с братьями. Царь сказал: «Сын мой возлюбленный, Сила-царевич! Ты еще млад и к дорожным трудам не обычен; оставайся лучше дома». Но Сила-царевич так неотступно просился у отца, что царь дал ему корабль и отпустил в дорогу. Сели царевичи на свои корабли, отвалили от берега и поплыли по морю; старший брат впереди, за ним средний,

а Сила-царевич позади. Плывет им навстречу гроб, обитый железными обручами; старшие братья пропустили его мимо, а Сила-царевич приказал корабельщикам спустить лодку, перенять тот гроб и взять на корабль. Так и сделано. На другой день поднялся великий ветер, сбил корабль Сила-царевича с пути, занес его в неизвестную сторону и прибил к берегу. Съехал царевич на тот берег и зарыл гроб в землю; потом наказал корабельщикам дожидать его год, и два, и три, а сам пошел куда глаза глядят, один-одинешенек.

Шел он путем-дорогою целых три дня, никого впереди себя не видывал, а сзади никто его не обганивал; на четвертый день слышится ему — бежит за ним кто-то. Оглянулся царевич и видит: нагоняет его человек в белой одежде; нагнал, бросился ему в ноги и начал благодарить за свое избавление. «За что челом бьешь?» — спрашивает царевич. «Ох гой еси, младой юноша Сила-царевич, как мне тебя не благодарить? Ведь я лежал в том гробе, что ты перенял и велел похоронить; если б не ты, я, может статься, вечно бы плавал по морю». — «Да как же ты в гроб попал?» — «Я называюсь Ивашка белая рубашка, великий еретик; мать прокляла меня, велела сделать гроб и, положив меня туда, закрыть наглухо крышкою и набить железные обручи, а потом бросила в море. Два года плавал я по морю, никто меня не взял; один ты сжалился. Бью челом за мое избавление и буду тебе верным слугою. Если желаешь жениться, то я знаю прекрасную королевну Труду». Сила-царевич сказал: «Коли та королевна собою хороша, то готов на ней жениться».

После того пошли они вместе путем-дорогою, и шли близко ли, далеко ли, наконец очутились у того царства, где жила королевна; кругом стояли тычинки, как бы палисадом обнесено, и на всякой тычинке воткнуто по богатырской голове: только одна стояла незанятая. Сила-царевич ужаснулся и спросил, что б это значило? «Это всё головушки тех богатырей, что сватались за прекрасную королевну Труду, — сказал Ивашка белая рубашка, — но ты не бойся, ступай смело». Сила-царевич пошел во дворец, и

как скоро увидел его король — сейчас сам вышел навстречу, принимал его за руки белые, повел в палаты каменные и стал расспрашивать: «Ох ты гой еси, добрый молодец! Откуда пришел ты, из какого государства, которого отца сын и как тебя по имени зовут?» — «Я сын царя Хотея, а зовут меня Сила-царевич, и пришел к тебе свататься за твою дочь, прекрасную королевну». Король обрадовался такому жениху, собрал князей и бояр и обвенчал Силу-царевича на своей дочери; потом сели все за столы дубовые, за скатерти браные, пили-ели, прохлаждались. Время молодым в камору идти. Ивашка белая рубашка отозвал царевича и сказал ему: «Слушай, Сила-царевич, как будешь с своею супружницею опочив держать, станет она тебя целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать, а ты с нею ничего не твори — или пропадешь, и голова твоя на последней тычинке будет торчать! А как наложит она на твою грудь свою руку и делается тебе тяжело — вскочи с постели и бей ее палкою изо всех сил; ведь королевна-то любит с нечистым духом: каждую ночь прилетает он к ней по воздуху в виде шестиглавого змея и перекидывается человеком. А я буду стоять у дверей на карауле».

Сила-царевич выслушал эти речи, пошел с своею прекрасною супружницею в камору и лег на постелю. Начала его королевна целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать; а Сила-царевич не хочет сотворить обычную любовь с нею. Королевна наложила на него свою руку и так давила, что он насилу опомнился. Вскочил царевич с постели, схватил палку и стал бить королевну, и бил ее до тех пор, пока не упала замертво. Вдруг поднялся вихрь — прилетел шестиглавый змей и хочет пожрать Силу-царевича, а Ивашка белая рубашка взял острый меч и начал с тем змеем сражаться. Бились они ровно три часа: Ивашка срубил у змея две головы — и змей улетел прочь. Поутру послал король проведать зятя, и когда принесли весть, что он жив и здоров, — король весьма возрадовался: это еще первый избавился от неминуемой смерти. И целый тот день король с зятем веселился, пили-ели, прохлаждались. На

другую ночь случилось то же; Ивашка белая рубашка срубил змею еще две головы. На третью ночь опять царевич бил королевну, а Ивашка сражался с лютым змеем; срубил ему две последние головы и сжег змеиное туловище вместе с головами, а пепел развеял по чистому полю.

Прошел год, и Сила-царевич просится у короля, чтоб отпустил его с родителями повидаться. Король отпустил. Сила-царевич и поехал в путь-дорогу вместе с королевною. На половине пути остановились и разбили палатки. Ивашка белая рубашка набрал костер и зажег, выхватил меч и рассек королевну надвое. Царевич заплакал горькими слезами. «Не плачь, опять будет жива!» — сказал Ивашка. Как скоро рассек он королевну — из чрева ее поползли всякие гады. «Видишь, какая нечистота! Все это злые духи зародились в твоей супружнице», — сказал Ивашка белая рубашка. Пожег всех гадов, потом сложил тело королевны и спрыснул живою водою: в ту ж минуту она ожила и сделалась столько же кроткою, сколько прежде была злою. «Ну, теперь прощай, Сила-царевич! Ты меня больше не увидишь», — сказал Ивашка и стал невидим. А Сила-царевич поехал к морскому берегу, сел на свой корабль и приплыл в свое государство вместе с прекрасною королевною.

О ГОРЕ-ГОРЯНИНЕ, ДАНИЛЕ-ДВОРЯНИНЕ

Горе-горянин, Данило-дворянин — жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил; и пошел он в новое царство лучшего места искать. И палася ему навстречу бабка голубая шапка: «Куды, — говорит, — Горе-горянин, Данило-дворянин, путь-дорогу держишь?» Отвечает ей Горе-горянин, Данило-дворянин: «Жил я у семи попов по семи годов, да у дядюшки князя Владимира девять лет; не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу

получил». — «Что дашь от добра?» — говорит ему бабка голубая шапка. — Доведу тебя до места хорошего. Будешь ли, — говорит, — поить-кормить, при смерти в зыбке качать?» — «Буду, — говорит Данило-дворянин, — кормить-поить, при смерти в зыбке качать». И пошли они вместе, и довела она его до места хорошего; вот и дошли они до двора: двор как город, изба как терем, комли не отрублены, вершины на сарай загибаны.

Вот она и поставила его под окошечко, а сама в палаты вошла. В палатах живет одна себе Настасья-царевна; вот наша бабка голубая шапка вошла, помолилась, на все четыре стороны поклонилась, а Настасье-царевне в особицу. «Эка, Настасья-царевна! Какая ты, — говорит, — хороша-пригожа, а живешь ты одна!» — «Как быть, бабушка! — говорит Настасья-царевна. — Уж так привелось; нет никого, так живешь и одна; что делать?» — «Вот, — говорит бабка голубая шапка, — я тебе привела молодца; поглянется ли?» Сейчас в околеник брякнула, он и бежит в покои. Прибежал он в покои, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, Настасье-царевне в особицу. Вот он Настасье-царевне и приглянулся, и стала она с ним жить да поживать.

Вот она с ним живет долго ли, коротко ли, и посылает его к дядюшке князю Владимиру: «Зови его в тысяцкие*, жену его Оброксу в сватьи; надоть, — говорит, — нам с тобой обвенчаться». Вот он сейчас обувался-одевался и прибежал к дядюшке князю Владимиру. Прибежал он к дядюшке князю Владимиру в терем, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу. Вот он и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи, надоть нам с ней обвенчаться». У дядюшки князя Владимира сидят в это время гости енаралы за столом и говорят ему: «Дядюшка князь Владимир! За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его такую

* Почетный начальник свадебной церемонии.

службу, чтоб ему век не сделать». — «А какую же, — говорит, — накину я на него службу?» — «А такую, — говорят, — чтобы к утру выстроил церковь».

Вот он и пошел домой кручинен-невесел, головушку повесил. Вот Настасья-царевна встречает его и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Разве тебя, — говорит, — дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет, — говорит Горе-горянин, Данило-дворянин, — и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а енаралы на меня службу накинули». — «А какую, — говорит, — службу?» — «А такую службу: приказали к утру церковь изготовить». — «Не твоя печаль, не тебе и качать! — говорит Настасья-царевна. — Молися спасу, ложися спать; утро вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на круто красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Кто деревины вези, кто строй станови, чтоб к утру церковь поспела». Вот как словом, так и делом; сейчас церковь готова. Вот она и встает утром ранешенько: «Ставай, — говорит, — Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора тебе идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; нам надоть с тобой обвенчаться: церковь готова».

Вот он и ставал утром ранешенько, умывался, обувался, одевался скорешенько и побежал к дядюшке князю Владимиру. Вот он и прибежал туда; богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне, тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться: церковь готова». Гости енаралы опять говорят дядюшке князю Владимиру: «За экого чужестранного человека ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь, — говорят, — на его службу такую, чтобы ему век не сделать». Вот он и говорит: «А какую-такую я на

его службу накинута? Совсем я никакой не знаю». — «А такую, — говорят, — службу накинута, чтобы к утру, к свету, мост он соорил: мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы точены, головушки позолочены; на каждой головушке сидели бы птицы-пташечки и разными голосами пели».

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Настасья-царевна его встречает и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, оченно кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет, — говорит, — и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а как же мне веселу быть? Великую службу накинута на меня енаралы». — «Какую же службу накинута на тебя?» — спрашивает его Настасья-царевна. «А такую, — говорит он, — велели мост к утру, к свету, соорить — мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздём прибитые, по краям были бы перилы точены, головушки позолочены; на каждой бы головушке сидели птицы-пташечки, разными голосами пели». Вот она и говорит: «Спасу молися и спать ложися: не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на круто красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Сбегайтесь, сряжайтесь со всех четырех сторон; кто мостовины вези, кто теши, кто перила точи, золоти, кто птиц имай и на головушки сади». Вот и сделался такой шум, гром, визготок, что дядюшка князь Владимир и окошко затворил, подумал, что преставление свету будет. Вот как словом, так и делом соорили мост. Вот и будит Настасья-царевна и говорит: «Ставай, Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; надоть нам с тобой обвенчаться, а мост готов — хоть царю по нем кататься, так не стыдно!»

Вот он ставал ранешенько, одевался скорешенько, умывался, обувался и побежал. Вот он и прибежал туда, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне; тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться, а мост готов — хоть царю кататься по нем, так не стыдно!» Гости енаралы опять говорят: «За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинута на его службу такую, чтоб ему не сделать и ввек». — «А какую же я накинута на его службу?» — «А такую, — говорят, — вели ему шубу сшить из сорока сороков черных соболей; соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита».

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Вот и встречает его Настасья-царевна и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет, — говорит, — и царским питьем не обошел и бранным словом не нашел, а как же мне веселу быть? Великую службу накинута на меня енаралы». — «А какую же?» — говорит Настасья-царевна. «А такую, — говорит, — велели сшить шубу из сорока сороков черных соболей, соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита». Вот она и говорит: «Спасу молися и спать ложися, не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он богу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на красно круто крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Кто соболи чини, кто шелки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба к утру была сошита». Вот сейчас служки, няньки, верны служанки только трягнули — шуба готова! Вот Настасья-царевна и будит его. «Ставай, — говорит, — Горе-горянин, Данило-дворянин, в божью церковь к заутрене!» — и подала ему три золотые яичка:

первым с попом похристосоваться, вторым с дядюшкой князем Владимиром. «А третье береги, — говорит, — чем жить!»

Вот он и приходит в божью церковь к заутрене о Христовом дне; людно народу в церкви, не пускают его: «Бодёр очень!» — говорят. Вот он сейчас рукой пихнул, другой толкнул — народу лежит две улицы; он прошел наперед, стоит да молится. Вот это дядюшка князь Владимир усмотрел, посылает енарала: «Пооди, — говорит, — спроси: что это за человек, из чьих родов, из каких городов, зачем приехал, что ему надоть?» Вот енарал пришел перед его, поклон отдал и стал его спрашивать. Он отворотился, да и рассмеялся: «Вот, — говорит, — брюханье! Не узнали же — службу-то прежде накидывали». Вот приходит время христосоваться; он с попом похристосовался, с дядюшкой князем Владимиром тоже, а третье яичко в пазухе держит. Вот вышли из церкви. Бежит по буеву* Гришка фурлатильный, черненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца. Вот он Горегорянин, Данило-дворянин третье яичко выхватил, годил в лоб, угодил в грудь, сшиб его с ног, бил, топтал, волочил, как барана в крови сделал.

Вот он приходит домой к жене; та его спрашивает, где яичко девал? «Первым яичком, — говорит он, — с попом похристосовался, вторым с дядюшкой князем Владимиром, а третье... Есть у вас здесь какой-то мошенник Гришка фурлатильный, черненький, маленький, хроменький, на одной ножке наскакивает, ищет борца против себя молодца; я шиб его в лоб, угодил в грудь, бил-топтал, волочил, как барана в крови сделал». — «Ну и черт с ним! Так ему и надоть!» — говорит Настасья-царевна. Вот она сходила в горенку, вынесла оттуда два золотые яичка, себе взяла, ему дала — похристосовались. Опять его посылает к дядюшке князю Владимиру — звать его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи: «Надоть нам с тобой обвенчаться».

Вот он побежал. Вот и приходит, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особиду:

* Ограде церковной.

«Милости просим, — говорит, — к Настасье-царевне — тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; а енаралам твоим ничем меня не загонять». Вот он и сказал: «Сейчас пару коней вороных запрягу да и еду; ступай, — говорит, — домой, сряжайся да обряжайся». Вот он приходит домой, с Настасьей-царевной сряжались да обряжались. Дядюшка князь Владимир приехал, ни пива варить, ни вина курить — все готово! Веселым пирком да и за свадебку; обвенчались, стали жить да поживать да добра наживать.

Я там был, пиво пил, по усам текло, в рот не попало; дали мне колпак — стали в шею толкать, дали мне шлык — я в подворотню и шмыг!

РАССКАЗ О МЕРТВЕЦЕ

Ехал мужик по полю мимо кладбища, а уж стемнело. Нагоняет его незнакомый в хорошем полушубке и в красной рубахе. «Остановись! — говорит. — Возьми меня в попутчики». — «Изволь, садись!» Приезжают они в село, подходят к тому, к другому дому; хоть ворота и настезь, а незнакомый говорит: «Заперто!» Вишь, на тех-то воротах были кресты выжжены. Подходит к крайнему дому, ворота на запоре, и замок в полпуда висит; но креста нету — и ворота сами собой отворились. Вошли в избу: там на лавке сидят двое: старик да молодой парень. Незнакомый взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине — и тотчас полилась из него алая кровь: нацедил полное ведро крови и выпил. То же самое сделал он и с стариком и говорит мужику: «Уж светает, пойдем-ка теперь ко мне». В один миг очутились они на кладбище. Упырь обхватил было мужика руками, да на его счастье петухи запели — и мертвец сгинул. Наутро смотрят: и молодой парень и старик — оба померли; тотчас разыскали могилу, разрыли — а упырь весь в крови лежит! Взяли осиновый кол, да и всадили в него.

СКАЗКА О БОГАТЫРЕ ГОЛЕ ВОЯНСКОМ

Мужичок-простачок пахал пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни с комарами. Вот простачок взял свой кнут да взмахнул так счастливо, на диво, что разом убил тридцать трех слепней, а комаров без счета. Простачок-мужичок думать стал. «Мал, да удал, в богатыри я попал; тридцать трех молодцов сразу положил, а мелкой силы и сметы нет!» Голем мужичок назывался; смотришь — и Голь взвелчался, выпряг свою лошаденку, взобрался на нее полегоньку, сел верхом, выехал на большую дорогу, срубил дерево стояростовое и поставил столб с надписью: «Здесь проехал богатырь Голь Воянской, встретился с силой бусурманской, тридцать трех богатырей сразу положил, а мелкой силы и сметы нет. Если какой богатырь навстречу едет, у столба поджидай, а позади, так меня догоняй».

Голь взобрался на клячу и в путь поплелся наудачу. Немного спустя едет мимо столба Чурила Пленкович, надпись прочитал — подивился, Голя нагнать торопился; такого имени и не слыхивал, а видно, могуч богатырь, так надобно с ним подружиться. Чурила скачет во весь опор, нагоняет Голя и спрашивает: «Не проезжал ли богатырь Голь Воянской?» — «Я, — сказал Голь, — а ты кто?» — «Чурила Пленкович», — отвечал молодой богатырь, поклонясь, а сам думает: «Что за чудеса! Мужичонка невидный, и ехать с ним стыдно; сам он шарашится, а кляча чуть тащится». — «Ступай в науку, поезжай по левую руку!» — сказал Голь, и Чурила в раздумье поехал возле него, на Воянского богатыря посматривая и на клячу поглядывая. Между тем едет Еруслан Лазаревич мимо столба с надписью, прочитал и ну гнать коня за Голем Воянским. Догнал и, увидя знакомого Чурилу, спросил, не видал ли он Голя? Чурила указал на товарища. Еруслан Лазаревич поклонился, а сам подивился. «Погоняй в ряду по правую руку!» — сказал ему Голь. На ту пору нагоняет их еще богатырь, Бова королевин сын; надпись на столбе прочитал и коня

погонял отыскивать Голя Воянского, победителя бусурманского; видит мужичка на клячонке, тащится потихоньку, а по сторонам его едут два славные богатыря Еруслан Лазаревич и Чурила Пленкович, говорят с ним почтительно, а тот отвечает: «Рад вам, товарищам!» Поклонился Бова королевин сын Голю да об имени спрашивал. «Голь Воянской, сам себе большой, — отвечал простачок, — а ты кто?» — «Я Бова королевин сын», — отвечал богатырь. «Милости просим на подвиги, — сказал Голь, — ни поздно, ни рано; поезжай возле Еруслана!»

Едут богатыри, куда Голь едет, и подъехали к заповедным лугам царь-девицы богатырки. «Тут заказан путь», — сказал Еруслан. «Не беда! — молвил Голь. — Много Русь обижала, путь не нам заказала. Пускайте коней на луга!» — «Голь Воянской! — сказал Еруслан. — У королевны сила великая: двадцать два богатыря да Зилант Змеуланович, Тугаринов брат». — «С меня мало, — сказал Голь, — будет ли на долю твою? Я всех как мух перебью». — «Ну, ин быть так! — сказал Еруслан. — Поедем в заповедные луга тешиться, силами богатырскими переведаемся». Въезжают богатыри, топчут цветные луга, видят белый пустой шатер, пустили коней на траву, а сами вошли в шатер, сели да поглядывают; один Голь лег отдыхать и, чтоб не было жарко, снял с себя кафтан, занавесил шатер от солнышка, а сам захрапел. «Голь надеется на себя!» — сказал Бова королевин сын.

Между тем во дворце королевны поднялась тревога; в колокола звонят, в трубы трубят, и выехала из города дружина воинов да три богатыря в латах. Чурила будит Голя: «Вставай! Силы много на нас». Голь встал и, спросонья зевая, сказал: «Что это? Три богатыря — три слепня, а сила вся — комары: не дадут уснуть до поры. Ступай, Чурила, переведайся с ними, оставь одного и пошли к богатырке да вели ей сказать: за меня шла бы замуж!» Чурила поехал, долго бился-рубился и перерубил всех, одного послал к королевне. Но вместо ответа выслали из города шесть богатырей с тремя дружинами. Опять разбудили заснувшего Голя. «Эге! — сказал Голь. — Что за

сила? Одной рукой махнуть — пришибу! Королевин сын! Поди справься один, да оставь одного послать к королевне». Сказав, пошел спать. Посчастливилось королевину сыну высланных богатырей победить, одного за другим перебить, а дружины их разбежались. Но королевна высылает еще более силы: двенадцать богатырей, с ними шесть дружин. Скачут, трубят и мечами машут. «Ого, сколько высыпало! — сказал Голь, вставая. — Туча лихая! Двенадцать слепней, а комаров без счета. Еруслан! Будет с тебя? А не то — мы пособим». Еруслан сел на коня, пустился соколом, мечом-кладенцом наотмашь рубит — вправо и влево, богатырей разметал, дружины погнал.

Королевна видит беду неминуемую, высылает Зиланта Змеулановича. Загремел Зилант, выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях. Несется Зилант как стрела на орла, зовет как трубой переведаться в бой. «Видно, мне очередь!» — сказал Голь. «Нечего делать, — подумал он, — ехать на смерть; тут мне и конец, зато богатырская честь, а делу венец!» Перекрестился Голь, сел на клячонку, едет потихоньку, зажмурил глаза, а сам топором что есть силы машет. Зилант заревел, увидя издалека Голя, и думает: не на смех ли послали? А Голь шепчет про себя: «Отцы и братия, поминай как звали!» — и, ожидая смерти, опустил голову на шею своей лошаденки, которая бежала на трех ногах, а четвертой прихрамывала. У Зиланта запрыгали глаза во лбу. «Нет ли тут умысла? — думал он. — Мужичонка прилег к лошаденке — что за богатырь? Пальцем щелкнуть — на сажень отлетит». Зилант оглядывается, нет ли тут хитрости, и к седлу наклонился, а Голь приподнял голову и вдруг прибодрился, с топором наскочил да так оглушил, что Зилант на песок повалился. Тут Голь, не дав Зиланту опомниться, стал рубить его, как сосну в щепы, машет да рубит топором, сдернул шелом и поехал к товарищам.

Тогда королевне забота, принуждена приказать отпереть городские ворота, просить богатырей на пир, заключить с ними мир. Увидела Голя, дивится, в ком богатырская сила, и сама подошла к нему, руку на плечо наложила и так

придавила, что Голь едва повернулся, выбился из-под руки, отшатнулся, а королевна ему говорит: «Рада я витязю славному, храбрость всегда почитала». Тут она Голю руку пожала; Голь вспрыгнул, и зубы он стиснул, боясь их разжать, закричать. «Защищай мое царство! — королевна сказала. — Тебе нас стеречь». А Голь поклонился и думал, как бы голову свою уберечь. Королевна велела в беседу принести крепкого меду, думала гостей испытать, но Голь не хотел пировать, за кубок не брался, а молвил: «Кончив труды, ничего я не пью, кроме богатырской воды!» — «У нас есть в запас вода богатырская», — сказала королевна. «А много ль ее?» — спросил Голь. «Бутыль полна», — отвечала королевна. «Да такая ль она, как у нас?» — спросил Голь. — «Иная бутыль склянки не стоит». — «Отведай», — сказала королевна и велела принести бутыль с богатырской водой и ковш золотой. Голь налил ковш, выпил, сила в нем прибывала, а королевна знать желала, какова вода. «Еще вкуса не доберусь», — сказал Голь; налил другой ковш, и разом он выпил еще три ковша. «Полно, полно! — закричала королевна. Ты и мне воды не оставишь». — «Славная водица! — молвил Голь, расходясь, руками размахивая. — Какова-то теперь сила моя?» Тут велел он принести большой корабельный канат, завязать крепко-накрепко петлею, из конюшни королевниной вывести коня богатырского. Сел на него, разъехался, вскочил в петлю головою и порвал канат.

С той поры Голь богатырствовал, приосанился, на королевне женился; от ней у него были две дочери: Смета да Удача. Голь на них глядя, величался, и никто не сомневался, чтобы он не одолел тридцать трех богатырей одним разом.

ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ

Был некий царь Картаус (Киркоус), а у него дядя князь Лазарь Лазаревич; у того Лазаря родился сын Еруслан Лазаревич. Как было Еруслану десять лет, стал он ходить

на улицу и шутить шутки не гораздо добры: кого возьмет за руку — у того руку вырвет, кого за ногу — тому ногу выломит. Царь приказал выслать его из царства вон. Еруслан о том не тужит, а тужит об одном, что нет у него коня по мысли: ни один конь его поднять не может. Вот выстроили ему каменную палату у синя моря и выслали из царства. Учал Еруслан гулять по лукоморью и стрелять по тихим заводям гусей-лебедей: как натянет лук да выстрелит — ино как из тучи гром грянет, а по чему стрелит — того не грешит (не промахнется).

Однажды подъехал к нему человек, сошел с своего сивого коня, ударил челом низко и промолвил: «Дай-де бог здравие государю нашему Еруслану Лазаревичу!» — «Ты меня почему знаешь?» — «Как мне не знать тебя! Я, господине, отца твоего старой конюх, гораздой стрелец, сильной борец; стерегу стада уже тридцать лет, а зовут меня Ивашко». Еруслан ему признался: «Тужу-де я, что нет у меня коня по мысли». Ивашко молвил: «Есть, господине, в отцове стаде жеребец третьим летом; ни у кого еще в руках не бывал, а тебе, чаю, по мысли будет». Когда пригнал он стадо на водопой, Еруслан накинул на того жеребца тесмяную узду и дал ему имя вещей Араш; а был жеребец величиной мало не с палатою равен. Сел богатырь на коня, поскакал в чистое поле и наехал на рать-силу Данила князя Белого, который пришел под царство Картаусово и похвалялся все это царство разорить, самого царя и двенадцать богатырей его в полон взять. Еруслан хочет с Данилою в бой вступать; говорит ему отец: «Ты еще молод, ратное дело тебе не за обычай!» — «Государь батюшка! — отвечал сын. — Не учи ты гоголя по воде плавать, не учи нас, богатырей, на ратное дело ездить».

Напускался он на своем добром коне на рать-силу Данила Белого и стал побивать ее. Много было воинства вражьего — ни в которую сторону не объехать, ни оком обозреть! Еруслан все порешил, сколько побил, а вдвое того от его зычного голоса наземь попадало и смертью померло; самого Данилу отпустил он на слове, чтобы впредь

ему не приходиться больше под государство Картаусово. Совершив такой подвиг, отправляется Еруслан в путь-дорогу; едет он много дней и видит — в чистом поле великая рать побита: кликнул богатырским голосом: «Есть ли в этом побоище жив человек?» Отозвался ему жив человек, и спросил его Еруслан: «Чья это рать побита: и кто побил ее?» — «Это рать Феодула-змея, а побил ее Иван русский богатырь, и не одну эту рать, а много побил он: хочет у змея понять за себя дочь-царевну».

Поехал Еруслан искать Ивана русского богатыря; близко ли, далеко ли — стоит в чистом поле шатер с золотою маковкою; у шатра богатырской конь встреножен. Рядом с тем конем Еруслан своего поставил к белоярской пшенице, и вошел в шатер; а там лежит Иван-богатырь и крепко спит. Еруслан лег возле и сам уснул. Пробудился Иван русский богатырь, посмотрел на гостя и ужаснулся; выглянул из шатра — ажно вещей Араш отбил его доброго коня от корму прочь. Емлет Иван острой меч и хочет отсечь Еруслану голову, да помыслил в уме своем: «Не честь убить сонного человека! Сам он приехал в те поры, как я спал богатырским сном, и воля ему была убить меня сонного, и он меня не убил, а живот дал». Разбудил он Еруслана, и выехали они силы пробовать. Еруслан ударил Ивана-богатыря тупым концом копья против сердца и свалил его на сырую землю; а вещей Араш наступил ему копытом на ожерелье. Еруслан дал побежденному живот; тут они назвались братьями: Еруслан большим, а Иван младшим.

Еруслан помогает своему названному брату в войне с Феодулом-змеем, и когда змей в бегство ударился — он поскакал за ним в погоню. У обоих у них были жеребцы быстрые — родные братья, рожденные от тех славных водяных (морских) коней, о которых не раз упоминают народные сказки; словно соколы летели они чистым полем и по озеру скакали поверх воды, словно по мосту. Еруслан настиг-таки Феодула-змея и рассек его, а дочь Феодулову, прекрасную царевну, отдал Ивану русскому богатырю. Лег

Иван с своей красавицей опочив держать и стал спрашивать: «Душечка моя, свет красная царевна! Доставал я тебя и добром и лихом, скажи-ка мне правду: есть ли где тебя краше, а брата моего Еруслана удалее?» Отвечала царевна: «Чем я красна и хороша? Есть, господине, в поле — кочуют две царевны, и у тех царевен краше меня девки, что им на руки воду подают; а брата твоего Еруслана есть удалее Ивашко Белая Поляница (вариант: Белая Епанча), индейского царя сторож; стоит он на окраине, и мимо его никаков человек не проедет».

Услыхал эти речи Еруслан Лазаревич и захотел ехать посмотреть на тех царевен и с Ивашком Белой Поляницей переведаться; а наперед того вздумалось ему побывать у отца, у матери и ударить им челом. Приезжает в царство Картаусово, а оно совсем пусто, только и нашел одного человека и узнал от него, что третий год тому, как Данило Белой повоевал все царство, царя Картауса, князя Лазаря и двенадцать богатырей в полон взял, выкопал у них очи и посадил в своем городе в крепкую темницу, а достальных людей мечом высек. Еруслан поскакал в государство Данилово, перебил у темницы всю стражу и навестил пленных. Сказал ему князь Лазарь: «Сыне мой! Только хочешь послужить великому царю Картаусу и мне, своему отцу, и двенадцати богатырям, и ты поезжай за тихие воды, за теплое море, к вольному царю Огненному Щиту, Пламенному Копью; убей его и добудь из него желчи». Еруслан отправился искать вольного царя, и наехал на крякостый дуб добре велик посеред поля, и остановился под ним, не ведая, какой дорогою ехать.

Ровно в полдень летит великое стадо птиц-хохотуней, сели кругом дуба и учили изметоваться красными девицами. Еруслан поймал одну девицу. «У вас, — говорит, — крылья: вы летаете по многим землям и царствам; не слышали ли, где живет вольный царь Огненный Щит?» — «Есть такой царь, да никаков человек его видеть не может». — «Не говори того, а лучше поставь меня в его царство; не то не быть тебе живою, и отпуску от меня не

жди!» — «Господине Еруслан, зажмурься, и я поставлю тебя куда надобно». Еруслан зажмурился да ступил трижды на своем добром коне — и очутился как раз в чистом поле под государством вольного царя Огненного Щита. На том поле, знать, побоище великое, посреди побоища лежит богатырская голова добре велика.

Говорит голова Еруслану: «Есть-де подо мною меч таков, что опричь того меча никакое железо не возьмет вольного царя. И я с тем мечом выехал было против царя Огненного Щита, чаял убить его: а он выехал на осьминогом коне, да, не допускаячи, сжег меня, и я, падая с лошади, кинул свой меч себе под голову. Супротив вольного царя ничем нельзя взять, как только хитростью». Послушался Еруслан головы и решился; где нельзя одолеть силою, там взять хитростию. Приехал он к вольному царю Огненному Щиту, попросился к нему на службу и вызвался добыть ему из-под головы великана чудодейный меч. Голова сама скатилась и отдала ему меч с таким наказом: «Не секи царя больше одного разу; ударишь в другой — тебе самому не быть живым». Как скоро въехал он на царский двор, царь Огненный Щит, не ожидая измены, бросился к нему навстречу; а Еруслан подпустил его близко, ударил мечом и рассек надвое. Падая наземь, вольный царь молвил: «Секи вдругорядь!» — «Дважды богатыри не секут!» — отвечал Еруслан, вспорол у царя Огненного Щита могучую грудь, вынул желчь (вариант: взял в щаночку кровь горячую и печень свежую) и положил в сумку. После поехал к голове великана и помазал ее желчью — и тот богатырь стал жив. Тут они поцеловались и отправились каждый в свою сторону. Воротившись к Картаусу, Еруслан помазал ему, отцу своему Лазарю и двенадцати богатырям глаза желчью — и они тотчас прозрели; а Данила Белого за его обман и ложную клятву предал смерти.

Возвратив царю Картаусу свободу и земли, Еруслан отправился в дальние страны доезжать хваленых царевен. Прибыл к ним в шатер, взял старшую на постель и стал

выспрашивать: «Есть ли где вас, царевен, краше, а меня удалее?» Отвечала царевна: «Есть, господине, у индейского царя красная царевна; мы ей обе в ногу не судны. А тебя удалее Ивашко Белая Поляница». Еруслан рассердился, сшиб ей голову и взял к себе меньшую сестру. На сделанный ей вопрос она отвечала: «Есть Ивашко Белая Поляница, индейского царя сторож — тот силен, а ты, господине, удал же; обоих вас бог ведает, кто из вас удалей будет». Еруслан оставил ее живою и поехал в индейское царство; ехал, ехал, и видит — на рубеже того царства спит человек на коне, копьем подперся. Еруслан разбудил его и сказался, кто он таков. «Слышал про тебя, — отвечал Ивашко, — да два богатыря в поле не живут!» Стали силами мериться: Еруслан сбил его с коня и говорит: «Пожалел бы тебя, да за то убью, что тобой девки хвалятся!» И проколол его копьем. Приезжает он в индейское государство, а там беда приключилась: стало выходить из озера чудо (змея) о трех головах и емлет всякой день по человеку: уже дошла очередь до царевны. Еруслан вызвался защитить ее от чуда, а царь обещал отдать ему за то дочь в супружество и с ней половину царства. Повели царевну к озеру, и Еруслан поехал: «Не бойся! — говорит он девице. — Молись богу да смотри на озеро: как учнут волны являться — разбуди меня». А сам уснул крепко. Начали подыматься волны — стало чудо показываться, царевна его будит и не может никак разбудить, вынула нож и поколола его в стегно. Еруслан проснулся, и началась битва. Чудо дает ему за свою жизнь выкуп великий — камень самоцветный. Еруслан камень взял, а врага убил.

Женился Еруслан на царевне и стал ее спрашивать, есть ли кто ее краше, а его, молодца, удалее? «Чем я, господине, красна и хороша? Есть на море солнечный град, а в том городе царствует царевна (или: в девичьем царстве, в солнечном граде есть девица — сама царством владеет), а служащие у нее все девки; и та царевна в семь седмериц краше меня, а я несудна тем девкам, которые у нее служат, красотой и хорошеством. А тебя удалее и сильнее никого нет!» Спал

с нею Еруслан единую ночь, а поутру встал, дал ей самоцветный камень и молвил: «Милая красная царевна! Родится у тебя после меня сын, и ты возложи ему самоцветный камень на руку; а родится у тебя дочь, и ты ей из того камня серьги доспей». Сам Еруслан уехал в солнечный град, где царствует девица, краше которой на всем свете нет, и учал с нею жить в любви много лет.

Пока Еруслан наслаждался любовью несказанной красавицы, жена его — индейского царя дочь — родила сына, назвала его Ерусланом Еруслановичем и дала ему на руку самоцветный камень. Вырос он, почувял в себе богатырскую мощь и поехал искать отца. Подъезжает к солнечному граду, остановился по конец моста и свистнул богатырским посвистом; в то время отец его исполошился: «Не простой то человек свистнул, а сильномогучий богатырь!» Сел на своего вещего Араша, и начинается борьба между отцом и сыном, не узнающими друг друга. Сын ударил отца тупым концом копья, и мало Еруслан Лазаревич с коня не упал — удержался за седельную луку. Съехались богатыри вдругорядь; отец ударил сына тупым концом и сшиб его с коня наземь, а вещий Араш наступил на его ожерелье. Жаль Еруслану убить паробочка, потому что добре молод; а юноша в сердцах под Ерусланом рвет у отца копье булатное, и оттого оголилась у него рука. Еруслан Лазаревич усмотрел на его руке самоцветный камень, опознал своего сына и учал спрашивать: «Скажи мне, брате, какой ты человек?» Тут все объяснилось и добром покончилось; Еруслан покинул солнечный град навсегда и вместе с сыном воротился к своей жене.

СКАЗКИ, ИЗЪЯТЫЕ ЦЕНЗУРОЙ
ИЗ СБОРНИКА
«НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ»

О ХИТРОСТИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

До рождества Христова все умершие — грешные и праведные сидели в аду. И Анна-пророчица была тут же и все пророчила, что родится Иисус Христос и выведет всех праведных из аду. А праведные давно ждут и дожидаться не могут избавления и говорят:

«Вот ты, Анна, пророчишь, пророчишь, а все ничто не сбывается, только нас морочишь!» Анна их уверила, что вправду все то сбудется, что она пророчила.

Вот и родился Иисус Христос и начал с апостолами ходить по земле; зашел и в ад. Ад затрепал, Сатанаил закричал: «Аде, крепися!» Нет, ад все трещит. Господь повел из аду всех с собою, а царя Соломона оставил. Соломон и говорит: «Что же ты, господи, всех выводидь из аду, а меня одного покидаешь?» Господь сказал: «Ты сам хитёр-мудёр, дак выходи на свои мудрости!»

Вот Соломон остался в аду и начал размеривать ад да приговаривать: «Вот тут будет церква, тут престол, а тут часовня». Сатанаил его остановил: «Соломон, что ты делаешь?» А он отвечает: «Да вот хочу здесь церкву строить, а вот тут часовню». — «Что ты, царь Соломон! У меня и прежде тесно было. Я рад, что избавился назойливых жильцов, а ты опять меня теснишь» — «Ну, Сатанаил, вот тебе три аршина в уголку — будет с тебя и этого места!»

Сатанаил рассердился и выгурил (выгнал) царя Соломона из аду вон. Соломон и пошел к царству небесному. Стучится у ворот и спрашивает: «Братие! Скажите, пожалуйста, которое житие лучше — старое ли в аду или новое

в царстве небесном?» — «Нет, — говорят, — новое в царстве небесном лучше». — «Покажите-ка мне ваше житье хоть немножко! Я бы посмотрел на вас». Отворили ему дверь немножко, чтобы можно было заглянуть. Он смотрел, смотрел и засунул ногу. Стали рай затворять и прижали ему ногу-то. Он и закричал: «Ногу прижали! Ногу прижали!» Вот как отворили шире, Соломон и проскочил в царство небесное — да в уголок. Тут и остался, а не на переде, где заняли место первые.

ХРИСТОВ КРЕСТНИК

В старое время было так: жил-был бедный крестьянин, и у того у крестьянина было немалое семейство — ровно шесть сыновей. Родился у него еще седьмой сын. Надо было младенца крестить. Жена и посылает своего мужа искать крестного. Мужик на первый же день обошел всех богатых поселян, только никого не мог найти, кто захотел бы принять младенца. Все отказались, потому что к бедному не так-то охотно идти. На другой день жена опять посылает своего мужа искать кума. Тот опять никого не сыскал, идет да сам плачет. Вдруг попадается ему навстречу незнакомый человек, и тот человек был сам господь. Спрашивает он мужика: «О чем плачешь, старичок?» Тот отвечает: «Да вот родился у меня сын. Надобно его окрестить, да никто не идет ко мне в крестные, потому что беден». — «Не тужи, я твой кум. Пускай несут младенца в церкву. Я сейчас там буду». Мужик обрадовался, что нашел кума. Воротился докой и посылает бабушку с младенцем в церкву. Бабушка взяла ребенка и пошла. Приходит в церкву, а муж уже там. Вот как окрестили младенца, стала бабушка звать к себе кума хлеба-соли откушать. Кум отказался: «Мне, — говорит, — некогда!»

Прошло немало времени — эдак лет шесть, или семь. Мальчик порядочный вырос. Настает пасха Христова. Соседние ребятишки бегают по улице и говорят: «Завтра

мы пойдем к своим крестным христосоваться, они нам по яичку дадут». Тот мальчик с ними же бегал. Услыхал такие слова, прибежал домой и давай спрашивать у матери: «Кто у меня крестный?» Мать и говорит: «Спрашивай у отца! Он, бестолковый, кого-то созвал и нам не показал, что за человек такой был». — «Ну да молчи, мама! Я завтра пойду в церкву и стану высматривать крестного. Может и найду».

Приходит к заутрене. Становится прямо против образа Спасителя и усердно молится, чтобы показал ему бог крестного. По отходе утрени все вышли из церкви, а он остался и видит: выходит в царские врата неведомый человек, манит его к себе и дает два яичка. Одно велит отнести отцу, другое матери. — «А сам, — говорит, — опять приходи в церкву. Тогда я тебе еще яичко дам». Мальчик с радостью побежал домой. Прибегает, отдает отцу-матери по яичку и говорит: «Мне тятенька крестный дал, велел вам отдать, а мне наказал еще прийти».

Приходит к обедне и опять становится на то же место. По окончании службы невидимой силой подняло его до третьего неба. Сперва несли его двухкрылые ангелы, а потом шестикрылые серафимы подняли его до шестого неба, в предивную палату, где он узрел лик ангелов, праведников и пророков. Господь посадил его на престол, вручил скипетр и державу и оставил вместо себя. Тогда он увидел всю подвселенную. Сидит и смотрит: вон плывет корабль, а на тот корабль наступают разбойники. Он и подумал: «Лучше б тому кораблю потонуть, нежели быть разграблену!» Корабль тотчас и потонул со всеми людьми и товарами. Потом увидел он, что в такой великий праздник не хотела жена с своим бедным мужем обед разделить, а ушла в чужие люди и стала с чужим мужиком пировать и любодейничать. Мальчик подумал: «Лучше бы тому дому сквозь землю провалиться, нежели такое распутство зреть!» — И дом провалился сквозь землю. В третий раз видит он, как разбойники под монастырь подкапываются, и опять подумал: «Как же у этих разбойников руки поднимаются на божие

храмы? Лучше бы тому монастырю опрокинуться да задавить их!» Монастырь сейчас опрокинулся и задавил разбойников.

Господь, видя такое нетерпение, удалил его с престола, дал ему яичко и велел ангелу отнести его на землю. Ангел понес его к отцу и на пути сказал ему: «Как будешь ты дома, то разговейся этим яичком и удались в пустыню. Там тебе будет спокойнее». Он так и сделал — разговелся и удалился в пустыню. Пробыл в ней двенадцать лет, потом преставился. Тело его было похоронено ангелом в той самой церкви, где это чудо совершилось.

РИЗА НА ИКОНЕ

Жил в одном городе богатый человек, ездил в Нижний на ярмарку за разными товарами. Однажды случилось ему плыть с товаром по Волге. Плывет день и два — хорошо, а на третий поднялась сильная буря и потопила у него судно с людьми и с товарами, — только сам кое-как мог спастись на одной дощечке. Приплескало его к берегу, он почувствовался, вышел на берег и пошел домой пешком.

Приходит домой, рассказывает жене о своей беде. Жена плачет не столько о муже, сколько о богатстве. Вот этот бедняк не знает, как и пропитанье себе найти. Потому что жил он прежде богато, привык к роскоши, работать ему совсем не под силу. Стал он ходить в церкву, стал просить помочи у иконы божьей матери. Просит раз, другой и третий — икона все не дает помочи. Он осердился и говорит: «А когда так!..» И вздумалось ему: «Дай-ка я сниму с нее серебряную ризу». Улучил время, когда в церкви никого не было, и снял с образа ризу, смял ее в комок и продал серебряннику. На те деньги опять стал торговать, и расторговался в пять лет так, что лучше прежнего стал жить. Как-то и вспомнил: «Что ж я — снял с божьей матери ризу, а новую-то не сделал!»

Заказал серебряннику ризу на образ и дал ему мерку. Серебрянник скоро ее изготовил, принес, отдает купцу. Тот

взял ризу, пошел в церкву, и никто не заметил, как он одел ее на икону. А риза-то оказалась гораздо лучше прежней. Собираются прихожане в церкву, видят: риза не та. Сказали священнику, и тот удивляется:— «Как же это могло случиться?» А во все время, когда икона стояла без ризы, никто того не видел; всем казалось, что она стоит в окладе; иные даже к ней прикладывались и ничего не замечали. Только тогда все и открылось, как появилась на иконе новая риза и как сам купец покаялся перед священником.

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ

Старуха-мать ругала мальчишку, чтоб он не ходил на реку купаться: «Ну, курвин сын, смотри, коль утонешь, так и домой не ходи!»

* * *

Раз зимою ехали по Волге-реке извозчики. Одна лошадь заартачилась и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас погнался за нею и только хотел ударить кнутом, как она попала в майну* и пошла под лед со всем возом. «Ну, моли бога, что ушла,— закричал мужик,— а то я бы нахлестал тебе бока-то!»

* * *

Поехал молодой мужик на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла с версту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро приеду». — «Да разве я о том плачу? У меня ноги озябли!»

* * *

Заприметил солдат, что у хохла в сенях висело под коньком пуда два свиного сала в мешке: прорыл ночью крышу, стал отвязывать мешок, да как-то осклизнулся и упал вместе с салом в сени. Хозяин услышал шум и вышел с огнем: «Чого тобі треба?» — «Не надо ли тебе сала?» — спрашивает солдат. «Ни, у мене свого богацько!» — «Ну так потрудись, навали мне мешок на спину». Хохол навалил ему мешок на спину, и солдат ушел.

* Польню

Раз вошел хохол в церковь в шапке и стал впереди всех; другой увидел и толкнул его: «Что ты шапки не скидаешь?» Тот оглянулся: «А шо, хиба староста здись?»

* * *

В одной слободе напроказил что-то дьячок. Собралась громада и послала за ним десятского. «Пан дьячок, иды в громаду, — сказал десятский, — щось на тебе громада рыпить!» — «Сейчас приду», — отвечал дьячок; захватил с собой кувшин с дегтем да кнач* и пошел в громаду. «Кто тут на меня рыпит?» — спрашивает дьячок. «Та хоть бы и мы!» — крикнул старшина. Дьячок мазнул его дегтем по губам — он замолчал. «Еще кто?» Все и замолчали.

* * *

Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смеяться. «Ну, — говорит он, — молитесь бога, что ночь была светлая; а то я выкинул бы вам штуку!» — «Какую, скажи, пожалуй!» — «Я бы спрятался!»

* * *

Трое прохожих пообедали на постоялом дворе и отправились в путь. «А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?» — «Ну, я хоть и дорого заплатил, — сказал один, — зато недаром!» — «А что?» — «А разве вы не заметили? Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!»

* * *

Какой-то мужик купил полуштоф вина, выпил зараз — ничего; купил еще косушку — все не пьян; выпил еще шкалик — и опьянел. И начал тужить: «Зачем покупал я полуштоф да косушку? Лучше б прямо купил шкалик — с него б меня и так разобрало!»

* Помазок.

Овдовел мужик, пришлось самому хлеба ставить. Вот он замесил в деже* тесто и вышел куда-то. В сумерках воротился, хотел было вздуть огонь, как услышал, что кто-то пыхтит; а это хлеба кисли. «Недавно, — думает себе, — ушел, а кто-то уж забрался в избу!» — и впотьмах наступил на кочергу. Она ударила его в лоб, он закричал: «Сделай милость, не дерись, ведь я тебе ничего не сделал!» — а сам ну пятиться вон из избы. На беду нога разулась, и мужик при выходе прихлопнул оборку дверью и упал. «Батюшка, отпусти! Не держи меня, право слово — ничего тебе не сделаю!»

* * *

Мужик позвал соседа на обед и поставил на стол щи с говядиной. Гость захватил себе весь кусок говядины и говорит: «Ну, брат, что зацепил — то и бог дал!» А хозяин похлебал, похлебал щей, да потом ухватил гостя за волосы и давай таскать: «Ну, брат, что зацепил — то и бог дал!»

* * *

Богатый купец часто зазывал к себе всяких людей, поил, кормил, угощал: только коли кто скажет ему противное — того непременно поколотит. Раз зазвал он к себе ямщика. Тот отпряг лошадей, вошел в хоромы и после долгого угощения сказал: «Довольно, хозяин! Мне пора ехать». Купец давай его бить, так что ямщик едва вырвался и стал запрягать лошадей. Купец за ним. Ямщик нарочно начал дугу вкладывать кольцом назад. Купец закричал: «Не так вкладываешь!» А ямщик давай его бить да приговаривать: «Не твое дело указывать! Не твое дело указывать!»

* * *

Один мужичок охотник был драться; зазвал к себе в гости мужика, велел хозяйке собрать на стол, велит гостю садиться за стол. Тот отговаривается: «Что ты, Демьян

* Квашне.

Ильич, беспокоишься напрасно?» Демьян Ильич ему плюху, да и по щеке, и говорит: «В чужом доме хозяина слушай!» Тому нечего делать, сел за стол, потчует его; он ест. Хозяин начал резать хлеба много. Мужик и говорит: «Куда ты, Демьян Ильич, столько хлеба режешь?» Демьян Ильич и другу ему чикун*: «Не указывай, — говорит, — в чужом доме! Делай то, чего хозяин велит». Мужик не рад стал: ежели потчует — не ест, не слушает Демьяна. Тот его бьет да приговаривает: «В чужом дому хозяина слушай!»

На эту пору ниоткуда возьмишь — другой детина, только в невзрачной лопотине, а парень бойкий, без спросу отворяет ворота, заезжает в ограду; а Демьян вышел на крыльцо, кланяется: «Милости просим, милости просим!» — охота и этого побить! Детина — неробкий, снимает шапку и говорит: «Извини, Демьян Ильич, я не спросился — заехал». — «Ничего, ничего! Милости просим в избу». Детина вошел. Хозяин и его садит за стол, жене велит ставить естеров, нести хлеба, так и потчует! А детина ест да ест, не перечит. Демьян сколько ни бился — детина ни в чем не перечит: не удалось ему ударить. Он и пошел на проделки, вынес хорошее, самое лучшее платье, говорит детине: «Скидай то, надевай вот это!» Думает сам: «Ужо-де отпираться станет, я его выколочу». Детина не прекословит, надевает. Демьян то, другое подсушет; детина все не спорит. Вывел хорошую лошадь, обседлал в лучшее седло, надел добру узду и говорит детине: «Садись на мою лошадь; твоя-то худая!» — уж да не станет ли перечить? Детина сел. Демьян велит ехать; тот молчит, понужнул лошадь, выехал из ограды и говорит: «Прощай, Демьян! Не черт пихал, сам попал!» И уехал — поминай как звали: только и было! Демьян посмотрел вслед, хлопнул руками, да и сказал: «Ну, видно, нашла коса на камень! Дурак же я — хотел побить, да лошадь и пробил!» Может, лошадь-то со сбруей-то сот полуторых стоила.

* * *

Жил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе канарейку за пятьдесят рублей. Случилось быть при этом

* Чикать — бить, ударить.

мужику; пришел мужик домой и говорит своей бабе: «Знаешь ли что, жена?» — «А что?» — «Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку — пятьдесят рублей заплатил. Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купит ли?» — «Понеси!» Вот взял мужик гусака и понес к барину. Приносит: «Купи, барин, гусака». — «А что стоит?» — спросил барин. «Сто рублей». — «Ах ты, болван!» — «Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!» Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром. «Ну, ладно, — сказал мужик, — попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел; идет мимо барского дома и кричит: «Кому теплы сени работать?» Барин услышал, зовет его к себе: «Да сумеешь ли ты сделать?» — «Отчего не сделать; вот тут неподалечку растет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо». — «Ах, братец, — сказал барин, — покажи мне этот лес поскорее». — «Изволь, покажу». Поехали они вдвоем в лес. В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины; расколол дерево с одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель. Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко защебил ему руку. Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» Уж он его дул, дул! Вволю натешился и сказал: «Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу». Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли да из тисков высвободили — времени и многонько ушло!

Вот барин захворал, лежит на постели да охает; а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит: «Кого полечить?» Барин услышал, зовет его: «Ты что за человек?» — «Я дохтур; всякую болезнь снимаю». — «Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!» — «Отчего не вылечить?»

Прикажи истопить баню». Тотчас вытопили баню. «Ну, — говорит мужик барину, — пойдем лечиться; только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза!» Пошли они вдвоем в баню; барин разделся. «А что, сударь, — спрашивает дохтур, — стерпишь ли, коли в этакое жару начну тебя мазью пачкать?» — «Нет, не стерпеть мне!» — говорит барин. «Как же быть? Не велишь связать тебя?» — «Пожалуй, свяжи». Мужик связал его бечевою, взял нагайку и давай валять на обе корки. Уж он валял-валял, а сам приговаривал: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» После, уходя, сказал: «Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и в третий, коли не отдашь гусака да двух сотен рублей на придачу». Барин еле жив из бани вылез, не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака и двести рублей.

* * *

Жил-был купец; у него был сын. Вот однажды посылает он сына в нижние города товары закупать и на прощанье наказывает: «Смотри же, сынок, будь умен да рассудлив, с рыжим да с красным не связывайся!» Поехал купеческий сын в путь-дорогу. День-то был морозный; вот он прозяб и заехал в кабак обогреться; входит — за стойкою сидит рыжий целовальник. «Налей-ка мне, — говорит ему купеческий сын, — стакан доброй наливки». Выпил стакан наливки, и больно прищлась она ему по вкусу: «Вот наливка, так наливка! Сто рублей стоит! Налей-ка еще». Выпил в другой раз — еще лучше показалась: «Ну, брат, этот стакан двух сот стоит». — А целовальник себе на уме: какую цену сказывал купеческий сын, ту и на стенку записывал. Пришло дело до расчета. «Сколько тебе?» — спрашивает купеческий сын. «Триста рублей». — «Что ты, белены объелся? Экую цену заломил!» — «Не я заломил, ты же сам назначил да теперь назад пятишься. Только, брат, от меня не отвертись; коль не заплатишь — с двора не спущу!» Нечего делать, заплатил купеческий сын

триста рублей, поехал дальше и думает сам с собою: «Вот она правда-то! Водись после того с рыжими да с красными! Недаром отец наказывал; родительское слово пустяшное не бывает».

На ту самую пору попадается навстречу рыжий мужик с возом. Как увидал его купеческий сын, тотчас выскочил из кибитки и сунулся ничком в снег, ажно дрожит с испугу! «Что с ним случилось? Не попритчилось ли?» — подумал встречный мужик, подошел к купеческому сыну и стал подымать его на ноги: «Вставай, брат!» — «Отвяжись от меня! Уж один рыжий надул меня, и ты надуешь». — «Полно, брат! Рыжий да красный всякий бывает: бывает плут, бывает и добрый человек. Да кто тебя обмануло?» — «Так и так, рыжий целовальник из соседнего села». — «Воротись со мной; я с ним сделаюсь». Вот приехали они в кабак, мужик тотчас окинул глазом всю избу, увидал: под матицей баранья лопатка висит, подошел к целовальнику, спросил рюмку водки, да тут же бьет его по плечу и говорит: «Продай-ка мне эту лопаточку!» — «Купи». — «Что возьмешь?» — «Рубль серебра». Мужик выкинул целковый; после вынул из-за пазухи широкий нож и дает купеческому сыну в руки: «На, брат, вырежь у него лопатку — мне на закуску». — «Что ты! — говорит целовальник. — Я тебе баранью лопатку продал, а не эту». — «Расскажи! Меня, брат, не проведешь, как этого купеческого сына; не на таковского напал!» Целовальник просит да молить, чуть не в ноги кланяется. «Ну, так и быть! — сказал мужик. — Отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну все деньги сполна». Целовальник отдал назад триста рублей; а мужик того и добивался. «Вот видишь, — говорит купеческому сыну, — рыжий да красный всякий бывает: бывает и плут, бывает и добрый человек. Поезжай теперь с богом!» А купеческий сын только и думает, как бы скорее убраться; сел в кибитку, погоняет лошадей и говорит сам с собой об мужике: «Слава богу, вырвался! Целовальник рыжий плутоват, а этот еще плутоватей; коли б с ним связался, кажись, он с меня с живого бы кожу снял!»

Жил-был бедный мужик; детей много, а добра — всего один гусь. Долго берег он этого гуся, да голод не тетка: до того дошло, что есть нечего: вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба». — «Ну что ж, с богом!» Приходит к барину: «Принес вашей милости гуська на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!» — «Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» А у того барина была жена, да два сына, да две дочери — всего было шестеро. Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты, — говорит, — всему в доме голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузку, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете — прочь улетите. А я, — говорит, — мужик глуп, мне глотать хлуп*!» Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедному, взял — зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» — спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов». — «Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так и сяк; нет, не разделишь поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вы теперь, сударь, сам-третей!» Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего — двум дочерям: «И вы теперь сам-третей!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третей!» Барин говорит: «Вот молодец, так молодец! Сумел всем поровну разделить, и себя не забыл». Тут

* Птичье туловище.

наградил он бедного мужика своею казною, а богатого выгнал вон.

* * *

Повез бедный мужичок дрова продавать. Встречает его богатый да чванный. «Эй, постой! Что на базар везешь?» — «Солому». — «Врешь, дурак! Какая солома — этой дрова!» — «Ну, коли сам видишь, так неча и спрашивать! У тебя глаза не вылезли!» Сказал бедный и поехал своей дорогой. На другой день идет богатый да чванный по улице с приятелем. «Так и так, — рассказывает ему, — разобидел меня бедный мужичишка!» А бедный как тут — едет опять навстречу. «Вот он — вчерашний мужик-то!» — говорит богатый. «Нет, врешь!» — отвечает ему бедный. — «Я не вчерашний: скоро сорок лет стукнет, как я живу на белом свете».

* * *

Шли проселком нищие — старик да старуха; стали подходить к деревне. Старик говорит: «Я здесь молока попрошу!» Старуха в ответ: «А я в молоко хлеба накрошу!» Старик ухватил старуху и давай бить да приговаривать: «Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!» Пришли в деревню, а молока никто не дал.

* * *

Повезла баба в город кринку масла продавать; время-то шло к масленой. Нагоняют ее два солдата: один позади остался, а другой вперед забежал и просит бабу: «Эй, тетка, подпояшь меня, пожалуйста». Баба слезла с воза и принялась подпоясывать. «Да покрепче подтяни!» Баба подтянула покрепче. «Нет, это туго; ослабь маленько». Отпустила послабже. «Уж это больно слабо будет: закрепи потуже». Пока завязывала баба пояс то крепче, то слабже, другой солдат успел утащить кринку с маслом и убрался себе подобру-поздорову. «Ну, спасибо тебе, тетка! Подпоя-

сала ты меня на всю масленицу», — говорит солдат. «На здоровье, служба!» Приехала баба в город, хватъ — а масла как не бывало!

* * *

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь». — «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?» — «Где хошь, там и заночуешь». — «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» — «Да нечего, родимый!» — «Вари кашиду!» — «Да не из чего, родимый!» — «Давай топор; я из топора сварю». — «Что за диво! — думает баба. — Дай посмотрю, как из топора солдат кашиду сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашиду: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашиду есть». Похлебали вдвоем кашиду. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?» — «Да вишь, он еще не уварился, — отвечал солдат, — где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распротился с хозяйкою и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашиды поел и топор унес!

* * *

Купил мужик гуся к празднику и повесил в снях. Провели про то двое солдат; один взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошел в избу. «Здорово, хозяйин!» — «Здорово, служба!» — «Благослови колядовать!» — «Колядуй, добрый человек!» Солдат начал:

А в лесе, в лесе
Солдат на стреси*;
Стреху продрал,
Гуся забрал.
Святой вечер!

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется. «Спасибо тебе, служивый! Я, — говорит, — такой коляды отроду не слыхивал». — «Ничего, хозяйин, завтра сам ее увидишь». Наутро полезла хозяйка за гусем, а гусем и не пахнет давно!

* * *

Дело было весною. Вынесли бабы холсты белить. «Ну, — говорят, — теперь надо смотреть да смотреть, как бы кто холстов не стибрил!» — «У меня все будет цело! — стала похваляться одна старушка. — Кто к моим холстам только руку протянет, тот с места не встанет!» Похвальные речи завсегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! Бывало, у людей кровь заговаривает, а у себя и соплей утереть не сможет. Вот разостлала она по полю холсты и уселась сторожить. Проходили мимо двое солдат, и вздумали поживиться чужим добром. «Слушай, товарищ! — говорит один. — Ты залезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану с бабой ласы точить». Сказано — сделано. Подошел солдат к старухе: «Здравствуй, баушка!» — «Здорово, батюшка! Куда тебя господь несет?» — «Иду к начальству за тем, за сем, больше незачем». — «И-и, родимый, служба-то ваша куды мудрена!» — «А я, баушка, к тебе с запросом; вижу: ты — человек бывальый! Разреши-ка наш солдатский спор. Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно». — «Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!» — «То-то! Прозвони-ка, баушка, повашему». — «По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон! тинь-тинь-тинь! дон-дон!» — «Не много разницы! У нас, баушка,

* Стреха — кровля, крыша.

звонят пореже». Тут солдат махнул своему товарищу рукою и зазвонил: «Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!» Старуха и рот разинула; пока она слушала, другой солдат стянул холст — и был таков! «Ну, служивый, — говорит старуха, а сама так и заливается со смеху, — звонны-то ваши куда чудны! Досьга насмеешься!» — «А вот ужо — так досьга наплачешься! Прощай, баушка!» — «С богом, родимый!» Вечером стали бабы холсты считать; у старухи нет одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась досьга: правду сказал солдат!

* * *

У мужика в сених висел кусок сала. Один солдат взобрался на чердак; другой вошел в избу: «Здравствуй, бабушка! Скажи, пожалуйста, как у вас звонят?» — «Неужли ж ты не слыхивал?» — «Не доводилось, бабушка!» — «У нас звонят: тень-бом! тень-бом!» — «А у нас: тини-тини, потягивай, на сто-ро-ну по-глядывай!» — «Хорошо и этак!» — говорит баба. Ну, пока один звонил, другой (солдат) сало стащил.

* * *

Пошел солдат в отпуск; шел-шел, много верст ногами измерил, и добрался к вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождем поливало, а тут изморозь пошла. Солдат крепко измочился и весь иззяб; остановился у одной избы, постучался в окно и просится ночевать! «Кто там?» — спрашивает хозяин. «Солдат». — «Откуда тебя черти принесли?» Ступай туда, откуда пришел». Постучался солдат у другой и у третьей избы, всю деревню обошел — нигде не пускают; приходится на улице мерзнуть! Увидал он — на другом краю стоит еще избушка, пошел туда и говорит: «Эй, хозяин, пусти на ночь кости обогреть!» — «Пожалуй, пущу, только с тем уговором, чтобы ты всю ночь сказывал нам сказки». — «Хорошо, — говорит солдат, — я стану сказывать, только чтоб никто мне не поперечил; а коли кто

хоть едино слово промолвит, так уж не погневись — тому и сказки рассказывать до белого дня». — «Ладно, ладно, служивый!» Вот поужинали и улеглись на ночь: хозяин с солдатом на лавках, хозяйка на печке, а работник под печкою. «Ну, — сказал солдат, — теперь слушайте, начинается моя сказка: как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки! Как у вас, хозяин, на деревне мужики все живут дураки!» И пошел твердить одно и то же, разов сто уж повторил! Мужик слушал-слушал, разобиделся и не вытерпел: «Послушай, служивый! Ведь ты и меня заодно ругаешь, не я ль тебя в избу пустил?» Солдат вскочил с лавки, хлоп хозяина по уху: «Мое дело было сказывать, твое — слушать да молчать!» Пристал к нему вплотную; ничем не отвяжешься! «Полно, служивый! — говорит хозяин. — Ложись с богом. Я сам тебе стану сказку сказывать». Солдат улегся, а мужик начал: «Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу! Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу!» Разов сто повторил он эти речи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышит, что в избе все еще бормочут, и говорит: «Полно вам болтать, скоро свет, а вы всё не спите!» Мужик с солдатом вскочили и пристали к старухе: «Как ты смела перебить нашу сказку? Теперь сама рассказывай!» Нечего делать, начала старуха: «Какой, — говорит, — хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил! Какой хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил!» Твердила, твердила; вот услышал работник и отозвался под печкою: «Будет вам толковать; из пустого в порожнее переливать; добрые люди давно спят!» Тут все трое, и солдат и хозяин с хозяйкою, уцепились за работника: говори-де нам сказку! Работник начал: «Как не спали мы с вечера, так и не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти! Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти!» И говорил он эти речи до самого света. Поутру собрался солдат в дорогу: «Прощай, хозяин!» — «Ну те к бесу!»

Два солдата шли домой на побывку; шли, шли — дело-то было зимою — и набрали на мерзлого человека. Один говорит: «Вот беда!» Другой ему: «Что за беда? Это бог клад дает!» Отрубил у мертвого ногу и положил ее в ранец со всем с сапогом.

Пришли они в большое село, сговорились промежду себя и выпросились один у богатого мужика на ночь, другой — у его соседа. Тот, что ночевал у богатого мужика, собрался рано-рано, только светать начинало, подбросил на полати отрубленную ногу и ушел потихоньку.

Погодя немного приходит его товарищ, стучится в избу и кричит: «Вставай! Солдату долго спать не приходится; пора в поход идти». — «Да его здесь нету, — говорит хозяйка, — видно спозаранку ушел». — «Вот те на, что выдумала, как же он про меня-то забыл?»

Тотчас вошел солдат в избу, бросился на полати, искал-искал и нашел отрубленную ногу, выгащил ее. «А это что?» — говорит. Хозяин с хозяйкою перепугались: «Батюшка! Знать не знаем, ведать не ведаем; ни душою, ни телом не виноваты». — «Врете вы, воры! Польстились на солдатские деньги, да и зарезали: вот так-то вы нашего брата прохожего обираете да свои карманы набиваете — с того и богатеете! Да что с вами много разговаривать! Пойду к сотскому и заявлю; пускай это дело суд разбирает». Мужик чуть не в ноги кланяется солдату: «Служивый! Батюшка! Нельзя ли как помириться?» Принес ему штоф водки, потчует, а сам все упрасивает. Солдат как выпил, еще пуще зашумел. «Не погуби, родимый! — просит мужик. — Хочешь полсотни взять?» — «Как бы не так! С убитого ты, чай, целую тысячу заграбил; давай пятьсот, в убытке не будешь! Коли дашь — все шито да крыто, а не дашь — на себя пеняй!» Нечего делать, заплатил ему мужик пятьсот рублей. «Давай еще на придачу лошадь с телегой». Мужик и на том не постоял. Вот солдат сел в повозку и поехал в путь-дорогу; нагнал своего товарища, что вперед-то ушел, и говорит: «Здорово, земляк! Не подвезти ли?» — «Что, как дело?» — «Да ведь я ж тебе говорил, что бог клад дает».

Сидели старик со старухой на печи. Старуха смотрит в окошечко на поле и говорит: «Что, старик, кабы был у нас сынок Иванушка, да была дочка Аленушка, вот бы сынок вспахал тут да посеял хлеба, хлеб-то бы вырос, а дочка сжала; нарастила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою созвала бы, а твоих не созвала б!» — «Нет, моих позови, а своих не надо!» — говорит старик. «Нет, своих позову, а твоих не надо!» Старик вскочил и ну таскать старуху за косу; таскал-таскал и с печи столкнул.

Старик поехал в лес за дровами, а старуха бежать собралась; напекла пирогов да хлебов, уложила в большой мешок и пошла к соседке прощаться. Узнал как-то про это старик, воротился домой, повынул из мешка все, что баба на дорогу заготовила, отнес пироги да хлебы в клеть, а сам сел в мешок. Старуха пришла домой, подняла мешок на спину и ударилась в беги. Сделала верст пять или шесть, остановилась и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» А старик из мешка кричит: «Вижу-вижу, слышу-слышу!» — «Ах, проклятый, он, пожалуй, догонит!» — думает старуха и пустилась дальше. Опять верст шесть отошла и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» — «Вижу-вижу, слышу-слышу!» — кричит старик. Она опять бежать; много верст отсчитала и так-то приустала, не пивши, не евши, что и сил больше не хватает. «Что будет — не будет, остановлюсь здесь, — думает старуха, — отдохну маленько да закушу». Глядь — а в мешке-то муж. Взмолилась старуха старику: «Батюшка, помилуй! Николи вперед не стану бегать». Старик ее простил, и пошли вместе домой.

* * *

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидел под кустом зайца, обрадовался и говорит: «Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына, на те деньги куплю свинушку, она принесет мне двенадцать поросеночков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; я всех приколю, амбар мяса накоплю; мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь»;

жена-то родит мне двух сыновей Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька, шибко людей на работу не туганьте*, видно, сами бедно не жили!» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал!

* * *

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки; захотелось к празднику гостей зазвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался: «Жена! — говорит он своей бабе. — Муки-то я украл, да боюсь — узнают, спросят: отколь ты взял такую белую муку?» — «Не кручинься, мой кормилец, я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных».

* * *

«Куда, добрый человек, идешь?» — «Да вон в соседнюю деревню». — «Что ж, там родня у тебя?» — «Да из нашей деревни отдана туда девка замуж». — «Так зачем же ты идешь?» — «Да либо пива напиться, либо подраться».

* * *

Пришла в кабак баба и спрашивает о своем муже: «Не был ли здесь мой пьяница?» — «Был». — «Ах, подлец, ах, разбойник! На сколько он выпил?» — «На пятак». — «Ну так давай мне на гривну».

* * *

Выдали девку замуж; она сидит и воет: «Свет-то моя крашенина, у матушки на печи осталась!» — «Какая крашенина? Много ли аршин?» — «Да я в квасу хлеба накрошила густо-нагусто, и с лучком и с маслом!»

* Не понуждайте

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты, моя защита и оборона!» — «Как, я ошпиана ворона? Ах ты, такая-сякая!» — и отколотил жену. «Что ты, глухой черт! — закричала баба. — Разбойник, обидчик этакой!» — «Вот давно бы так!» — сказал муж.

* * *

Давно было. Не стало на селе попа. Согласились мужики избрать попа миром, выбрали и пошли к дяде Пахому. «Пахом, — говорят ему, — а Пахом! Будь ты у нас на селе попом». Пахом и стал попом, да то беда: ни службы не знает, ни петь, ни читать не умеет. Вот однажды собрались миряне в церковь, а в тот день был большой у бога праздник. Пахом выносит книгу и спрашивает: «Православные! Знаете ли вы эту книгу?» — «Знаем, батька, знаем. Еще покойный поп все, бывало, ее читал». — «Ну, коли знаете, нечего вам ее и читать». Выносит другую: «Православные! А эту книгу знаете?» — «Нет, батька, этой не знаем». — «Ну, так что ж вам ее и читать!»

* * *

Повез мужик в город три четверти ржи продавать. Подъезжает к заставе. Обступили его мошенники: «Стоять! Как тебя зовут?» — «Егором, родимые!» — «Эх, брат! Недавно у нас четыре Егора церковь обокрали; троих-то нашли, а четвертого всё ищут! Смотри ж, коли где тебя спросят: как зовут?» — говори: без четверти Егор; а не то свяжут да в тюрьму посадят». — «Спасибо, родимые, спасибо, что научили!»

Приехал мужик на подворье, хватился, а четверти ржи как не бывало! На заставе стащили.

Жил-был мужик Иван да жена Арина. Послал он ее в поле рожь жать. Вот Арина пришла на полосу, выжала такое местечко, чтоб можно было одной улечься; улеглась, выспалась хорошононько и отправилась домой, будто и впрямь потрудилась-поработала. «Что, жена, — спрашива-

ет муж, — много ли сегодня выжала?» — «Слава тебе господи, одно местечко выжала». — «Ну, это хорошо! — думает мужик. — Одна полоса, значит, покончена». На другой день опять пошла Арина в поле, выжала местечко и проспала до вечера; и на третий день — то же самое, и на четвертый — то же самое; так всю неделю и проволочила. Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать; приезжает — а рожь стоит вся нежатая; кое-где, кое-где выжато местечками, да и то такими, что только человеку улечься. Стал жену искать и видит: лежит она на одном местечке да так-то храпит! Мужик сейчас домой, захватил ножницы, патоки и пуху; воротился на жниву, остриг свою бабу наголо, вымазал ей голову патокой и осыпал пухом; сделал все это и воротился на деревню.

Вот Арина спала-спала, да, наконец, и проснулась; хватилась рукой за голову и говорит сама себе: «Чтой-то попритчилось! Кажись, я — Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залает, так я, значит, — не Арина». Пришла на деревню прямо к своей избе и спрашивает под окошком: «Что, ваша Арина дома?» Муж смекнул и говорит ей: «Дома!» Тут вылезла из-под ворот собака, не признала хозяйки и бросилась на нее словно на чужую; так за полы и хватает. Арина бегом да бегом, как бы только живой от своего дома уйти! И пошла она бродить по полю; целые сутки ничего не пила, не ела.

После того мужик сжалился, простил ее, и с той поры стала Арина жать бесхитростно.

* * *

Доселева одинокий был Мартынок, задумал жениться и пошел свататься к попу; вот и сватает девку Устинью. Поп ему и бает: «Ой, Мартынок, отдал бы, да как станешь жить-то? Ведь Устя уросливая* такая!» Мартынок отвечает ему: «Батюшка! Я один, а с ней будем двое, не на кого будет сердиться, не с кем будет браниться». Поп согласился отдать Устю за Мартынка. Вот они и свенчались. Мар-

* Капризная.

тынок увез Устю к себе домой; она спрашивает: «Коли ты осердишься, что делаешь?» Он сказал: «Когда осержусь, с воды пьян бываю!» Потом спросил Устю: «А ты, Устя, когда осердишься, что делаешь?» — «Коли я сердита, тогда стану сидеть на печи к углу лицом и у кокошника козырек назад сделаю». На другой день утром уехал наш Мартынок на своей пегой кобыле пахать под вешну. Устя после его настряпала шанег, понесла к нему, кричит: «Мужик, иди есть!» Он как будто не слышит, пашет себе. Устя рассердилась, ушла домой, стряпню свою съела и села на печь к углу лицом. Мартынок как приехал домой, выпил два ковша воды, взял ягненка и порвал; начал полезать на печь к жене, оборвался, пал к дверям избы на пол и захрапел. Жена тихонько слезла с печи, дверей отпереть не посмела, в окошко дров натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Он проснулся, она его напотчевала и созвала в гости к отцу. Вот Мартынок запряг свою пегую кобылу в сани — нужды нет, что весной! Поехали; дорогою кобылато у них не пошла, Мартынок отсек ей голову и запряг свою Устю. Подъезжает к дому тестя: увидела попадьа с дочерьми, что Устя Мартынка везет, выскочила встречать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляют Усте; а поп благодарит Мартынка, что так учит уросливых. Пришли в избу, Устя заказывает своим, чтобы воды нигде не было, а поили бы вином да пивом; сказывала: когда Мартынок воды напьется — беда сердит! На другой день как-то одна стряпка оставила в сенях ведро с водою; он и напился воды, задурел как пьяный, приказывает Усте запрягаться, а она дрожит да все попа просит, чтобы дал им своего бурка. Поп подарил им лошадь; Мартынок уехал с Устей домой, и теперь они живут да хлеб жуют, а Устя поди-козь какая послушная стала!

В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижимистый! Как сядет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох посматривает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и полезут вон из-за стола голодные. А старик опосля, толь-

ко что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сътехонек. Вот одна отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекра: «Такой-де лютей, ненавистный! Жить нельзя! Совсем есть не дает, все ругается: ненаеды вы этикие!» — «Хорошо, — говорит ей отец, — я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки». И погодя денек-другой пришел он к старику вечером. «Здорово, сват!» — «Здорово!» — «Я к тебе в гости; рад ли мне?» — «Рад не рад, делать нечего; садись, так и гость будешь!» — «Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?» — «Ништо, живет себе!» — «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет». Сели за стол; старик нарезал хлеба, сам не ест — сидит, все на снох глядит. «Эх, сват! — говорит гость. — Это не по-нашему; у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал — и то поел. Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете!» После ужина стали спать укладываться. «Ты, сват, где ляжешь?» — спрашивает хозяин. «Я лягу на кутничке». — «Что ты! Я тут завсегда сплю», — говорит старик; вишь, в куте у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко; ночью, как заснут в избе, он украдкой встанет и наестся вдоволь. Сват это дело приметил. «Как хочешь, — говорит, — а я лягу на кутничке». Вот улеглись все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в залавок — скрип! А гость еще с вечера припас про него большой ремённый кнут; как вытянет свата раз, другой, третий — сам бьет да приговаривает: «Брысь, окаянная, брысь!» Пришлось старику не евши спать. Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил надолго себя помнить. Проводил его старик, и с тех пор полно — перестал у снох во рту куски считать.

Послала хохлушка в город мужа — продавать кадку масла да купить очипок*, и накрепко ему наказала по сторонам не зевать, а смотреть, чтобы не стащил кто кадки. Приехал хохол на базар, поставил свою кадку и уселся на

* Головной убор.

ней. «Что, хохол, продаешь?» — «Масличко». — «Покажи». — «Ни, вкрадешь!» И это говорил он всякому, кто только хотел торговать у него масло. Так без толку и просидел на базаре до самого вечера; а тут пришли два солдата. «Знаешь что, хохол?» — сказал ему один, — ведь с вашего брата набор, тебя, пожалуй, в солдаты возьмут. Не хочешь ли помериться? Может, ты и не годишься...» Хохол встал и пошел в меру становиться; солдат примерил его и говорит: «Ну, счастлив твой бог! Ты, брат, не годен». А тем временем другой солдат уж успел стащить у него кадку с маслом. Приходит хохол назад, смотрит — масло украдено; потужил он, потужил и поехал домой. Только в двери, а жена спрашивает: «Що, человек, купив очипок?» — «Ни». — «А масличко продав?» — «Ни». — «Сгубив?» — «Ни». — «Вкрали?» — «Ни». — «Де ж воно?» — «Ге! Усе утро стояв — не вкрали, повдень стояв — не вкрали, та насили-насили вже к вичеру вкрали!»

* * *

Шел солдат домой на побывку и забрел к одному мужику ночь ночевать. «Здравствуй, хозяин! Накорми и обогрей прохожего!» — «Ну что ж, садись за стол, гость будешь!» Солдат снял тесак да ранец, помолился образам и уселся за стол; а хозяин налил стакан горького и говорит: «Отгадай, служба, загадку — стакан вина поднесу; не отгадаешь — оплеуха тебе!» — «Изволь, сказывай загадку». — «А что значит чистота?» Солдат подумал-подумал и вымолвил: «Хлеб чист, значит он и чистота». Мужик хлоп его по щеке. «Что ж ты дерешься? Нас бьют да вину сказывают». — «Чистота, брат, кошка: завсегда умывается! А что значит благодать?» Солдат опять подумал-подумал и говорит: «Знамое дело, хлеб — благодать!» Мужик хлоп его в другой раз: «Врешь, брат, служба! Благодать — вода. Ну, вот тебе последняя загадка: что такое красота?» Солдат опять свое: «Хлеб, — говорит, — красота!» — «Врешь, служба; красота — огонь; вот тебе и еще оплеуха! Теперь полно, давай ужинать». Солдат ест да про себя думает: «Сро-

ду таких оплеух не видал, и на службе царской того не было; постой же, я тебе и сам удружу; будешь меня помнить!»

Поужинали и легли спать. Солдат выждал ни много, ни мало времечка; видит, что хозяева заснули, слез с полатей, поймал кошку, навязал ей на хвост пакли, паклю-то зажег да кошку на чердак погнал: бросилась она туда со всех четырех ног и заронила огонь в солому; вмиг загорелась изба, и пошло драть! Солдат наскоро оделся, подошел к хозяину и давай в спину толкать. «Что ты, служивый?» — «Прощай, хозяин! Иду в поход». — «Ступай с богом!» — «Да вот тебе на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати! Отгадывай!» — сказал солдат и пошел со двора. Пока мужик ломал себе голову, что бы такое значили солдатские речи, загорелся потолок. «Воды! Воды!» — кричит хозяин, а воды-то в доме ни капли нет; так все и сгнуло. «Ну, правду солдат загадал: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати!» Отольются кошке мышиные слезки!

* * *

Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы*. Приходит в балаган к разносчику: «Дядюшка, покажи-ка мне образ Временной Пятницы!» Вместо того показывает он ей Егория Храброго. «Дядюшка! Да отчего же она, матушка, на коне?» — «Экая ты, баба, дура! Оттого она и называется Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит. Вишь, конь-то так копытница и задирает!» Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала змию кукиш: «Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!» Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал стращать: «Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!»

* Пятница именуется Временною, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится в пятое («Русские простонародные праздники» И. Снегирева, I, 188).

После того баба ставила по свечке и Егорию и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает? «Да как же, родимые! ведь незнамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!»

* * *

Орал мужик в поле, выорал самоцветный камень. Идет домой, а навстречу ему сосед, такой стародревний. Показал ему камень: «Кому жож?» — «Неси, — говорит, — к царю». Понес; приходит во дворец и повстречал генерала. Поклонился ему до земли: «Батюшка! Доведи до царя». — «Зачем тебе нужно?» — «Несу из деревни подарок». — «Ну, мужичок, чем царь тебя наградит, отдай мне половину; а не хочешь — вовек не дойти тебе до царя». Мужик согласился. Вот генерал довел его до самого царя. «Благодарю, мужичок!» — говорит царь. — Вот тебе в награду за то две тысячи рублей». Мужик пал на колени: «Не надо мне, царь-государь, иной награды, кроме пятидесяти стежей в спину». Возжалел его царь и приказал дать ему пятьдесят стежей легонько. А мужик зачал считать; как дали двадцать пять, он и закричал: «Полно, будет с меня; другая половина послена тому, что довел меня до вашего царского величества». Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды, как следовало; только он не рад был такой награде! Царь поблагодарил мужичка и подарил ему целых три тысячи.

* * *

В некоем царстве поехал король по столичному городу покататься и в то время обронил с своей руки именной перстень. Тотчас же приказал он публиковать в газетах: кто найдет и доставит к нему перстень, тому будет большая награда деньгами.

И посчастливилось найти тот перстень одному простому солдату. «Как теперь быть?» — думает солдат. — Коли в полку объявить, то дело пойдет по начальству — от фельдфебеля к ротному, от ротного к батальонному, от батальон-

ного командира к полковнику, а тот к бригадному: этак не скоро конца дождешься! Дай-ка я лучше пойду прямо к королю».

Приходит во дворец; увидел его дежурный. «Ты зачем?»—«Я,— говорит,— королевский перстень нашел». — «Хорошо, братец! Я об тебе доложу королю, только с тем уговором: какую тебе даст король награду, из той награды половину мне». Солдат задумался: «Вот в кои-то веки счастье попало, да и тем поделись!»— Хорошо,— говорит дежурному,— только дайте расписку, что вам половина и мне половина». Дежурный дал расписку и доложил про него королю. Король похвалил солдата за находку: «Спасибо тебе, молодец! Я тебе пожалею за это две тысячи!»— «Нет, ваше королевское величество, это не солдатская награда; солдатская награда — двести палок». — «Дурак же ты!»— сказал король и велел принести палок. Стал солдат раздеваться, расстегнул пуговицы, и выпала у него расписка. «Это что за бумага?»— спросил король. «А это, государь, расписка, что из теперешней награды только половина моя, а другая следует дежурному». Король засмеялся, позвал дежурного и велел отсчитать ему сто палок. Вот по тому приказу и принялись угощать его палками; как скоро начали отсчитывать последний десяток, солдат подошел к королю и сказал: «Ваше величество, когда он такой жадный, что ему много надобно, то я, так и быть, жертвую ему и свою половину». — «Вишь какой добрый!»— сказал король и велел дать дежурному и другую сотню.

С той награды дежурный еле на карачках домой дополз; а солдата отпустил король в чистую отставку и при отпуске пожаловал ему на жить-бытье три тысячи рублей.

* * *

Был в одной помещицкой деревне управляющий-немец, праздников наших не почитал и завсегда заставлял мужиков работать. Приходит к нему однажды староста и говорит: «Завтра у нас праздник, работать нельзя». — «Какой там праздник выдумал?»— «Да святого Николы, батюш-

ка!»— «А где он? Покажь мне его!» Староста принес образ. «Ну, это доска!»— говорит немец.— Мне она ничего не сделает, и сам буду работать, и вы не ленитесь». Вот мужики и придумали сыграть с немцем шутку; опять приходит к нему староста: «У нас, батюшка, завтра праздник». — «Какой праздник?»— «Да преподобного шерстня». — «А где он? Покажь!» Староста привел его к старому дуплу, где шерстни водились: «Вот он!» Немец стал заглядывать в щели, а шерстни так и гудят! «Ишь,— говорит немец,— как песни-то распевает! Али водочки хлебнул? Ну, да я его не боюсь, все-таки прикажу работать». Пока немец рассуждал, шерстни вылетели и давай его жалить. «Ай-ай!»— закричал он во всю мочь.— Право слово — не велю работать, и сам не стану; пускай мужики хоть всю неделю гуляют».

БАЙКИ

Спи, усни, большой вырасти!
Вырастешь большой —
Станешь в золоте ходить,
Мамкам-нянькам обносочки дарить.
Спи, мое дитятко!
Баю, баюшки, баю!
Спи, мое милое,
Спи, моя ягодка,
Спи, мое семячко!
Будешь ты велик,
Станешь в золоте ходить,
Станешь в золоте ходить,
Чисто серебро носить.
Вырастешь побольше —
Станут девушки служить,
Станут девушки служить,
Нянюшки прислуживать.
Вырастешь побольше, дадут тебя замуж,
Дадут тебя замуж в большую деревню,
В большую деревню — в согласную семью,
За молодчика, за кудрявчика, за красавчика!
Спи, усни! Угомон тебя возьми!
Бай, бай, бай-баю, баюшки-баю!

* * *

Бог тебя дал, Христос даровал,
Пресвятая Похвала в окошко подала, Иваном
назвала: «Нате-тко, да примите-тко! Уж вы, ня-
нюшки, уж вы, мамушки!

Водитесь, не ленитесь.
Старья старушки! Укачивайте;
Уж вы, молоды молодки, уговаривайте; красныя
девицы! Убаюкивайте да упрятывайте.
Спи с Богом со Христом,
Спи со ангелами;
Спи, дитя, до утра, до солнышка.
Будет пора — мы разбудим тебя».
Сон ходит по лавке, дремота по избе.
Сон говорит:
— Я спати хочу.
Дрема говорит:
— Я дремати хочу.
По полу, по лавочкам похаживают, Ванюше в
зыбочку заглядывают, спать укладывают.

Жили-были два братца, два братца — кулик да журавль. Накосили они стожок сенца, поставили среди поляца. Не сказать ли сказку опять с конца?

* * *

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец*, тут и сказке конец.

* * *

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?

* * *

«Сказать ли тебе сказку про белого бычка?» — «Скажи». — «Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?» — «Скажи». — «Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да докуль это будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?»

* * *

«Рассказать ли тебе докучную сказочку?» — «Расскажи». — «Ты говоришь: расскажи, я говорю: расскажи; рассказать ли тебе докучную сказочку?» — «Не надо». — «Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; рассказать ли тебе докучную сказочку?» — и т. д.

* Рыба.

«Государь ты наш Сидор Карпович, много ли тебе от роду лет?» — «Семьдесят, бабушка, семьдесят, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ты умирать будешь?» — «В среду, бабушка, в среду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ж тебя хоронить будут?» — «В пятницу, бабушка, в пятницу, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем тебя поминать будут?» — «Блинами, бабушка, блинами, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, во что после тебя позвонить будет?» — «В сковороду, бабушка, в сковороду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, много ли у тебя детушек?» — «Семеро, бабушка, семеро, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем после тебя поить-кормить будет?» — «По миру, бабушка, по миру, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — зима студена!» — «В лапотках, бабушка, в лапотках, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — собаки съедят!» — «С палочкой, бабушка, с палочкой, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — не во что милостыню класть!» — «В сумочку, бабушка, в сумочку, Пахомовна!»

* * *

«Куда, миленький, снаряжаешься?» — «Не скажу». — «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» — «В город на ярманку». — «Миленький, возьми меня с собой!» — «Не возьму». — «Возьми, мой дорогой, меня с собой». — «Садись на самый краешек». — «Что у тебя, миленький, в

возу?» — «Не скажу». — «Что, мой дорогой, в возу?» — «Яблоки». — «Дай мне, миленький, яблочко». — «Не дам». — «Дай, дорогой, яблочко». — «Возьми одно». — «Где мы, миленький, ночуем с тобой?» — «Не скажу». — «Скажи, мой дорогой, где ночуем с тобой?» — «В большой деревне, у попа в пелевне».

* * *

«Коза, коза, лубяные глаза, где ты была?» — «Коней посла». — «А кони-то где?» — «Николка увел». — «А Николка-то где?» — «В клеть ушел». — «А клеть-то где?» — «Водой унесло». — «А вода-то где?» — «Быки выпили». — «А быки-то где?» — «В гору ушли». — «А гора-то где?» — «Черви сточили». — «А черви-то где?» — «Гуси выклевали». — «А гуси-то где?» — «В вересняк ушли». — «А вересняк-то где?» — «Девки выломали». — «А девки-то где?» — «Замуж выскакали». — «А мужья-то где?» — «Все примерли».

* * *

«Галка-копалка, ты куды, галка, летала?» — «На дедину полянку». — «Чего делают на дединой полянке?» — «Грамоту пишут, на девицу здышут». — «Девица, девица, сходи за водицей!» — «Рака боюся!» — «Рак на болоте, рубахи колотит, в цветном платье; трои сани с козырями, трои с вычурами».

* * *

Гуси-лебеди летели, в чисто поле залетели, в поле банюшку доспели. Воробей дрова колот, таракан баню топил, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася*; бела гнида подхватила, на рогожку повалила; сера блошка подскочила, ножку подломила, в передбанок вошку выносила...

* * *

Кот на печи сухари толчет, кошка в окошке ширинку шьет, свинья в огороде овес толчет, курочка в сапожках

* Устала.

избушку метет; вымела избушку, положила голичок под порожилок.

* * *

Ходит курочка в сапожках, выронила перышко, из перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановом селе-то собачка на лычке потягивает, медведь на цепочке порывается, господин на печке обувается, госпожа за печкой оладьи печет, сухари толчет.

* * *

Слетались птицы стадами, садились мальми рядами, пели они — воспевали, жалобно причитали: кто у нас на море большим? Кто на синем-то меньше? На море орел царем, на море орлица царица, его голубушка перепелка, русский гусь торговый, сера утка попадаья, воробьшек дьячок, малые чирята крылошане, дикие гуси дворяне, на море филин водовозом, на море журавль перевозом: то-то ли долгие ноги, то-то ли короткое платье! Журавль по бережку ходит, людей перевозит, цветно платье не мочит; галочки черноваты, малиновки хитроваты, синички молодичицы, касаточки красны девицы; малая птица синица сенушко косить не смогает, по корму скотинушку пускает; жаворон воспевает, слышит весну красну, слышит лето тепло: стала мать-рожь на колос метаться, скотинушка в лес убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, летом ворона по суслонам*, зимой ворона по дороге, каждого следу перегребают, каждого братом называет; сорока-то гостиная жена, хочет богато ходити, с денежки на денежку ступать, рублем ворота отпирать, полтиною замечать, без калача исть не сядет, без водки не изопьет.

* * *

Лежит зайка под кустом; охотники за ним взорят, зверя малого ловят. Сочил зайка на ноги: «Вы, охотнички, идите — на мой хвостик посмотрите!»

* Суслон — несколько снопов, сложенных в кучу.

«Зайнька серенький, где ты был-спобывал?» — «Был я, побывал в огороде-ельничке, в амбарчике-спальничке». — «Кого видел-сповидал?» — «Видел я, повидал три девчины хороши, три любчины пригожи; Анюшенька черноброва, черноглаза лучше всех». — «Зайнька серенький, они звали ли тебя?» — «Звали-звали, позывали: Катюша на часок, Марьюша на денек; Анюшенька удала на недельку позвала». — «Зайнька серенький, кормили ли тебя?» — «Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Анюшенька удала кашу с маслом поднесла». — «Зайнька серенький, поили ли тебя?» — «Катюшка-то пивцом, Марьюша-то винцом; Анюшенька удала стакан меду налила». — «Зайнька серенький, положили ли тебя?» — «Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Анюшенька удала подушечку подала». — «Зайнька серенький, не били ли тебя?» — «Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Анюшенька удала за ушеньки подрала». — «Зайнька серенький, провожали ли тебя?» — «Катюша-то на сенец, а Марьюша на крылец; Анюшенька удала за ворота провела».

* * *

Тень-потетень, выше города плетень; на полице трубица гороховая, на печи калачи, как огонь горячи, с печки упали, в горшочек попали. Кушайте, бояре, поварных щей. Тетка-божатка, сошей-ка рубашку, тоненьку, беленьку, кошой вороток. Поеду я жениться, на сивке, на бурке, на соловой кобылке. Кобылка, кобылка, не сдерни овина; в овине Арина ткет полотно, перетьки-то* кладет, да недотыкивает. Шапка-татарка поехала по лавкам; бей в доску да поминай Москву. Как на Вологде вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка, для ча долго не жила? Я боялась типуна. А типун-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дети хотят улетети за Иванов город. Они по грамотке пишут, на девицу дышут. Девица, девица, поди по водичу! На дороге-то волки горох молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадаья-то с

* *Перетьки* — особенного рода нить, затканная в полотно.

печи обломала плечи. Сём-пересём на лопатке испечен; мужик песню спел, на капустник сел, съел три короба блинов, три костра пирогов, заулок рогулек, заход калачей, макинницу сулою*, овин киселя, поваренку щей!

* * *

Ну-тка, дядюшка Корнило, запрягай-ка ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горе-тоску: стоит бражка в туюску, бражка пьяная-пьяна, весела хмельная голова! Бражку скоро выпивай!..

* * *

Пошел полковник погулять, поймал птичку-перепелочку; птичка перепелочка пить похотела, поднялась-полетела, пала-пропала, под лед попала, попа поймала, попа-поповича, Петра Петровича.

* * *

Однажды говорила о себе репа: «Я, репа, с медом хороша!» — «Годи прочь, хвастунья!» — отвечал ей мед. — Я и без тебя хороша».

* * *

Была репа важная, дивилась старуха кажная; одним днем кругом не обойдешь; у той репы половину мы с семьей целую неделю ели, а другую половину другую неделю; корку навалили да кобылу надсадили и телегу обломили. Вот какая была мудрость недавно утресь!

* * *

Стоит град пуст, а во граде куст; в кусте сидит старец да варит изварец; и прибежал к нему косою заяц и просит изварец. И приказал старец безногому бежать, а безрукому хватать, а голому в пазуху класть.

* *Сулой* — мутный квас и густое сусло, из которого варят ржаной кисель.

Теща про зятя пирог пекла, творила да вмесила три осьмины муки, соли да крупы на четыре рубли, масла да яиц на восемь рублей, окорок свиной да поросенок годовой. Этого пирожка семерым не съесть, а хоть семеро подымут, так десятком не съесть. А зятек сел, в присядку все съел.

Теща по полу похаживает, скоса на зятя поглядывает: «Милый зять, не одуло ли тебя?» — «Ласкова теща, не прибавишь ли еще хоть сито блинов, решето пирогов?» — «Что тебя, зятюшка, не розорвало?» Вот зять идет дорогой, а брюшина стороной; навстречу ему прохожий — спрашивает: «Что это за диво? Где я ни бывал, нигде не видал!» — «Какое это диво — зятева брюшина!»

* * *

«Бабушка Арина, куда ты ходила?» — «В новую деревню». — «Ну что в новой деревне?» — «Утка в юбке, селезень в кафтане, корова в рогоже — нет ее дороже». Это присказка, сказка будет впереди. Кудель, кудель, куда ты летела, на кусточек села, на кусточек села — соловьем запела? У нас не так, как у вас: и кудель поет соловьем!

* * *

Наташка, Наташка, сладенька кулажка*, сладка медовая, в печи не бывала, жару не видала. Заиграли утки в дудки, журавли пошли плясать, долги ноги выставлять, долги шеи протягать.

* * *

Меж долами, меж горами сидит баба с пирогами, недорого продает, все по денежке пирог. Она век-от свой торгует, ходит босиком: чулки новые, пяты голы, носки выпадали. Призакаялась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базар везти.

* *Калага* — ржаной солод, смешанный с ржаной мукой и сваренный в печке.

Курошинским-то ребятам ныне пожилось, прибогатилось; они с торгу муку брали, муку на солод меняли, часто пивушко варили, бражку пьяненькую, бражку хмельненькую. Они пили-пировали, сами все проистощали, кошелечки нашивали и пестери наплели, по дворам побрели.

* * *

Не белая березонька в поле шатается, шелудивый с плешивым считается: «Хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

СОДЕРЖАНИЕ

Шемякин суд.....	3
Загадки.....	5
Горшеня.....	9
Мудрые ответы.....	11
Мудрая дева.....	12
Попов работник.....	15
Царевич-найденыш.....	15
Сосватанные дети.....	16
Дочь пастуха.....	19
Оклеветанная купеческая дочь.....	20
Царица-гусяр.....	24
Отец и дочь.....	26
Солдат и царь в лесу.....	28
Солдат и разбойник.....	31
Разбойники.....	32
Мудрая девица и семь разбойников.....	36
Убогий.....	43
Бесстрашный.....	44
Рассказы о мертвецах.....	49
Упырь.....	63
Иван купеческий сын отчитывает царевну.....	67
Рассказы о ведьмах.....	71
Смерть скупого.....	81
Скрипач в аду.....	81
Горшечник.....	83
Вдова и бес.....	85
Леший.....	86
Морока.....	87

Дока на доку.....	90
Ворожея.....	92
Знахарь.....	96
Слепцы.....	97
Вор.....	100
Вороватый мужик.....	104
Солдатская загадка.....	106
Мертвое тело.....	109
Шут.....	110
Иванушка-дурачок.....	115
Дурак и береза.....	117
Набитый дурак.....	119
Лутонюшка.....	121
Мена.....	122
Сказка про братьев Фому и Ерему.....	125
Хорошо, да худо.....	126
Не любо — не слушай.....	127
Байка про старину стародавнюю.....	144
Удалой батрак.....	145
Иван-дурак.....	147
Фома Беренников.....	149
Сказка о злой жене.....	152
Жена-спорщица.....	154
Жена-доказчица.....	155
Головиха.....	158
Муж да жена.....	159
Вещий дуб.....	160
Дорогая кожа.....	161
Как муж отучил жену от сказок.....	164
Крест — порука.....	165
Об отце Николае.....	167
Скряга.....	168

СКАЗКИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АФАНАСЬЕВА	
Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове.....	170

Девушка и медведь.....	172
Три сестры.....	173
Сказка о золотом, серебряном и медном царствах.....	174
Сказка о Василисе золотой косе, непокрытой красе, и об Иване-Горохе.....	178
Сказка о семи Семионах, родных братьях.....	186
Сказка о сильном и храбром непобедимом богатыре Иване-царевиче и о прекрасной его супружнице Царь-девице.....	193
Сказка о трех королевичах.....	201
О Иванушке-дурачке.....	203
Смирный муж и драчливая жена.....	205
Сказка про перстень о двенадцати винтах.....	210
Сказка о Бессчастном стрелке.....	217
Неосторожное слово.....	220
Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке.....	221
Сказка о лягушке и богатыре.....	225
Сказка об Иване-богатыре, крестьянском сыне.....	231
Лихо.....	238
Нужда.....	239
Сказка о Силе-царевиче и об Ивашке белой рубашке.....	240
О Горе-горянине, Даниле-дворянине.....	243
Рассказ о мертвце.....	249
Сказка о богатыре Голе Воянском.....	250
Еруслан Лазаревич.....	253

СКАЗКИ, ИЗЪЯТЫЕ ЦЕНЗУРОЙ ИЗ СБОРНИКА
«НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ»

О хитрости царя Соломона.....	260
Христов крестник.....	261
Риза на иконе.....	263

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ.....	265
БАЙКИ.....	290
ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ.....	292
ПРИБАУТКИ.....	293

«...Между разнообразными памятниками
устной народной словесности
(песнями, пословицами, поговорками) сказки занимают видное место
и раскрывают перед читателем обширный и волшебный мир...

...Поверья и предания, встречаемые в них,
говорят о старинном быте славянских племен;
олицетворенная стихия, чары и обряды, таинственные загадки,
сны и приметы — все послужило мотивами,
из которых развился сказочный эпос, столь пленительный
своей младенческой наивностью, теплой любовью к природе
и обаятельной силой чудесного».

А. Н. Афанасьев

Литературное приложение

ISBN 978-5-275-01647-5

9 785275 016475

ОГОНЁК